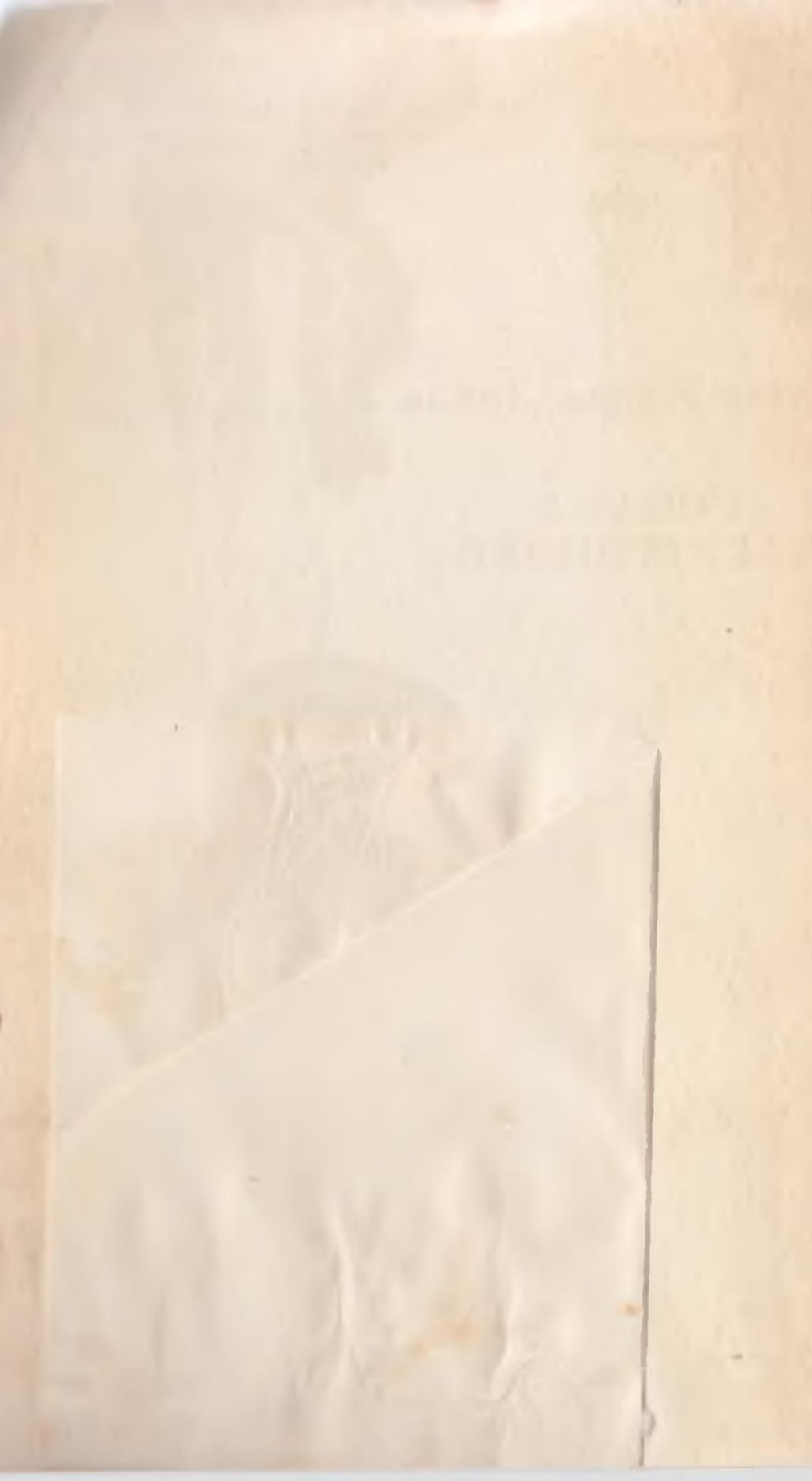

Артур Конан Дойль

СОБАКА
БАСКЕРВИЛЕЙ

Б.О.

Артур Конан Дойль

СОБАКА
БАСКЕРВИЛЕЙ

РАССКАЗЫ

Переводы с английского

Москва

«Художественная литература»

1987

ББК 84.4Вл
К64

Художник
А. Белюкин

Конан Дойль Артур
К64 Собака Баскервилей. Рассказы. Пер. с англ. /
Худож. А. Белюкин.— М.: Худож. лит., 1987.— 272 с.

Наибольшую известность английскому писателю Конан Дойлю принесли его повести и рассказы о сыщике-любителе Шерлоке Холмсе. В настоящий сборник вошли одна из лучших повестей писателя «Собака Баскервилей» и пять рассказов, в центре повествования которых — Шерлок Холмс.

К 4703000000-387 без объявл.
028(01)-87

ББК 84.4Вл

© Состав, оформление.
Издательство «Художественная
литература», 1987 г.

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Перевод Н. Волжиной

ГЛАВА I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех передких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником — из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника была прибита серебряная пластинка шириной около дюйма. На пластинке было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надежными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незамеченными.

— Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

— Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник, — ответил он. — А в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. И раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней ее владельца, а я вас слушаю.

— По-моему, — начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля, — этот доктор Мортимер — преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

— Хорошо! — сказал Холмс. — Превосходно!

— Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

— А это почему?

— Потому что его палка, в прошлом весьма педурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся — видно, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

— Весьма здоровое рассуждение, — сказал Холмс.

— Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают «клуб», вернее всего, охотничий, членом которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

— Уотсон, вы превзошли самого себя! — сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая сигарету. — Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любовью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло мое самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил сигарету в сторону, подошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

— Не бог весть что, но все же любопытно, — сказал он, возвращаясь на свое излюбленное место в углу дивана. — Кое-какие данные здесь безусловно есть, и они послужат нам основой для некоторых умозаключений.

— Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? — спросил я не без чувства самодовольства. — Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

— Увы, дорогой мой Уотсон, большая часть ваших вы-

водов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек безусловно практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

— Значит, я был прав.

— В этом отношении — да.

— Но ведь это все?

— Нет, пет, дорогой мой Уотсон, не все, далеко не все.

Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Чаринг-Кросская» напрашивается само собой.

— Возможно, что вы правы.

— Все наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

— Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Чаринг-Кросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

— А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

— Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

— А что, если мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

— Это весьма вероятно.

— Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это доступно только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора, живущего при лечебнице, то есть

нембогим большая, чем роль практиканта. И он ушел отсюда пять лет назад — смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек лет тридцати, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я педоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

— Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, — сказал я, — но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

— «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год — куратор Чаринг-Кросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу «Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?». Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей «Аномальные явления атавизма» («Ланцет», 1882), «Прогрессируем ли мы?» («Вестник психологии», март, 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

— Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон, — с лукавой улыбкой сказал Холмс, — зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту: только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

— А собака?

— Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко обнимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера

такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... боже мой! Ну, конечно, коккер-спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоуменно взглянул на него.

— Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

— По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой — добро или зло, — неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?.. Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подобает человеку его профессии, но несколько неряшливо: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Войдя в комнату, наш гость тотчас же увидел палку в руках Холмса и с радостным возгласом потянулся за ней.

— Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в пароходной компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

— Подарок? — спросил Холмс.

— Да, сэр.

— От Чаринг-Кросской лечебницы?

— Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

— Ай-ай, как это скверно! — сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумленно заморгал глазами.

— А что тут скверного?

— Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный.

— Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

— Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись,— сказал Холмс.— А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

— И, по-видимому, человек научного склада ума?

— Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс; так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

— Нет, доктор Уотсон вот, перед вами.

— Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлинённый череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея, до тех пор пока не удастся получить самый оригинал. Не сочтите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

— Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр,— сказал он.— Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете крученые папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и бумагу и с поразительной ловкостью свернул папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгляды, которые он бросал на нашего занятого собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересуется им.

— Я полагаю, сэр,— начал он наконец,— что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

— Нет, сэр, конечно, нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно странная задача. Считаю вас вторым по величине европейским экспертом

— Нет, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто

имеет честь быть первым? — довольно резким тоном спросил Холмс.

— Господин Бертильон пользуется большим авторитетом у людей с научным складом мышления.

— Так почему бы вам не обратиться к нему?

— Я говорил, сэр, о «научном складе мышления», но как практик вы не знаете себе равных — это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

— Так, самую малость, — ответил Холмс. — Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чем состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

ГЛАВА II

ПРОКЛЯТИЕ РОДА БАСКЕРВИЛЕЙ

— У меня в кармане лежит одна рукопись, — сказал доктор Джеймс Мортимер.

— Я заметил это, как только вы вошли, — сказал Холмс.

— Рукопись очень древняя.

— Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Разговаривая со мной, вы все время показываете мне краешек этой рукописи дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую вашу рукопись тысяча семьсот тридцатым годом.

— Точная дата — тысяча семьсот сорок второй. — Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака. — Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазер, как ваш покорный слуга. И все же он относился к этому документу очень серьезно и был подготовлен к тому концу, который и уготовила ему судьба.

Холмс протянул руку, взял рукопись и расправил ее на коленях.

— Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я взглянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустертыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

— Это, по-видимому, какая-то запись.

— Да, запись одного предания, которое живет в роду Баскервильей.

— Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

— Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту ее вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул кончики пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

— «Много есть свидетельств о собаке Баскервильей, но, будучи прямым потомком Хьюго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он — от моего деда, я положил себе записать сию историю, не сомневаясь в подлинности ее. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием, и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайте же, что во времена Великого Восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владельцем поместья Баскервиль был Хьюго, того же рода, и этого Хьюго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи прогнали бы его за все его прегрешения, ибо святые никогда не

водились в наших местах, но в натуре Хьюго была склонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всем Девоне. Случилось так, что этот Хьюго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервилей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а было это в михайлов день, Хьюго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастливая чуть не лишилась ума, слыша пение, крики и страшную брань, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Хьюго Баскервиля, он был столь несдержан на язык во хмелю, что, казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девицу до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную сторону замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Хьюго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питье, а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вниз по лестнице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал флаги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И, пока сотрапезники его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Хьюго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную кобылу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но

вот до их отуманенного винными парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто флягу вина. Потом, несколько одумавшись, они всей оравой, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко, преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу и что по следам ее неслись собаки.— Но я видел и нечто другое,— присовокупил он.— Хьюго Баскервиль проскакал мимо меня на своей вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они услышали топот копыт, и вслед за тем вороная кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, потом двинулись дальше, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки, крадучись, отбегали в сторону, а другие, оцетинившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а за ней — два больших каменных столба, поставленных здесь еще с незапамятных времен. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Хьюго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как

волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Хьюго стояло мерзкое чудовище — огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах перервало глотку Хьюго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули вне себя от страха и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, дети мои, предание о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что знаемое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и загадочной? Так пусть же не оставит нас провидение своей неизреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого колена, коим грозит отщепенение, как сказано в Библии. И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Хьюго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет)».

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурочек в камин.

— Ну и что же? — сказал он.

— По-вашему, это неинтересно?

— Интересно — для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную вчетверо газету.

— Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня этого года. В нем помещен короткий отчет о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этой даты.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательный. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

— «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворишей не мешает помнить, что потомок древнего рода, знававшего лучшие времена, смог собственными руками нажать себе состояние и обратить его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершил весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность многим другим людям, которые не останавливаются, до тех пор пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы дознанию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со странностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности лакея, жена — экономки. В своих показаниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время замет-

но ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чем свидетельствовали то и дело появляющаяся у него одышка, бледность и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что парадная дверь все еще открыта, Бэрримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше... и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что, как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился — по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного — доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основываясь на данных медицинской экспертизы, присяжные на дознании вынесли вердикт — скоропостижная смерть, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если бы проанализировать точные вы-

воды присяжных не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман. — Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

— Вы ознакомили меня с делом, которое, безусловно, не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это, — сказал Шерлок Холмс. — В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камнями и так старался услужить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

— Да.

— Тогда ознакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать. — Он откинулся на спинку кресла, сомкнув кончики пальцев, и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

— Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом, — начал доктор Мортимер, явно волнуясь. — Я о многом умолчал во время дознания по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла — значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое о чем умолчать, потому что излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы. Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота — место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Френкленда из Лефтер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретишь ни одного обра-

зованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов.

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и, действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэр Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню, как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я считал нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымысленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жив-

ни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернется назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стэптон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Лакей Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось во время дознания, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, остановился, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания. По его словам, на земле около тела не было видно никаких отпечатков. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие...

— Следы?

— Следы.

— Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

— Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

ГЛАВА III

ЗАДАЧА

Признаюсь, что при этих словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперед, и в глазах у него вспыхнули сухие, колючие искорки — верный признак проснувшегося интереса.

- Вы сами их видели?
- Точно так же, как вижу вас.
- И ничего об этом не сказали!
- А зачем?
- Неужели, кроме вас, их никто не видел?
- Они были шагах в тридцати от тела, и на них, вероятно, просто не обратили внимания. Я бы сам ничего не заметил, если б не вспомнил легенду.
- На болотах, должно быть, много овчарок?
- Разумеется. Но это была не овчарка.
- Вы говорите, что следы очень большие?
- Огромные.
- Но к телу сэра Чарльза они не приближались?
- Нет.
- Какая тогда стояла погода?
- Сырая, холодная.
- Но дождя не было?
- Нет.
- А что представляет собой эта аллея?
- По бокам высокая живая изгородь из тесно сросшихся старых тисов. Посередине — дорожка футов восьми в ширину.
- А между кустарником и дорожкой есть что-нибудь?
- Да, по обе стороны идет полоска дерна около шести футов в ширину.
- Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?
- Да, и эта калитка ведет на болота.
- А других выходов туда нет?
- Нет.
- Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведет на болота?
- Есть еще один выход — через беседку в дальнем конце.
- Сэр Чарльз дошел туда?
- Нет, он лежал шагах в пятидесяти от нее.
- Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?
- На траве следов обычно не видно.
- Они были на той же стороне дорожки, где калитка?
- Да, на самом краю, ближе к калитке.
- Чрезвычайно интересно! Еще один вопрос: калитка была закрыта?

- Не только закрыта, но и заперта на висячий замок.
- Какой она вышины?
- Фута четыре.
- Значит, через нее можно перелезть?
- Да.
- А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?
- Нет, ничего особенного.
- Боже мой! Неужели там не посмотрели?
- Нет, я сам смотрел.
- И ничего не нашли?
- Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому, простоял у калитки минут пять — десять.
- Почему вы так думаете?
- Потому что пепел дважды упал с его сигары.
- Превосходно! Вот такой помощник нам и нужен! Правда, Уотсон? Ну, а следы?
- Гравий был испещрен его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс нетерпеливо ударил себя по колену.

— Ах, если б я сам там был! — воскликнул он. — Это, по-видимому, чрезвычайно интересное дело. Какие богатые возможности для серьезного научного расследования! Гравий — это такая страница, на которой я мог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождем, затоптана башмаками любопытных фермеров... Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Почему же вы меня сразу не позвали? Какой грех на вашей совести!

— Я не мог обратиться к вам, мистер Холмс: ведь тогда мне пришлось бы предать гласности все эти факты, а я уже объяснил, что меня удерживало от такого шага. Кроме того, кроме того...

— Что же вы колеблетесь?

— Есть такая область, где бессилен самый проникающий и самый опытный сыщик.

— Вы намекаете, что мы имеем дело со сверхъестественной силой?

— Я этого не говорю.

— Не «говорю», но «думаю»?

— С тех пор как произошло это несчастье, мистер Холмс, мне рассказали несколько случаев, которые трудно связать с естественным ходом вещей.

— Например?

— Я выяснил, что кое-кто из местных жителей еще до

трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона и не похожее ни на какое другое животное, известное науке. Все видевшие его утверждали в один голос: это страшный светящийся призрак непомерной величины. Я опросил этих людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов на вещи, здешний кузнец и один фермер. Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде. Верьте мне, мистер Холмс, во всей нашей округе царит ужас, выходить на болота ночью никто не отваживается, разве только самые отчаянные смельчаки.

— И вы, человек науки, верите, что это явление сверхъестественное?

— Я сам не знаю, чему верить.

Холмс пожал плечами.

— До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира,— сказал он.— Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самопадежно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии — вещь весьма реальная?

— Собаке, о которой говорится в предании, нельзя отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И все же в ней было что-то демоническое.

— Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы говорите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

— Я ни о чем таком вас не просил.

— Тогда чем же я могу помочь вам?

— Советом. Скажите мне, как я должен поступить с обром Генри Баскервилем, который приедет на вокзал Ватерлоо,— доктор Мортимер посмотрел на часы,— ровно через час с четвертью.

— Это и есть наследник?

— Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нем справки и выяснили, что он ведет хозяйство у себя на ферме, в Канаде. Судя по отзывам, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

— Других претендентов на наследство нет?

— Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать,— это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах,— отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервильевскую деспотичность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Хьюго Баскервиля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри — последний отпрыск рода Баскервильей. Через час пять минут я должен буду встретить его на вокзале Ватерлоо. Он известил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптон. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте, как мне с ним быть?

— А почему бы ему не уехать сразу в свое родовое поместье?

— Да, такое решение напрашивается само собой. Но вспомните, что все Баскервилли, которые жили там, кончали трагически. Я уверен, будь у сэра Чарльза возможность поговорить со мной перед смертью, он запретил бы мне привозить последнего отпрыска древнего рода в это страшное место. И в то же время нельзя отрицать, что благоденствие всей нашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своем поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все начинания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личная заинтересованность в наших местных делах не взяла надо мной верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам.

Холмс задумался.

— В двух словах дело обстоит так,— сказал он наконец.— Вы считаете, что некая злая сила делает Дартмур небезопасным для Баскервильей. Правильно я вас понял?

— Во всяком случае, некоторые данные для таких опасений имеются.

— Так. Но если ваша теория о сверхъестественных силах правильна, то они могут погубить этого молодого человека не только в Девоншире, но и в Лондоне. Трудно представить себе дьявола с такой узко местной властью. Ведь это не какой-нибудь член приходского управления.

— Если бы вам пришлось столкнуться со всем этим самому, мистер Холмс, вы бы не стали так шутить. Значит, по-вашему, молодому человеку безразлично, где быть — в

Лондоне или Девоншире? Он присажает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

— Советую вам, сэр, позвать кэб, взять с собой своего спаниеля, который скребется у входной двери, и ехать на вокзал встречать сэра Генри Баскервиля.

— А потом?

— Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальнейший план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

— Сколько вам потребуется времени на это?

— Одни сутки. Я буду весьма вам обязан, доктор Мортимер, если вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведете с собой сэра Генри Баскервиля. Мне нужно познакомиться с ним.

— Хорошо, мистер Холмс.

Он записал дату и час свидания на манжете и, так же рассеянно озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

— Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привидение являлось на болотах и раньше?

— Да, об этом рассказывают трое.

— А после смерти сэра Чарльза ничего такого не было?

— Не знаю. Не слышал.

— Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел на свое место в углу дивана и улыбнулся той спокойной, удовлетворенной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

— Уходите, Уотсон?

— Да, если я ничем не могу вам помочь.

— Нет, друг мой. Я обращаюсь к вам за помощью, когда надо приступить к действию. Но какое великолепное дело! Во многих отношениях просто из ряда воп выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к нему и попросите прислать мне фунт самого крепкого табаку. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обменяюсь с вами впечатлениями по поводу чрезвычайно интересной задачи, которую нам задали сегодня утром.

Уединение и покой были необходимы моему другу в часы напряженной умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшие подробности дела, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал их между собой и решал, какие сведения существенны и какими можно пренебречь.

Поэтому я провел весь день в клубе и вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов.

Я отворил дверь в гостиную и перепугался — уж не пожар ли у нас? — ибо в комнате стоял такой дым, что сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

— Простудились, Уотсон? — спросил он.

— Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фирмиамов.

— Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

— Какое там «немного»! Дышать нечем!!

— Тогда отворите окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

— Холмс, дорогой мой!

— Правильно?

— Разумеется, правильно, но как вы...

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

— Ваше простодушие, Уотсон, поистине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дому в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нем сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

— Да, совершенно очевидно.

— Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

— Тоже весь день просидели сиднем?

— Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

— Мысленно?

— Совершенно верно. Мое тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стэнфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Лыщу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

— Карта крупного масштаба?

— Да, очень крупного.— Он развернул один сектор этой карты и положил его на колени.— Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

— Окруженный лесом?

— Совершенно верно. Тисовая аллея здесь не обозначена, но я полагаю, что она идет справа, параллельно болотам. Вот эта маленькая группа строений — та самая деревушка Гримпен, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. Как видите, на пять миль в округности жилье встречается очень редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упоминал доктор. Здесь, по-видимому, стоит дом натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил его фамилию. Вот это — две фермы: «Каменные столбы» и «Гнилое болото». В четырнадцать милях от них — принстаунская каторжная тюрьма. А между этими отдельными точками и вокруг них расстилаются унылые, лишенные признаков жизни болота. Вот вам сцена, на которой разыгралась эта трагедия и, может быть, разыграется еще раз с нашей помощью.

— Да, места дикие.

— Сцена обставлена как нельзя лучше. Если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела...

— Значит, вы тоже склонны видеть во всем этом нечто сверхъестественное?

— А разве пособники дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для начала нам придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чем заключается это преступление и как оно было совершено? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силами, которые находятся вне законов природы, тогда нам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете. Как это ни странно, но, по-моему, концентрация табачного дыма способствует концентрации мысли. Я еще не дошел до того, чтобы забираться в нору во время своих размышлений, но логический вывод из моей теории именно таков. Ну как, вы успели подумать над этим делом?

— Оно не выходило у меня из головы весь день.

— И к чему вы пришли?

— Запутанная история.

— Да, история весьма своеобразная. Особенно в неко-

торых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?

— Мортимер говорил, будто бы сэр Чарльз прошел эту часть аллеи на цыпочках.

— Он только повторил слова какого-то идиота, сказанные во время дознания. Зачем это человеку может понадобиться идти по аллее на цыпочках!

— Тогда в чем же тут дело?

— Он бежал, Уотсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всем бегу упал мертвым.

— Спасался? Но от кого?

— В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым данным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.

— Почему вы так думаете?

— То, что его напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь — а, по-видимому, все так и было, как я предполагаю, — то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыган показал на дознании, что сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на нее рассчитывать. Потом еще одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

— Вы думаете, что он ждал кого-то?

— Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку — ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

— Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

— И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Уотсон, как все складывается — звено к звену! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, и мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде на то, что завтрашний визит доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля даст нам новую пищу для размышлений.

ГЛАВА IV

СЭР ГЕНРИ БАСКЕРВИЛЬ

Мы позавтракали рано, и Холмс, облаченный в халат, приготовился к приему посетителей. Наши клиенты не опоздали ни на секунду — как только часы пробили десять, доктор Мортимер вошел в кабинет в сопровождении молодого баронета. Последнему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатление очень живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых темных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветренная кожа свидетельствовали о том, что этот человек отнюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, уверенная осанка выдавала в нем истого джентльмена.

— Сэр Генри Баскервиль,— представил его нам доктор Мортимер.

— Да, он самый,— сказал баронет.— И любопытнее всего то, мистер Холмс, что, если б мой друг не предложил мне посетить вас, я пришел бы к вам по собственному почину. Вы, говорят, умеете отгадывать разные ребусы, а я как раз сегодня утром столкнулся с таким, который мне не по силам.

— Присаживайтесь, сэр Генри. Если я правильно вас понял, то по приезде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычное?

— Я не придаю этому особого значения, мистер Холмс. По-видимому, надо мной кто-то подшутил. Но сегодня утром я получил вот это письмо, если только оно заслуживает подобного наименования.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Конверт оказался самым обыкновенным, из серой бумаги. Адрес — «Отель «Нортамберленд», сэру Генри Баскервилю» — был написан крупными печатными буквами; на почтовом штампе стояло: «Чаринг-Кросс» — и время отправления — вечер предыдущего дня.

— Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортамберленд»? — спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

— Никто не знал. Я решил, где остановиться, только после встречи с доктором Мортимером.

— Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

— Нет, я живу у знакомых, — сказал доктор. — Никто не мог знать, что мы поедем именно в этот отель.

— Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол. Посередине страницы стояла одна-единственная фраза, составленная из подклеенных одно к другому печатных слов. Она гласила следующее: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаны от руки, чернилами.

— Так вот, мистер Холмс, — сказал сэр Генри Баскервиль, — может быть, вы разъясните мне, что все это значит и кто проявляет такой интерес к моим делам?

— А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестественного?

— Да, сэр, по, может быть, письмо послано человеком, который убежден в том, что вся эта история совершенно сверхъестественна.

— Какая история? — резко спросил сэр Генри. — Вы, джентльмены, по-видимому, осведомлены о моих делах гораздо лучше, чем я сам.

— Мы посвятим вас во все, сэр Генри. Без этого вы не уйдете отсюда, поверьте моему слову, — сказал Шерлок Холмс. — А сейчас давайте займемся этим весьма любопытным документом, который был составлен и опущен в почтовый ящик вчера вечером. Уотсон, есть у нас вчерашний «Таймс»?

— Вон там, в углу.

— Могу я вас побеспокоить? Дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья. — Он быстро пробежал ее глазами. — «Свобода торговли»... Прекрасная передовица! Разрешите мне прочитать вслух один абзац: «Если кто-нибудь будет стараться внушить вам, что та отрасль промышленности, в которой вы лично заинтересованы, находится под защитой протекционных тарифов, держитесь подальше от таких людей, ибо рассудок должен вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвет наш импорт и нарушит нормальную жизнь нашего острова, интересы которого дороги всем нам». Что вы об этом скажете, Уотсон? — воскликнул Холмс, радостно потирая руки. — Блестящая мысль, не правда ли?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса, как смотрят заботливые врачи на тяжелобольных пациентов, а сэр Генри Баскервиль обратил ко мне недоумевающий взгляд своих карих глаз.

— Я не очень-то разбираюсь в таких вопросах, как тарифная политика, — сказал он, — но мне кажется, что мы несколько отклонились от нашей темы.

— Напротив! Мы идем по горячим следам, сэр Генри. Уотсон знаком с моим методом лучше вас, но боюсь, что смысл прочитанного отрывка ускользнул даже от него.

— Да, признаюсь, я не вижу никакой связи между ним и письмом.

— А связь, дорогой мой Уотсон, настолько тесная, что, по сути дела, одно состряпано из другого. «Если», «вам», «держитесь подальше от», «рассудок», «жизнь», «дороги». Неужели вы не догадываетесь, откуда взяты эти слова?

— Ах, черт возьми! Конечно, вы правы. Какая блестящая догадка! — воскликнул сэр Генри.

— Если вы все еще сомневаетесь, то взгляните на слова «держитесь подальше от» — они вырезаны подряд.

— Ну-ка... Да, действительно!

— Знаете, мистер Холмс, я даже не представлял себе, что такие вещи возможны! — сказал доктор Мортимер, с изумлением глядя на моего друга. — Догадаться, что слова вырезаны из газетного текста, это еще туда-сюда. Но ошибочно назвать газету, и мало того — указать статью, из которой они взяты, это превосходит всякое воображение! Как вы догадались?

— Я полагаю, доктор, что вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

— Разумеется, могу.

— Каким образом?

— Но ведь это мой конек! Разница между тем и другим совершенно очевидна. Надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти...

— А у меня тоже есть свой конек. На мой взгляд, разница между боргесом на шпонах, которым набираются передовицы «Таймса», и слепым шрифтом дешевеньких вечерних листков не менее очевидна, чем разница между вашими неграми и эскимосами. Знание шрифтов — одно из самых элементарных требований к сыщику, хотя должен признаться, что в дни своей юности я однажды спутал «Лидского Меркурия» с «Утренними известиями». Но передовицу «Таймса» ни с чем не спутаешь, и эти слова могли

быть вырезаны только оттуда. А поскольку письмо было отправлено вчера, все говорило за то, что нам следовало прежде всего заглянуть во вчерашний номер.

— Значит, мистер Холмс,— сказал сэр Генри Баскервиль,— кто-то составил это письмо, вырезав ножницами...

— Маникюрными ножницами,— перебил его Холмс.— Вы обратили внимание, какие у них короткие концы? Для того, чтобы вырезать слова «держитесь подальше от», пришлось сделать два надреза.

— Совершенно верно. Кто-то вырезал эти слова ножницами с короткими концами и наклеил их...

— Гуммиарабиком,— подсказал Холмс.

— ...и наклеил их гуммиарабиком на бумагу. Но почему же тогда слова «торфяных болот» написаны от руки?

— Потому что автор письма не нашел их в газете. Все остальные слова довольно обыкновенные, их можно встретить в любом тексте, а эти попадают сравнительно редко.

— Весьма правдоподобное объяснение. А что еще вам удалось здесь вычитать, мистер Холмс?

— Кое-что удалось, хотя автор прилагал все старания к тому, чтобы уничтожить малейшую улику. Как вы сами можете убедиться, адрес написан крупными печатными буквами. Но такая газета, как «Таймс», редко попадает в руки простых людей. Следовательно, отсюда можно заключить, что письмо было составлено образованным человеком, который старался выдать себя за необразованного и нарочно изменил почерк, по-видимому, опасаясь, как бы вы не узнали его, если не сейчас, то потом. Кроме того, обратите внимание, что слова наклеены неровно, некоторые из них выступают над строчкой. Например, слово «жизнь» сидит совсем не на месте. Это указывает на небрежность автора письма, а может быть, и на волнение или спешку. Я, пожалуй, склонен думать, что всему виной именно волнение и спешка, ибо вряд ли этот человек проявил бы небрежность в таком, по-видимому, серьезном деле. Если же он действительно торопился, то интересно знать, почему. Ведь письмо, опущенное вчера, так или иначе должно было застать сэра Генри в отеле. Может быть, автор его боялся какой-то помехи? Но с чьей стороны?

— Мы, кажется, вступили в область догадок,— заметил доктор Мортимер.

— Скажите лучше, в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную. Таково научное использование силы воображе-

ния, которое всегда работает у специалистов на твердой материальной основе. Вы, разумеется, назовете это чистой догадкой, но я почти уверен, что адрес писался в какой-то гостинице.

— Почему вы так думаете?

— Осмотрите конверт повнимательнее, и вы увидите, что писавшему не повезло с письменными принадлежностями. Перо дважды загнулось на одном слове, и его пришлось трижды обмакнуть в чернильницу, чтобы написать такой короткий адрес. Значит, чернил было мало, на самом деле. Собственное перо и чернильницу редко доводят до такого состояния; а чтобы и то и другое отказывалось служить — это уж исключительный случай. Но, как вы знаете, в гостиницах других перьев и других чернильниц почти не бывает. Да, я, почти не колеблясь, скажу, что если б нам удалось обследовать все корзинки для бумаг во всех гостиницах поблизости от Чаринг-Кросса и обнаружить там остатки изрезанной передовицы «Таймса», мы сразу нашли бы автора этого странного послания... Стойте! Стойте! Что это?

Он стал внимательно вглядываться в страницу, на которой были наклеены слова, держа ее на расстоянии одного-двух дюймов от глаз.

— Ну что?

— Нет, ничего, — сказал Холмс и положил письмо на стол. — Бумага совершенно гладкая, даже без водяных знаков. Нет, мы выжали из этого любопытного письма все, что было можно. А теперь, сэр Генри, расскажите, не случилось ли с вами чего-либо из ряда вон выходящего, с тех пор как вы приехали в Лондон.

— Да нет, мистер Холмс, как будто ничего такого не случилось.

— Никто вас не подкарауливал, не выслеживал?

— Я, кажется, угодил в какой-то детективный роман, — сказал наш гость. — Кому может взбрести в голову устанавливать за мной слежку?

— Дайте срок, мы поговорим и об этом. А пока подумайте: неужели вам не о чем рассказать нам?

— Смотря по тому, что вы считаете достойным вашего внимания.

— Все, что так или иначе выходит за рамки обычного уклада жизни.

Сэр Генри улыбнулся.

— Почти все мое детство и юность прошли в Соединенных Штатах и в Канаде, поэтому английский уклад жизни мне еще в новинку. Но вряд ли у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак.

— Вы потеряли один башмак?

— Друг мой, — воскликнул доктор Мортимер, — да ваш башмак просто куда-нибудь засунули! Он найдется. Стоит ли беспокоить мистера Холмса из-за таких пустяков!

— Но ведь он спрашивает, не случилось ли со мной чего-нибудь необычного.

— Совершенно верно, — сказал Холмс. — Меня интересует каждая мелочь, как бы она ни была нелепа. Значит, у вас пропал башмак?

— Да, но, может быть, его действительно куда-нибудь засунули. Вчера вечером я выставил башмаки за дверь, а утром там оказался только один. От коридорного мне так и не удалось добиться вразумительного ответа. Обиднее всего, что я купил эту пару всего лишь накануне, на Странде, и даже не успел обновить ее.

— Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?

— Они были светло-коричневые. Поэтому я велел почистить их темной ваксой.

— Значит, по приезду в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?

— Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки — ценой в шесть долларов! — а вот надеть-то их так и не пришлось.

— Если это кража, то довольно бессмысленная, — сказал Шерлок Холмс. — Я, признаться, согласен с доктором Мортимером: ваш башмак скоро найдется.

— А теперь, джентльмены, — решительно заговорил баронет, — довольно мне рассуждать о том, чего я до сих пор толком не знаю. Пора вам сдержать свое слово и объяснить мне, к чему клонятся все эти разговоры.

— Законное требование, — согласился Холмс. — Доктор Мортимер, по-моему, вы должны сами все рассказать сэру Генри, как рассказывали нам.

Ободренный этой просьбой, наш ученый друг вынул из кармана рукопись и газету и повторил слово в слово свой вчерашний рассказ. Сэр Генри слушал с глубоким внима-

нием, время от времени прерывая доктора удивленными возгласами.

— Н-да, хорошее мне досталось наследство! — сказал он, когда длинное повествование было закончено. — О собаке я, конечно, слышал еще с детских лет. Эту легенду любили рассказывать в нашей семье, хотя до сих пор я не придавал ей никакого значения. А что касается смерти дяди, то у меня так все перепуталось в голове, что я еще ничего не могу понять. Да, по-моему, вы сами не знаете, к кому тут надо было обращаться — к священнику или к полицмену.

— Совершенно верно.

— А теперь еще это письмо, которое я получил. Оно, по-видимому, как-то связано с общим ходом событий.

— Да, судя по нему, кто-то знает гораздо лучше нас о том, что происходит на торфяных болотах, — сказал доктор Мортимер.

— И этот «кто-то», по-видимому, расположен к вам, — сказал Холмс, — если он предупреждает вас об опасности.

— А может быть, наоборот — кому-то выгодно отпугнуть меня от Баскервиль-холла?

— Это тоже не исключено... Я вам очень признателен, доктор Мортимер, что вы предложили мне такую интересную, сложную задачу. Но теперь, сэр Генри, надо решить по существу: можно ли вам ехать в Баскервиль-холл или нельзя?

— А почему бы мне туда не поехать?

— По-видимому, это небезопасно.

— Откуда же эта опасность исходит — от нашего семейного пугала или от людей?

— Вот это мы и должны выяснить.

— Как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков. Это решение окончательное. — Его темные брови сошлись в одну линию, по смуглому лицу разлилась краска. Баскервильская неукротимость явно давала себя знать и в этом последнем отпрыске их рода. — Я еще не успел обдумать то, что мне пришлось услышать от вас. Не так-то легко сразу все усвоить и сразу решить, как быть дальше. Мне бы хотелось побыть часок одному и поразмыслить обо всем на досуге. Знаете что, мистер Холмс? Сейчас половина двенадцатого, и я отправлюсь прямо к себе в гостиницу. Что, если вы и ваш друг, доктор

Уотсон, приедете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я все-таки что-нибудь надумаю.

— Вам это подходит, Уотсон?

— Вполне.

— Тогда мы приедем. Позвать вам кэб?

— Нет, я лучше прогуляюсь, приду немного в себя после нашего разговора.

— Я с удовольствием присоединюсь к вам, — сказал его спутник.

— Значит, в два часа мы увидимся. До скорой встречи, всего хорошего.

Мы слышали, как наши посетители спустились вниз по ступенькам и захлопнули за собой входную дверь. Холмс мгновенно преобразился — от его томности не осталось и следа, он снова стал человеком действия.

— Одевайтесь, Уотсон, скорей! Нельзя терять ни секунды.

Снимая на ходу халат, он быстро ушел к себе и через две-три минуты вернулся уже в сюртуке.

Мы сбежали вниз по лестнице на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль еще виднелись впереди, шагах в двухстах от нас. Они шли по направлению к Оксфорд-стрит.

— Догнать их?

— Ни в коем случае, друг мой! Если вы со мной не соскучитесь, то я с вами и подавно. Наши друзья правы: прогуляться в такое утро — одно удовольствие.

Он прибавил шагу, и расстояние между нами и нашими недавними посетителями мало-помалу сократилось наполовину. Продолжая сохранять эту дистанцию, мы свернули за ними на Оксфорд-стрит, потом на Риджент-стрит. Около одного из магазинов сэр Генри и доктор Мортимер остановились, разглядывая витрину, и Холмс остановился тоже. Секунду спустя он вдруг удовлетворенно хмыкнул, и, проследив направление его внимательного взгляда, я увидел, что стоявший по ту сторону улицы кэб, в окне которого виднелся седок, медленно двинулся вперед.

— Вот его-то нам и надо, Уотсон! Пойдемте. Постараемся хотя бы разглядеть этого человека.

В ту же минуту передо мной в боковом окне кэба мелькнула густая черная борода, и чьи-то глаза смерили нас пронзительным взглядом. Сейчас же вслед за этим открылось верхнее окошечко, седок что-то крикнул кэбмену, и кэб стремительно понесся по Риджент-стрит. Холмс оглянулся, ища свободный экипаж, но тщетно — свободных

не было. Тогда он кинулся в самую гущу уличного движения за кэбом, который быстро исчезал у нас на виду.

— Ах, черт! — бледный от досады, еле выговорил он, вынырнув из уличного потока. — Вот не повезло! Да я сам во всем виноват, Уотсон! Уотсон! Если в вас есть хоть капля порядочности, вы не занесете в свои анналы эту мою оплошность наравне с моими успехами.

— Что это за человек?

— Понятия не имею.

— Сogleдатай?

— Да, очевидно, за Баскервилем кто-то следит с самого его приезда в Лондон. Иначе откуда стало известно, что он остановился в отеле «Нортамберленд»? Я рассудил так: если его выслеживали в первый день, то будут выслеживать и в дальнейшем. Вы, наверно, обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду?

— Да, помню.

— Мне было интересно, не слоняется ли кто-нибудь около дома, но никаких подозрительных личностей я не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Уотсон. Это все очень серьезно, и, хотя мне до сих пор еще не ясно, какие здесь действуют силы — добрые или злые, — я тем не менее непрестанно ощущаю чье-то постороннее вмешательство, чей-то точный расчет. Когда наши новые друзья ушли, я тотчас же кинулся за ними вдогонку, надеясь, что вот тут-то мне и попадется их неуловимая тень. А этот хитрец не решился идти пешком и взял кэб, чтобы по мере надобности тянуться сзади или же обгонять их, оставаясь при этом незамеченным. Его метод имеет еще ту выгоду, что, если бы они тоже сели в кэб, он бы не потерял их из виду. Но все же одно уязвимое место в этом методе есть.

— Кэбмен?

— Вот именно.

— Какая жалость, что мы не заметили его номера!

— Дорогой мой Уотсон! Мне, правда, нечем похвалиться на сей раз, но неужели вы допускаете хоть на одну минуту, что я не заметил номера? Пожалуйста: две тысячи семьсот четыре. Впрочем, сейчас это нам ни к чему.

— Не вижу, что вы могли еще сделать.

— Увидев его, я должен был немедленно повернуть в противоположную сторону, не спеша взять кэб и на почтительном расстоянии следовать за первым. А еще лучше было бы поехать прямо к отелю и ждать дальнейших со-

бытий там. Этот таинственный незнакомец проводил бы Баскервиля до дверей, и мы с помощью его же собственно-го метода могли бы проследить, куда он потом денется. А теперь наш противник поразительно ловко воспользовался моей неумелой поспешностью, которая выдала нас с головой и сбила меня со следа.

Во время этого разговора мы медленно шли по Риджент-стрит, уже не видя перед собой доктора Мортимера и его спутника.

— Теперь не имеет никакого смысла наблюдать за нами,— сказал Холмс.— Их тень исчезла и больше не появится. Надо посмотреть, какие козыри у нас в руках, и смело бить ими. Вы хорошо разглядели лицо этого человека в кэбе?

— Лицо нет, а бороду разглядел.

— Я тоже... а отсюда следует, что борода была, по всей вероятности, фальшивая. Когда умный человек пускается в такое рискованное, требующее особой осторожности предприятие, ему нужна борода для маскировки. Зайдемте сюда, Уотсон.

Холмс завернул в одну из рассыльных контор этого района, начальник которой встретил его с распростертыми объятиями.

— Ага, Уилсон, я вижу, вы не забыли, как мне повезло помочь вам в том маленьком дельце!

— Что вы, сэр, разве это забудешь? Я вам обязан своим честным именем, а может, и жизнью.

— Вы преувеличиваете, друг мой! Кстати, Уилсон, мне помнится, у вас был один мальчуган по имени Картрайт, который проявил большую сообразительность во время расследования вашего дела.

— Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

— Нельзя ли его вызвать? Благодарю вас. И еще будьте любезны разменять мне вот эти пять фунтов.

На зов начальника явился четырнадцатилетний подросток с живым, умным лицом. Он стал перед нами, с благоговением глядя на знаменитого сыщика.

— Дайте мне «Путеводитель по гостиницам»,— сказал Холмс.— Благодарю вас. Смотрите, Картрайт, вот это название двадцати трех гостиниц в районе Чаринг-Кросса. Видите?

— Да, сэр.

— Вы обойдете их все по очереди.

— Слушаю, сэр.

— И для начала будете давать швейцарам по шиллингу. Вот вам двадцать три шиллинга.

— Слушаю, сэр.

— Вы скажете, что вам нужно посмотреть мусор, выброшенный вчера из корзин. Объясните это так: одну очень важную телеграмму ошибочно доставили не по тому адресу и вам велено ее разыскать. Понятно?

— Да, сэр.

— Но на самом деле вы будете искать страницу газеты «Таймс», изрезанную в нескольких местах ножницами. Вот номер «Таймса», а страница нужна вот эта. Вы сможете отличить ее от других?

— Да, сэр.

— Швейцары будут, конечно, отсылать вас к коридорным, вы и им дадите по шиллингу. Вот вам еще двадцать три шиллинга. В двадцати случаях из двадцати трех, вероятно, окажется, что мусор из корзин выкинут или сожжен. Но в трех остальных гостиницах вам покажут грудку бумаг, среди которых вы и поищите эту страницу. Шансов на удачу очень мало. На всякий случай даю вам еще десять шиллингов. К вечеру телеграфируйте мне, на Бейкер-стрит, как у вас обстоят дела... А теперь, Уотсон, нам с вами осталось только запросить по телеграфу о кэбмене номер две тысячи семьсот четыре, после чего мы заглянем в какую-нибудь картинную галерею на Бонд-стрит и проведем там время, оставшееся до завтрака.

ГЛАВА V

ТРИ ОБОРВАННЫЕ НИТИ

Шерлок Холмс обладал удивительной способностью отрешаться от мыслей о делах. Он весь ушел в созерцание полотен современных бельгийских художников и за два часа, по-видимому, ни разу не вспомнил о странной истории, в которую силой обстоятельств вовлекло и нас. Всю дорогу от картинной галереи до отеля «Нортамберленд» он говорил только о живописи, несмотря на то, что понятия его в этой области отличались крайней примитивностью.

— Сэр Генри Баскервиль ожидает вас паверху, — сказал нам дежурный по вестибюлю. — Он просил сразу же провести к нему гостей.

— Вы не разрешите мне посмотреть списки ваших постояльцев? — спросил Холмс.

— Пожалуйста, сэр.

После фамилии «Баскервиль» в книге были еще две записи: «Теофилиус Джонсон с семьей, из Ньюкасла» и «Миссис Олдмор с горничной, из Элтона».

— Не тот ли это Джонсон, которого я когда-то знал? — сказал Холмс дежурному. — Он адвокат, седой и немного прихрамывает?

— Нет, сэр. Мистер Джонсон — владелец угольных копей, еще не старый джентльмен, ваших лет.

— Вы уверены, что он не адвокат?

— Уверен, сэр. Мистер Джонсон — наш частый гость, мы его знаем не первый год.

— Да? Ну, не спорю. Миссис Олдмор... Я где-то слышал эту фамилию. Простите меня за любопытство, но иной раз бывает так, что ищешь одного знакомого, а находишь другого.

— Миссис Олдмор — женщина слабого здоровья, сэр. Ее муж был когда-то мэром Глостера. Она останавливается только у нас, когда приезжает в город.

— Благодарю вас. Вероятно, я спутал ее с другой леди... Эти вопросы помогли нам установить один очень важный факт, Уотсон, — продолжал Холмс вполголоса, пока мы поднимались по лестнице. — Теперь нам ясно, что люди, которые так интересуются нашим другом, остановились не здесь. Значит, старательно наблюдая за каждым его шагом, в чем мы уже убедились, они так же старательно избегают попадаться ему на глаза. А это говорит о многом.

— Например, о чем?

— Ну, хотя бы о том... Стойте! Друг мой, что случилось?

Дойдя до верхней площадки, мы столкнулись там с сэром Генри Баскервилем. Он выбежал на лестницу весь красный от гнева, держа в руках старый, пыльный башмак. У него даже язык заплетался от ярости, и когда он наконец обрел дар речи, то сразу сбился на явный американский акцент, чего мы утром за ним не замечали.

— За кого меня принимают в этой гостинице — за дурачка, что ли? — закричал сэр Генри. — Не позволю с собой шутить! Если этот болван не найдет моего башмака, я устрою скандал! У меня тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, но на сей раз здешние шутники малость пересолили.

— Все еще разыскиваете свою пропажу?

— Да, разыскиваю и не успокоюсь, пока не найду.

— Но, по-моему, вы говорили о новом светло-коричневом башмаке?

— Да, сэр. А теперь та же история с черным.

— Как! Неужели вы хватились и...

— Вот именно! У меня всего-навсего три пары обуви — новая светло-коричневая, старая черная и лакированные туфли, которые сейчас на мне. Вчера вечером пропал один коричневый башмак, а сегодня стащили и черпый. Ну, нашли? Отвечайте же! Что вы на меня так уставились?

На площадке появился взволнованный коридорный, немец:

— Нет, сэр. Я у всех спрашивал, никто ничего не знает.

— Так вот, слушайте: или вы отыщете к вечеру мой башмак, или я пойду к управляющему и заявлю ему, что немедленно выезжаю отсюда.

— Башмак найдется, сэр... Обещаю вам, что найдется... Минутку терпения, сэр.

— Имейте в виду, это в последний раз. Я больше не допущу, чтобы меня обкрадывали в вашем воровском притоне!.. Мистер Холмс, простите, пожалуйста, что я беспокою вас такими пустяками...

— А эти пустяки заслуживают, чтобы из-за них беспокоились.

— Вы уж очень серьезно к ним относитесь!

— Как же вы сами это объясните?

— Я даже не пытаюсь объяснять. Со мной еще никогда в жизни не случилось ничего более нелепого и более странного.

— Более странного?.. Да, это, пожалуй, так, — задумчиво проговорил Холмс.

— А что вы сами об этом скажете?

— Я, собственно, еще ничего не понимаю. История очень запутанная, сэр Генри. Если ее связать со смертью вашего дяди, то из тех пятисот серьезнейших дел, которые мне приходилось распутывать, это будет, пожалуй, самое сложное. Но у меня в руках есть кое-какие нити, и одна из них непременно должна привести нас к разгадке. Мы можем потратить лишнее время, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную.

Мы очень приятно провели время за завтраком, лишь

вскользь коснувшись тех вопросов, что свели нас четверых вместе. И Холмс только тогда осведомился о дальнейших планах Баскервиля, когда вся наша компания перешла к нему в номер.

— Я поеду в Баскервиль-холл.

— Когда?

— В конце недели.

— Я считаю ваше решение правильным, — сказал Холмс. — Теперь у меня уже нет никаких сомнений в том, что в Лондоне за вами установлена слежка. Но в таком большом городе трудно выяснить, что это за люди и что им от вас нужно. Если они действуют с дурными намерениями, вам угрожает опасность, которую мы не в силах предотвратить. Доктор Мортимер, вы знаете, что сегодня утром, когда вы от меня вышли, за вами следили?

Доктор Мортимер так и подскочил на месте.

— Следили? Кто?

— Вот этого я, к сожалению, не могу сказать. Среди ваших соседей или знакомых в Дартмуре есть кто-нибудь с окладистой черной бородой?

— Нет... впрочем, постойте... Ну конечно... У лакея сэра Чарльза, Бэрримора, окладистая черная борода.

— Гм! А где он сейчас?

— В Баскервиль-холле. Дом оставлен на его попечение.

— Надо проверить, действительно ли он там, а не в Лондоне.

— Как же это сделать?

— Дайте мне телеграфный бланк. «Готовы ли приезду сэра Генри». Адресуем так: «Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору». Где у вас там ближайший телеграф? В Гримпене? Прекрасно! Вторую телеграмму пошлем в Гримпен на имя начальника конторы: «Телеграмму адресованную Бэрримору просьба передать собственные руки. Случае отсутствия направьте обратно отель Нортамберленд сэру Генри Баскервилю». Вот так. К вечеру мы будем знать, находится ли Бэрримор на своем посту в Девоншире или нет.

— Прекрасно, — сказал Баскервиль. — Кстати, доктор Мортимер, что собой представляет этот Бэрримор?

— Он сын покойного управляющего помещьем. Это уже четвертое поколение Бэрриморов, которое живет в Баскервиль-холле. Насколько я знаю, он и его жена вполне почтенные люди.

— Тем не менее, — сказал сэр Генри, — мне совершенно ясно, что пока Баскервиль-холл остается без хозяина, эти люди живут там припеваючи, без забот, без хлопот.

— Да, правильно.

— Бэрримор получил что-нибудь по завещанию сэра Чарльза? — спросил Холмс.

— И ему и его жене было завещано по пятисот фунтов.

— Гм! А они знали об этом раньше?

— Да. Сэр Чарльз любил говорить о своих распоряжениях на случай смерти.

— Интересный факт.

— Я надеюсь, — сказал доктор Мортимер, — что вы не станете подозревать всех, кто получил по завещанию сэра Чарльза? Мне он тоже оставил тысячу фунтов.

— Вот как? А еще кому?

— В завещании было указано много мелких сумм разным лицам и крупные пожертвования на благотворительные цели. Наследство же все отошло сэру Генри.

— А в какой сумме оно выражается?

— Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс удивленно поднял брови.

— Я и не подозревал, что речь идет о таком огромном состоянии, — сказал он.

— Сэр Чарльз слыл богатым человеком, но истинные размеры его состояния выяснились только после того, как мы ознакомились с ценными бумагами. Общая сумма наследства подходит к миллиону.

— Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится... гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?

— Поскольку младший брат сэра Чарльза, сэр Роджер, умер холостяком, Баскервиль-холл перейдет к отдаленным родственникам — к Десмондам. Джеймс Десмонд уже молодой человек, он священник и живет в Вестморленде.

— Благодарю вас. Все эти подробности чрезвычайно любопытны. А вам приходилось встречаться с мистером Джеймсом Десмондом?

— Да, он как-то приезжал к сэру Чарльзу. Это человек очень почтенного вида и безупречного образа жизни. Я помню, что сэр Чарльз хотел обеспечить его, но он отказался от этого наотрез, несмотря на все уговоры.

— И такой скромный человек мог бы унаследовать все состояние сэра Чарльза?

— К нему перешло бы только поместье, так как оно считается родовым, а деньги он получил бы лишь в том случае, если бы теперешний их владелец не распорядился ими как-нибудь по-другому, что вполне возможно, ибо сэр Генри волен поступать с наследством по своему личному усмотрению.

— А вы уже составили завещание, сэр Генри?

— Нет, мистер Холмс, мне было не до этого: ведь я только вчера узнал, как обстоят дела. Тем не менее я считаю, что отторгать деньги от поместья и титула нельзя. Точно таких же взглядов придерживался и мой несчастный дядя. Разве хозяин Баскервиль-холла сможет восстановить былую славу своего рода, если у него не будет средств на это? Нет, где дом и земля, там должны быть и деньги.

— Совершенно правильно. Итак, сэр Генри, я тоже считаю, что вам надо без всяких отлагательств ехать в Девоншир, но с одной оговоркой: вас ни в коем случае нельзя отпускать туда одного.

— Доктор Мортимер возвращается вместе со мной.

— Но у доктора Мортимера много времени отнимает практика, да и жить он будет в нескольких милях от Баскервиль-холла. Нет, доктор при всем желании не сможет вам помочь. Вы должны взять с собой верного человека, сэр Генри, такого, который все время будет при вас.

— Мистер Холмс, неужели вы согласитесь поехать сами?

— Если дело дойдет до кризиса, я как-нибудь вырвусь к вам, но, вы сами понимаете, моя обширная практика и постоянные запросы, которые сыплются на меня со всех сторон, не позволяют мне уезжать из Лондона на неопределенное время. Сейчас, например, одно из самых уважаемых лиц в Англии находится во власти шантажистов, и отвратить грядущую катастрофу могу только я. Нет, мне никак нельзя уезжать в Дартмур.

— Кого же вы посоветуете вместо себя?

Холмс положил руку мне на плечо:

— Если за это возьмется мой друг, то вот вам человек, на которого можно положиться в трудную минуту, в чем я убедился на собственном опыте.

Это предложение свалилось на меня, как снег на голову, но Баскервиль, не дожидаясь моего ответа, уже горячо тряс мне руку.

— Доктор Уотсон, как это любезно с вашей стороны! — воскликнул он. — Вы же видите, в каком я положении, а обстоятельства дела известны вам не хуже, чем мне. Если вы поедете в Баскервиль-холл и поживете там со мной, я этого никогда не забуду!

Приключения всегда таят в себе какую-то особую прелесть для меня, а слова Холмса и живость, с которой баронет откликнулся на его предложение, чрезвычайно мне понравились.

— Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл, — ответил я, — и не пожалею потраченного времени.

— Вы будете присылать мне подробные отчеты, — сказал Холмс. — В самый критический момент — а он неминуемо наступит — я буду руководить вашими действиями. Думаю, что отъезд можно назначить на субботу.

— Вам это подходит, доктор Уотсон?

— Вполне.

— Значит, если отмены не будет, мы выезжаем в субботу поездом десять тридцать с Паддингтонского вокзала.

Мы встали, собираясь откланяться, как вдруг Баскервиль вскрикнул и с торжествующим видом вытащил из-под стоявшего в углу шкафа светло-коричневый башмак.

— Вот она, моя пропажа!

— Пусть и остальные загадки разрешатся так же просто! — сказал Шерлок Холмс.

— Но все-таки это очень странно, — заметил доктор Мортимер. — Я еще перед завтраком обыскал всю комнату.

— И я тоже, — сказал Баскервиль. — Обшарил все уголки. Башмака нигде не было.

— Значит, коридорный положил его туда, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но он ничего не мог сказать, и дальнейшие расспросы ни к чему не привели. Таким образом, к серии этих быстро сменяющих одна другую и явно нелепых загадок прибавилась еще одна. Уж не говоря о трагической смерти сэра Чарльза, перед нами протянулась цепь необъяснимых событий, совершившихся всего лишь за два дня: письмо, составленное из газетных вырезок, бордатый незнакомец в кэбе, пропажа сначала нового коричневого башмака, потом старого черного и теперь появление коричневого.

По дороге на Бейкер-стрит Холмс сидел в кэбе молча и, судя по его нахмуренным бровям и напряженному взгляду,

ду, так же, как и я, пытался привести в единую систему все эти страшные и, казалось бы, не связанные один с другим факты. Весь остальной день и вечер он провел у себя в кабинете, погруженный в густые клубы табачного дыма и в размышления.

Перед самым обедом нам подали две телеграммы. В первой было написано:

«Только что сообщили Бэрримор дома. Баскервиль».

Во второй:

«Обошел двадцать три гостиницы сожалению изрезанной страницы «Таймса» не нашел. Картрайт».

— Вот и оборвались сразу две нити, Уотсон. Нет ничего лучше таких дел, где все словно сговорилось против тебя. Тогда-то и начинаешь входить в азарт. Ну что ж, пойдем по другому следу.

— У вас еще есть в запасе кэбмен, который вез этого незнакомца.

— Совершенно верно. Я запросил его фамилию и адрес в Регистрационной конторе и не удивлюсь, если сейчас мы получим ответ на мой вопрос.

Задребезжавший звонок возвестил о том, что даже произошло все ожидания Холмса, ибо в дверях кабинета появился рослый детина — по-видимому, не кто иной, как сам кэбмен.

— Мне сказали в конторе, что вот по этому адресу справлялись о номере две тысячи семьсот четыре, — начал он. — Я седьмой год езжу и никогда никаких жалоб не слышал. Дай, думаю, сам зайду, пусть мне в глаза скажут, в чем таком я провинился.

— Ни в чем не провинились, любезнейший, — сказал Холмс. — Наоборот, я заплачу вам полсоверена, только ответьте мне прямо на мой вопрос.

— Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь! — ухмыльнулся кэбмен. — А что вам угодно, сэр?

— Прежде всего вашу фамилию и адрес на случай, если вы мне опять понадобится.

— Джон Клейтон, проживаю в Боро, Гарпи-стрит, номер три. Кэб стоит в Шипли-Ярд, около вокзала Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал все это.

— А теперь, Клейтон, расскажите мне про вашего седока, который наблюдал за этим домом сегодня в десять часов утра, а потом выслеживал двух джентльменов на Риджент-стрит.

Кэбмен с удивлением воззрелся на Холмса и, по-видимому, несколько оробел.

— Что же вам рассказать, когда вы и сами не хуже меня все знаете! — ответил он. — Мой седок сказал мне, что он сыщик, и не велел болтать об этом.

— Ну так вот, любезнейший, тут дело серьезное, и если вы станете скрывать что-нибудь от меня, то можете оказаться в очень неприятном положении. Значит, он назвался сыщиком?

— Да, сэр.

— А когда он заявил вам об этом?

— Когда расплачивался.

— А еще что-нибудь он говорил?

— Сказал свою фамилию.

Холмс бросил на меня победоносный взгляд.

— Свою фамилию? Весьма неосторожно с его стороны! Так как же его зовут?

— Его зовут, — сказал кэбмен, — мистер Шерлок Холмс.

Ответ кэбмена буквально сразил моего друга. В жизни своей я не видел у него такого опеломленного выражения лица. Минуты две он не мог вымолвить ни слова, потом громко расхохотался.

— Удар, Уотсон! Меткий удар! — сказал он. — Рапира в руках противника, который не уступает мне ни в быстроте, ни в точности. На сей раз он обвел меня вокруг пальца. Значит, его зовут Шерлок Холмс, а?

— Да, сэр, он сам так сказал.

— Блистательно! Теперь расскажите мне, где вы взяли этого седока и что было дальше.

— Он кликнул меня в половине десятого утра на Трафальгар-сквере. Говорит: «Я сыщик», — и посулил мне две гинеи, если я буду в точности исполнять его приказания и ни о чем не стану расспрашивать. Ну что ж, от таких денег не отказываются. Я подвез его к гостинице «Нортамберленд» и остановился там. Потом оттуда вышли двое джентльменов, кликнули кэб с биржи и поехали куда-то сюда, на вашу улицу.

— Вот к этому самому дому, — сказал Холмс.

— Может быть. Это уж моего седока надо спрашивать, ему лучше знать. Он велел мне остановиться примерно посередине квартала, и мы прождали там еще часа полтора. Потом те двое джентльменов прошли мимо нас, и мы двинулись за ними по Бейкер-стрит, свернули на...

— Это я знаю, — сказал Холмс.

— А как выехали на Риджент-стрит, он поднял верхнее окошечко и крикнул: «Гоните к вокзалу Ватерлоо!» Я стегнул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тут он дал мне две гинеи — не надул! — и пошел к вокзалу. А напоследок обернулся и говорит: «Вам, верно, любопытно знать, кого вы возили? Шерлока Холмса». Вот как это все было.

— Так, понимаю. И больше вы его не видели?

— Нет, больше не видел.

— А теперь опишите мне наружность этого мистера Шерлока Холмса.

Кэбмен почесал в затылке:

— Не так-то это легко. Лет ему будет примерно сорок, роста среднего, ниже вас дюйма на два, сэр. Одет чисто, борода черная, лопатой, а лицо бледное. Больше, пожалуй, ничего не смогу вам сказать.

— Цвет глаз какой?

— Вот не заметил...

— Больше ничего не запомнили?

— Ничего, сэр.

— Ну хорошо. Вот ваши полсоверена. А другую половину получите, если разузнаете об этом человеке что-нибудь еще. Всего хорошего.

— Доброго здоровья, сэр. Благодарю вас.

Джон Клейтон вышел, посмеиваясь, а Холмс пожал плечами и с разочарованной улыбкой повернулся ко мне.

— Третья нить тоже не выдержала, — сказал он. — Теперь будьте добры начинать все с самого начала. Вот хитрая бестия! Узнал номер нашего дома, узнал, что сэр Генри Баскервиль поехал сюда за советом, углядел меня на Риджент-стрит, сообразил, что номер кэба взят на заметку и что кэбмена разыщут, и решил поиздеваться надо мной. Попомните мое слово, Уотсон, на сей раз мы имеем дело с достойным противником. Я потерпел поражение в Лондоне. Будем надеяться, что вы отыграетесь в Девоншире. И все-таки меня это очень беспокоит.

— Что?

— Да ваша поездка. Дело очень нехорошее, Уотсон. Нехорошее и опасное. И чем больше я о нем думаю, тем меньше и меньше оно мне нравится. Смейтесь, друг мой, смейтесь, но я буду очень рад, если вы вернетесь на Бейкер-стрит здоровым и невредимым.

ГЛАВА VI

БАСКЕРВИЛЬ-ХОЛЛ

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер закончили все свои дела к назначенному дню, и мы отправились, как и было условлено, в Девоншир. Провожая меня на вокзал, мистер Шерлок Холмс всю дорогу давал мне напутственные указания и советы.

— Я не стану говорить вам, кого я подозреваю и какие строю догадки, Уотсон, чтобы у вас не вышло предвзятого мнения, — сказал он. — Мне нужны факты, изложенные подробнейшим образом, а уж сопоставлять их я буду сам.

— Что же вас интересует? — спросил я.

— Все, что так или иначе касается этого дела, в особенности отношений между молодым Баскервилем и его соседями, а если узнаете что-нибудь новое о смерти сэра Чарльза, то отметьте и это. За последние дни я навел кое-какие справки, но, к сожалению, результатами похвастаться не могу. Мне удалось выяснить только одно: ближайший наследник, мистер Джеймс Десмонд, действительно прекрасный человек весьма почтенного возраста, так что это не его козни. Думаю, что мы смело можем не заниматься им в дальнейшем. Значит, остаются только те люди, которые непосредственно окружают сэра Генри Баскервиля.

— А не лучше ли сразу же отделаться от четы Бэрри-моров?

— Ни в коем случае! Более грубую ошибку трудно совершить. Если они ни в чем не виноваты, это будет жестокой несправедливостью, а если виноваты, тогда их после не доищешься. Нет, нет! Пусть так и остаются на подозрении. Потом, если не ошибаюсь, там есть конюх, два фермера, и паш друг доктор Мортимер, по-видимому, человек безупречной честности, и его жена, о которой нам ничего не известно. Не забудьте и натуралиста Стэплтона с сестрой — как говорят, весьма привлекательной молодой особой. Дальше идут мистер Френкленд из Лефтер-холла — тоже личность неизвестная, и двое-трое других соседей. Вот люди, которых вам следует держать под наблюдением.

— Постараюсь не осрамиться.

— Оружие вы взяли?

— Да, думаю, это будет не лишним.

— Безусловно. Держите револьвер при себе и днем и ночью и не ослабляйте своей бдительности ни на секунду.

Наши друзья уже успели запасться билетами первого класса и ждали нас на платформе.

— Нет, ничего нового,— сказал доктор Мортимер, отвечая на вопрос Холмса.— Могу только поклясться, что последние два дня слезки за нами не было. Мы все время об этом помнили, и от нашего внимания никто бы не ускользнул.

— Надеюсь, вы были неразлучны эти дни?

— Да, за исключением вчерашнего. У меня уже так заведено: по приезде в город посвящать один день целиком развлечениям,— и вчера я был в музее Хирургического колледжа.

— А я пошел в парк посмотреть на гуляющих,— сказал Баскервиль.— И все обошлось благополучно.

— Тем не менее это было неблагоразумно с вашей стороны,— сказал Холмс, нахмурившись, и покачал головой.— Я вас прошу, сэр Генри, не выходите без провожатых, иначе вам не миновать беды. Вы нашли другой башмак?

— Нет, сэр, он исчез бесследно.

— Вот как? Любопытно! Ну, всего вам хорошего,— добавил он, когда поезд тронулся.— Сэр Генри! Помните представление из странной легенды, которую нам читал доктор Мортимер, и остерегайтесь выходить на торфяные болота ночью, когда силы зла властвуют безраздельно.

Я выглянул из окна и увидел вдали высокую, худощавую фигуру Холмса, который неподвижно стоял на платформе и смотрел вслед удаляющемуся поезду.

Мы ехали быстро, и я чувствовал себя как нельзя лучше. Я присматривался к моим спутникам и забавлялся спаниелем доктора Мортимера. Через каких-нибудь два-три часа земля вдоль полотна сменила бурый оттенок на красный, кирпич уступил место граниту, а разгороженные пышные луга, на которых рыжие коровы пощипывали сочную траву, свидетельствовали о том, что климат в этих местах, при всей влажности воздуха, значительно лучше, чем на востоке.

Молодой Баскервиль не отходил от окна и радостно вскрикивал при виде родных девонширских пейзажей.

— Где только мне не пришлось побывать, с тех пор как я уехал отсюда, доктор Уотсон! — сказал он.— И все-таки эти места ни с чем не сравнишь.

— Покажите мне такого девонширца, который не восхищался бы своим Девонширом.

— Тут дело не только в самом Девоншире, но и в людях, которые его населяют,— сказал доктор Мортимер.— Одиного взгляда на круглый череп нашего друга достаточно, чтобы обнаружить в нем представителя кельтской расы, с ее восторженностью, с ее склонностью к сильным чувствам. У покойного сэра Чарльза было совершенно редкостное строение черепа — наполовину галльское, наполовину иберийское. Сэр Генри, а ведь вы, кажется, с детства не видели Баскервиль-холла?

— Я его никогда не видел, потому что мы жили в маленьком коттедже на южном побережье. Когда отец умер, мне шел тринадцатый год, и я сразу же уехал к нашим друзьям в Америку. Эти места для меня почти так же новы, как и для доктора Уотсона, и я просто не дождусь, когда наконец появятся торфяные болота.

— Вот как! В таком случае ваше желание исполнилось — можете любоваться ими,— сказал доктор Мортимер, показывая в окно.

Вдали за зелеными квадратами пастбищ и волнистой кромкой леса, словно фантастическое видение, возникшее во сне, показался унылый серый холм с зазубренной вершиной. Баскервиль смотрел туда не отрываясь. И эти жадные взгляды говорили о том, как много значит для него первое знакомство с суровым краем, где люди, близкие ему по крови, властвовали так долго и оставили после себя такой глубокий след. Этот молодой человек в спортивном костюме, говорящий с явным американским акцентом, сидел рядом со мной в прозаическом железнодорожном вагоне, и все же, глядя на его смуглое, выразительное лицо, и чувствовал в нем истого потомка тех неукротимых и властных людей. Густые брови, тонкие ноздри и большие карие глаза свидетельствовали о гордости, отваге и силе. Если неприветливые торфяные болота поставили нас лицом к лицу с трудной и опасной задачей, то ради такого человека можно пойти на многое, ибо он смело разделит с тобой любовью риск.

Поезд остановился у маленькой, захолустной станции, и мы вышли из вагона. За низким белым забором стояла коляска, запряженная парой невысоких, коренастых лошадок. Наш приезд был здесь, видимо, большим событием: и сам начальник станции, и носильщики — все окружили нас, предлагая свою помощь. Это было милое деревенское

местечко, по, к своему удивлению, я увидел у выхода с платформы двух солдат в темных мундирах, которые стояли, опираясь на карабины, и пристально смотрели на нас. Кучер, нескладный малый с угловатыми чертами лица, снял шапку, приветствуя сэра Генри Баскервиля, и через несколько минут мы уже быстро катили по широкой белой дороге. По обе ее стороны поднимались зеленые склоны паствбищ, домики с остроконечными крышами выглядывали из густой листвы, но впереди, за пределами этого мирного, залитого солнцем края, темнея на горизонте вечернего неба, вырисовывалась сумрачная линия торфяных болот, прерываемая острыми вершинами зловещих холмов.

Наша коляска свернула на боковую дорогу, и мы начали подниматься вверх по глубоким колеям, проложенным столетия назад между высокими насыпями, на которых росли мясистые хвощи и влажный мох. Отливающий бронзой папоротник и листья ежевики поблескивали в лучах заходящего солнца. Продолжая подъем, мы проехали по узкому каменному мосту через бурную речку, которая быстро неслась между серыми валунами, обдавая их пеной. И дорога и речка вились по долине, густо заросшей дубняком и соснами.

На каждом повороте Баскервиль восторженно вскрикивал, с любопытством осматриваясь по сторонам, и закидывал нас бесконечными вопросами. На его взгляд, все здесь было прекрасно, но я не мог отделаться от чувства грусти, которое навевали на меня эти паствбища и взгорья, явно носившие следы осени. Желтые листья слетали на землю и, порхая, ковром устилали тропинки. Стук колес нашего экипажа постепенно замер, потонув в густом слое гниющей травы. «Печальные дары бросает природа под ноги новому владельцу Баскервиль-холла!» — подумал я.

— Смотрите! — вдруг крикнул доктор Мортимер. — Что это?

Перед нами поднималось крутое взгорье, поросшее вереском, — первый предвестник близости торфяных болот. На вершине этого взгорья, словно конная статуя на пьедестале, четко вырисовывался верховой с винтовкой наготове. Он паблюдад за дорогой, по которой мы ехали.

— Перкинс, что это значит? — спросил доктор Мортимер.

Наш возница повернулся на козлах.

— Из принстаунской тюрьмы убежал арестант, сэр. Вот уже третий день, как его разыскивают. Выставили сторо-

живых на всех дорогах, на всех станциях, да пока все без толку. Здешний народ очень этим недоволен, сэр.

— Почему? Ведь тому, кто наведет на след, полагается пять фунтов.

— Так-то оно так, сэр, да только на пять фунтов надежды мало, а вот что он горло тебе перережет, это вернее. Такой человек ни перед чем не остановится, это не какой-нибудь мелкий воришка.

— Кто же он?

— Селден, который совершил убийство в Ноттинг-Хилле.

Я хорошо помнил дело Селдена, потому что в свое время Шерлок Холмс занимался им, заинтересовавшись жестокостью, с которой было совершено убийство, и печатью бесцельного зверства, отмечавшей все действия этого изверга. Преступление было настолько чудовищно, что у судей зародилось сомнение в здравости рассудка Селдена, и поэтому смертную казнь ему заменили тюрьмой.

Коляска поднялась на взгорье, и перед нами раскинулись огромные просторы торфяных болот с видневшимися на них кое-где дольменами и каменными столбами. Холодный ветер, налетевший оттуда, пронизал нас до костей. Где-то там, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческого, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества. Лишь этого не хватало, чтобы усугубить то мрачное, что таилось в голой пустыне, расстилавшейся перед нами, в порывистом ветре и темнеющем небе. Даже Баскервиль умолк и плотнее запахнул на себе пальто.

Плодородные места остались позади и ниже нас. Мы оглянулись: лучи заходящего солнца превращали бегущие ручейки в золотые ленты, горели на поднятой плугом земле и густой чаще кустарника. Дорога, пересекающая рыже-красно-оливковые перевалы с огромными валунами, становилась все запущеннее и суровее. Время от времени перед нами вырастали обнесенные каменными оградами коттеджи, скудные очертания которых не были скрашены даже плющом. А потом глазам нашим предстала похожая на глубоководную чашу долина с чахлыми дубами и соснами, искореженными и погнутыми ветром, бушующим здесь спокон веков. Над деревьями поднимались две высокие, узкие башни. Наш возница показал на них кнутом.

— Баскервиль-холл, — сказал он.

Хозяин поместья встал в коляске во весь рост, щеки

у него раскраснелись, в глазах вспыхнул огонь. Через несколько минут мы подъехали к узорным чугунным воротам с двумя обомшелыми колоннами, которые увенчивались кабаньими головами — гербом Баскервилей. Каменный домик привратника был ветхий, с обжарившимися стропилами, но перед ним стояло новое, еще не законченное строение — первый плод, принесенный южноафриканским золотом сэра Чарльза.

За воротами шли два ряда высоких старых деревьев: их ветки смыкались сумрачным сводом у нас над головой. Стук колес снова потонул в шорохе листьев. Баскервиль содрогнулся, глядя в длинный темный прогал аллеи, в конце которой виднелись призрачные очертания дома.

— Это случилось здесь? — тихо спросил он.

— Нет, нет, в тисовой аллее, она с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя хмурый взгляд.

— Меня нисколько не удивляет, что, живя здесь, дядя все время ждал какой-то беды, — сказал он. — Тут кого угодно возьмет страх. Подождите, не пройдет и полгода, как я проведу сюда электричество, и вы не узнаете этих мест! У входа будут гореть фонари Эдисона и Свена в тысячу свечей.

За аллеей открывался широкий газон, и, обогнув его, мы подъехали к дому. В сумерках я мог разглядеть лишь массивный фасад и террасу. Все было сплошь увито плющом, оставлявшим открытыми только оконные амбразуры да овалы гербов. Две старинные зубчатые башни с бойницами поднимались над этой частью здания. Справа и слева к ним примыкали два крыла из черного гранита, позднейшей пристройки. Сквозь окна со множеством переплетов на газон лился неяркий свет, над крутой остроконечной крышей с высокими трубами вставал столб темного дыма.

— Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-холл!

Высокий человек выступил из тени, падавшей от террасы, и открыл дверцу коляски. В освещенных дверях холла показался силуэт женщины. Она тоже подошла к нам и помогла мужчине снять наши чемоданы.

— Сэр Генри, вы не будете возражать, если я поеду прямо домой? — сказал доктор Мортимер. — Меня ждет жена.

— Оставайтесь, пообедайте с нами!

— Нет, право, не могу. Дел, вероятно, тоже много па-

конилось. Я бы с удовольствием сам показал вам дом, но Барримор сделает это лучше меня — он прекрасный гид. Всего хорошего! И помните, когда бы я вам ни понадобился, днем или ночью, не стесняйтесь посылать за мной.

Стук колес постепенно замер в глубине аллеи; тяжелая дверь захлопнулась за нами.

Холл, в котором мы очутились, был очень красив — просторный, высокий, с массивными стропилами из потемневшего от времени дуба. В старинном камине с чугунной решеткой для дров потрескивали и шипели поленья. Прогротив после долгой езды, мы с сэром Генри протянули руки к огню. Потом стали разглядывать дубовые панели, высокое, узкое окно с цветными стеклами, оленьи головы и гербы на стенах, смутно видневшиеся в неярком свете люстры.

— Я именно так и представлял себе все это, — сказал сэр Генри. — Настоящее родовое гнездо, правда? Подумать только — ведь мои предки жили в этом самом доме в течение пяти веков! Как вспомнишь об этом, так невольно настраиваешься на торжественный лад.

Его смуглое лицо горело ребяческим восторгом. Он стоял в круге света, падающего от люстры, а длинные тени ложились по стенам и черным пологом сгущались над ним.

Барримор разнес наши чемоданы по комнатам и, вернувшись, почтительно склонился перед нами, как и подобало вышколенному слуге. Наружность у него была незаурядная: высокий, представительный, с окладистой черной бородой, оттенявшей бледное, благообразное лицо.

— Прикажете подавать обед, сэр?

— А готово?

— Через несколько минут, сэр. Горячая вода у вас в комнатах. Мы с женой будем счастливы, сэр Генри, остаться здесь на первых порах, но ведь при новых порядках вам потребуется большой штат.

— При каких новых порядках?

— Я хочу сказать, что сэр Чарльз вел уединенный образ жизни, и мы вдвоем вполне могли обслужить его, а вы, сэр, вероятно, будете жить более широко, и вам придется налаживать все по-новому.

— Значит, вы с женой хотите получить расчет?

— Если только это не причинит вам каких-либо неудобств, сэр.

— Но ведь ваши предки в течение нескольких поколений жили в Баскервиль-холле. Мне бы очень не хотелось

с первых же своих шагов здесь порывать старые семейные связи.

Я подметил следы волнения на бледном лице лакея.

— Нам с женой это тоже нелегко, сэр. Но, сказать вам правду, мы были очень привязаны к сэру Чарльзу и до сих пор никак не оправимся после его смерти. Нам тяжело здесь оставаться. Мы уже не можем чувствовать себя в Баскервиль-холле как прежде.

— Что же вы собираетесь предпринять?

— Я надеюсь, сэр, что нам удастся наладить какое-нибудь дело. Ведь сэр Чарльз не оставил нас своей щедростью... А теперь разрешите показать вам ваши комнаты.

Верх старинного холла был обведен галереей с перилами, на которую вела двухпролетная лестница. Оттуда вдоль всего здания тянулись два длинных коридора, куда выходили все спальни. Моя была в одном крыле со спальней Баскервиля, почти дверь в дверь. Эти комнаты оказались более современными, чем центральная часть дома, а светлые обои и множество зажженных свечей сразу же смягчили тяжелое впечатление, которое создалось у меня по приезду в Баскервиль-холл.

Однако столовая в нижнем этаже поразила нас своим сумрачным видом. Это была длинная комната с помостом для хозяйского стола, отделенным одной ступенькой от той ее части, где полагалось сидеть лицам низкого звания. В дальнем конце были хоры для менестрелей. Высоко у нас над головой чернели огромные балки, за которыми виднелся закопченный потолок. Очень может быть, что пылающие факелы, красочность и буйное веселье стародавних пиров смягчали мрачность этой комнаты, но сейчас, когда в пей под единственной лампой с абажуром сидели два джентльмена, одетых во все черное, их голоса звучали приглушенно и настроение у них было несколько пониженное. Длинная вереница предков в самых разнообразных костюмах — начиная с вельможи эпохи королевы Елизаветы и кончая щеголем времен Регентства — взирала на нас со степ, удручая своим молчанием. Разговор за столом как-то не клеился, и я почувствовал облегчение, когда, закончив обед, мы перешли курить в бильярдную — комнату вполне современную.

— Что и говорить, обстановка не из веселых, — сказал сэр Генри. — Ко всему этому, конечно, можно притерпеться, но сейчас я чувствую себя не в своей тарелке. Не удивительно, что мой дядюшка нервничал, живя один в таком

доме. Ну что ж, давайте, пожалуй, разойдемся. Может быть, утром нам покажется здесь не так уж уныло.

Прежде чем лечь спать, я отдернул штору и посмотрел в окно. Оно выходило на газон перед парадной дверью. Позади газона, раскачиваясь на ветру, стонали высокие деревья. В просвете между быстро бегущими облаками проглянул месяц. В его прохладном сиянии за деревьями виднелась неровная гряда скал и длинная линия мрачных болот. Я опустил штору, убедившись, что последнее мое впечатление от Баскервиль-холла ничуть не противоречит первому.

Но оно оказалось не последним. Несмотря на усталость, я все-таки не мог заснуть и, ворочаясь с боку на бок, тщетно призывал к себе сон. Где-то далеко часы отбивали каждые пятнадцать минут, а больше ничто не нарушало мертвой тишины, стоявшей в доме. И вдруг в глухую полночь чужого слуха коснулся совершенно явственный звук, в природе которого сомневаться не приходилось. Это были рыдания, приглушенные, судорожные всхлипывания женщины, чье сердце разрывалось от горя. Я приподнялся на кровати и стал напряженно вслушиваться. Плач раздавался где-то близко, в самом доме. Я прождал с полчаса, насторожившись всем своим существом, но не услышал больше ничего, кроме боя часов и шороха плюща, увивавшего стены.

ГЛАВА VII

СТЭПЛТОНЫ ИЗ МЕРРИПИТ-ХАУСА

Свежая прелесть утра стерла из нашей памяти гнетущее впечатление, которое осталось у нас обоих после первого знакомства с Баскервиль-холлом. Когда мы с сэром Генри сели завтракать, яркий солнечный свет уже лился в узкие окна с цветными гербами на стеклах, разбрасывая по полу пестрые блики. Темная дубовая обшивка отливала бронзой в золотых лучах, и теперь нам трудно было представить, что всего лишь накануне вечером эта комната навевала на нас такое уныние.

— Дом тут ни при чем, мы, вероятно, сами во всем виноваты, — сказал баронет. — Устали с дороги, прозябли, вот нам и представилось все в мрачном свете. А за ночь мы отдохнули, чувствуем себя прекрасно, и вокруг тоже повеселело.

— Однако нельзя приписывать все только нашему настроению, — ответил я. — Скажите мне, например, неужели вы не слышали среди ночи чей-то плач, по-моему, женский?

— А вы знаете, мне тоже почудилось что-то подобное сквозь дремоту. Я долго прислушивался и потом решил, что это было во сне.

— Нет, я совершенно ясно все слышал и уверен, что плакала женщина.

— Надо сейчас же поговорить с Бэрримором.

Он вызвал лакея звонком и обратился к нему за разъяснениями. Мне показалось, что бледное лицо Бэрримора побледнело еще больше, когда он услышал вопрос хозяина.

— В доме всего две женщины, сэр Генри, — ответил Бэрримор. — Одна из них судомойка, которая спит в другом крыле, вторая — моя жена, но я уверяю вас, что она не плакала.

И все же он сказал нам неправду, потому что после завтрака мне пришлось столкнуться с миссис Бэрримор в коридоре, на ярком свете. Я увидел высокую, очень спокойно державшуюся женщину с крупными чертами лица и со строго сжатыми губами. Но глаза — красные, с припухшими веками — выдали ее. Значит, она-то и плакала ночью, а если так, муж не мог не знать об этом. И все же он шел даже на то, что его могут уличить во лжи. Зачем? И почему она так горько рыдала?

Чем-то таинственным и мрачным веяло от этого бледного благообразного человека с черной бородой. Он первый обнаружил тело сэра Чарльза, и обстоятельства смерти старика Баскервиля были известны нам только с его слов. Неужели же это Бэрримора мы видели в кабe на Риджент-стрит? Во всяком случае, борода была точно такая. Кабмен говорил о человеке среднего роста, но это впечатление могло быть ошибочным. Как же мне установить истину? Прежде всего надо, конечно, повидать начальника почтовой конторы в Гримпене и узнать у него, была ли наша телеграмма передана Бэрримору в собственные руки. И в том и в другом случае у меня, по крайней мере, будет что сообщить Шерлоку Холмсу.

Сэр Генри занялся после завтрака просмотром деловых бумаг, и я вполне мог располагать своим временем. Пройдя четыре мили по хорошей дороге вдоль болот, я вышел к маленькой, невзрачной деревушке, в которой мне прежде всего бросились в глаза два более солидных, чем остальные

стресния — гостиница и дом доктора Мортимера. Начальник почтовой конторы, оказавшийся также и здешним лачмачником, запомнил нашу телеграмму.

— Конечно, сэр, — сказал он, — я доставил ее мистеру Бэрримору, как и было указано.

— А кто ее относил?

— Мой сынишка. Джеймс, ведь ты доставил телеграмму в Баскервиль-холл мистеру Бэрримору?

— Да, папа.

— И вручил ему самому? — спросил я.

— Нет, мистер Бэрримор был где-то на чердаке, и я отдал телеграмму его жене, а она обещала тотчас же передать ему.

— А самого мистера Бэрримора ты видел?

— Нет, сэр, я же говорю, что он был на чердаке.

— Откуда же ты знаешь, где он был, если сам его не видел?

— Ну, жена-то должна была знать, где он, — раздраженно сказал почтмейстер. — Ведь телеграмма доставлена? А если произошла какая-нибудь ошибка, пусть мистер Бэрримор сам жалуется.

Продолжать расспросы было бессмысленно, но мне стало ясно, что хитрая уловка Холмса ни к чему не привела и мы так и не узнаем, уезжал Бэрримор в Лондон или нет. Допустим, что уезжал. Допустим, что он — последний, кто видел сэра Чарльза в живых, — первый выследил его наследника, как только тот приехал в Англию. Что из этого следует? Действует ли Бэрримор по чьему-то наущению или у него есть свои собственные коварные планы? Какой ему смысл преследовать Баскервильей? Я вспомнил странное предостережение, составленное из газетных вырезок. Неужели это дело рук Бэрримора? А может быть, оно посяно кем-то другим, кто старается помешать ему? Единственное правдоподобное объяснение дал всему этому сэр Генри, сказав, что если Баскервильей удастся отпугнуть от родового поместья, то чета Бэрриморов обеспечит себе безмятежное существование до конца дней своих. Но разве это в какой-то мере оправдывает ту глубокую и тонкую интригу, которая невидимой сетью оплетает молодого баронета? Холмс сам признал, что среди всех его сенсационных расследований это дело наиболее запутанное и сложное.

Возвращаясь безлюдной, сумрачной дорогой, я молил бога, чтобы мой друг освободился как можно скорее и,

приехав сюда, снял с меня эту тяжелую ответственность.

Мои размышления были внезапно прерваны звуком быстрых шагов позади. Чей-то голос окликнул меня по имени. Я оглянулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но к моему удивлению, за мной спешил какой-то невысокий худощавый блондин лет тридцати пяти — сорока, с чисто выбритой, несколько постной физиономией и узким, длинным подбородком. На нем был серый костюм и соломенная шляпа. Через плечо у него висела жестяная ботанизирка, а в руках он держал зеленый сачок для ловли бабочек.

— Простите мне мою смелость, доктор Уотсон, — еще не отдышавшись как следует, заговорил незнакомец. — Мы здесь народ не церемонный и не дожидаемся официальных представлений. Вы, может быть, слышали обо мне от нашего общего друга, Мортимера. Я Стэплтон из Мерришот-хауса.

— Вас нетрудно узнать по ботанизирке и сачку, — сказал я, так как мне было известно, что мистер Стэплтон — натуралист. — Но как вы-то догадались, кто я такой?

— Я сидел у Мортимера, и он показал мне вас из окна своей приемной, когда вы проходили мимо. Нам с вами пришлось встретиться на дороге, и я решил догнать вас и представиться вам сам лично. Надеюсь, сэр Генри не очень утомился после долгого путешествия?

— Нет, он хорошо себя чувствует, благодарю вас.

— Мы все боялись, что после печальной кончины сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Трудно требовать от состоятельного человека, чтобы он заживо покинул себя в такой глуши, но ведь вы сами понимаете, как много будет значить его присутствие для всей нашей округи. Я полагаю, эта история не внушила сэру Генри суеверного страха?

— Нет, не думаю.

— Вы, конечно, знаете легенду про чудовищную собаку, которая будто бы преследует род Баскервилей?

— Да, знаю.

— До чего же здешние фермеры суеверный народ! Просто поразительно! Ведь они чуть ли не все готовы поклясться, что видели на болотах это чудовище. — Стэплтон говорил с улыбкой, но я прочел в его глазах, что он отнесется к своим словам гораздо серьезнее. — Легенда совершенно овладела воображением сэра Чарльза, и она-то привела его к такому трагическому концу.

— Каким образом?

— Когда у человека так натянуты нервы, появление любой собаки может гибельно сказаться на его больном сердце. Мне думается, что в тот вечер сэр Чарльз действительно увидел нечто подобное в тисовой аллее. Я очень любил старика и, зная о его болезни, так и ждал какого-нибудь несчастья.

— Откуда вы знали, что у него больное сердце?

— От моего друга, Мортимера.

— Следовательно, вы думаете, что на сэра Чарльза бросилась какая-то собака и он умер от страха?

— Может быть, вы располагаете более достоверными сведениями?

— Нет, я еще не успел прийти к определенным выводам.

— А мистер Шерлок Холмс?

На секунду у меня занялось дыхание от этих слов, но спокойное лицо и твердый взгляд моего собеседника говорили о том, что он и не думал застигнуть меня врасплох своим вопросом.

— Доктор Уотсон, зачем вам прикидываться, будто мы не знаем вас? — сказал он. — Слухи о знаменитом сыщике проникли и в наши края, а разве вы можете прославлять его, сами оставаясь в тени? Мортимер не стал отрицать, что вы и есть тот самый доктор Уотсон. А если вы появились здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересовался этим делом, и мне, разумеется, любопытно знать его точку зрения.

— Увы, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Тогда разрешите спросить: не удостоит ли он нас своим посещением?

— Сейчас он не может уехать из Лондона. У него есть другие дела.

— Какая жалость! Он мог бы пролить свет на то, что скрывается во тьме для всех нас. Но вы тоже ведете расследование, доктор Уотсон, и, если я в состоянии хоть чем-нибудь содействовать вам, располагайте мной как угодно. Мне было бы достаточно одного намека, кого вы подозреваете, как намерены приступить к делу, и, может статься, и уже сейчас помог бы вам советом или указанием.

— Уверяю вас, я просто приехал погостить у своего друга, сэра Генри, и никакой помощи мне не нужно.

— Великолепно! — воскликнул Стэплтон. — Вы поступаете совершенно правильно: осторожность прежде всего!

Я вполне заслужил такую отповедь за свою навязчивость и обещаю вам больше не касаться этого вопроса.

Мы подошли к тому месту, где справа от дороги началась заросшая тропинка, узкой лентой вьющаяся среди болот. Левее стоял крутой, усеянный валунами холм, на котором в древние времена велись разработки гранита. Обращенная к нам сторона этого холма представляла собой отвесный откос, густо заросший папоротником и ежевикой. Вдали, на горизонте, поднимались серые клубы дыма.

— По этой тропинке отсюда не так уж далеко до Меррипит-хауса, — сказал Стэйплтон. — Пожертвуйте часом времени, и я буду иметь удовольствие представить вас своей сестре.

В первую минуту я подумал, что мне следует быть возле сэра Генри, но потом вспомнил счета и бумаги, грудой лежащие у него на столе. Уж тут я ничем не мог ему помочь. А Холмс просил меня познакомиться с людьми, живущими по соседству с Баскервиль-холлом. Я принял приглашение Стэйплтона, и мы свернули вправо.

— Замечательные здесь места, — сказал он, глядя по волнистую линию зеленых холмов, над которыми морскими валами поднимались фантастические очертания гранитной гряды. — Эти болота никогда нам не примелькаются. А сколько тайн они хранят — бескрайние, пустынные, загадочные!

— Вы хорошо их знаете?

— Я ведь здесь второй год. Местные старожилы, пожалуй, назовут меня новичком. Мы перебрались сюда вскоре после приезда сэра Чарльза, но я, по своему призванию, уже успел обследовать здесь каждый уголок. Смею думать, что теперь мало кто знает торфяные болота лучше меня.

— А разве это такое нелегкое дело?

— Весьма нелегкое. Вот, например, присмотритесь той равнине с поднимающимися кое-где причудливыми холмами. Чем она, по-вашему, замечательна?

— По ней хорошо скакать галопом.

— Всякий так сказал бы на вашем месте, а между тем эта ошибка уже многим стоила жизни. Видите, сколько в ней ярко-зеленых лужаек?

— Да, это, вероятно, те места, где почва лучше?

Стэйплтон рассмеялся.

— Перед вами огромная Гримпенская трясина, — сказал он. — Попади в эту трясину человек или животное — один неосторожный шаг... и все кончено. Я только вчера

видел, как туда забрела чья-то лошадь и, разумеется, погибла. Ее голова долго виднелась над трясиной. Она все вытягивала шею, стараясь выбраться, но в конце концов сосало бедняжку. Там даже в засуху опасно ходить, а после осенних дождей это совсем гиблое место. И тем не менее я не раз пробирался в самое сердце Гримпенской трисины и возвращался оттуда живым. Смотрите, еще одна несчастная лошадь!

В зеленой осоке перекатывалось и билось что-то темное. Потом над зарослями мелькнула мучительно вытянутая шея, и болота огласились страшным криком. Я похолодел от ужаса, но у моего спутника были, по-видимому, более крепкие нервы.

— Кончено! — сказал он. — Засосало. Вторая за два дня, только у меня на глазах. А сколько их еще погибло! Они повадятся туда в засуху и ходят до самой осени, пока не сгинут. Да, Гримпенская трясина — страшное место.

— И вы все-таки пробираетесь туда?

— Да, там есть две-три тропинки, по которым ловкий человек может пройти. Я отыскал их.

— Но зачем вам ходить в такое опасное место?

— А вон видите те холмы вдаль? Это настоящие островки среди непролазной топи, которая мало-помалу окружила их со всех сторон. Сумейте на них пробраться, и какие там редкостные растения, какие бабочки!

— Что же, когда-нибудь попробую.

Стэплтон с удивлением посмотрел на меня.

— Ради бога, выкиньте эту мысль из головы! — сказал он. — Ваша гибель будет на моей совести. Назад вам не вернуться, поверьте мне. Я сам только потому и осмеливаюсь туда ходить, что у меня есть сложная система прищипки.

— Стойте! — крикнул я. — Что это?

Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами. Воздух наполнился им, но откуда он шел, определить было невозможно. Начавшись с невнятного стога, этот звук постепенно перешел в глухой рев и опять сник до щемящего сердце стенанья. Стэплтон как-то странно посмотрел на меня.

— Таинственные места эти болота, — сказал он.

— Что это такое?

— Фермеры говорят, что так воет собака Баскервилей,

когда ищет свою жертву. Мне и раньше приходилось слышать, но сегодня что-то уж очень громко.

Похолодев от страха, я оглядел широкую, поднимающуюся к горизонту равнину, покрытую зелеными зарослями тростника. Ни шороха, ни малейших признаков жизни на ней — только два ворона громко каркали, сидя на каменном столбе позади нас.

— Вы же образованный человек, вас такой чепухой не проведешь, — сказал я. — Как вы объясняете этот вой?

— Трясина иной раз издает очень странные звуки. То ли это ил оседает, то ли вода поднимается на поверхность, то ли еще что, кто знает?

— Нет, нет! Это был голос живого существа.

— Может быть. Вам никогда не приходилось слышать, как кричит вышь?

— Нет, не приходилось.

— В Англии эта птица попадает теперь очень редко, в сущности, она почти вымерла, но на таких болотах возможно. Я бы несколько не удивился, если б оказалось, что до нас донесся голос одной из последних представительниц этого вида.

— В жизни не слышал более странных и жутких звуков!

— Что и говорить, места таинственные. Посмотрите на тот холм. Что это такое, по-вашему?

Крутой склон был покрыт как бы кольцами из серого камня. Я насчитал их около двадцати.

— Что это? Овчарни?

— Нет, это жилища наших почтенных пращуров. До исторического человека густо заселили торфяные болота, так как после него здесь никто не жил, то весь этот домашний уют остался в целостности и неприкосновенности. Только крыши сняты. При желании можно пойти туда и увидеть его очаг и ложе.

— Да это целый городок! Когда же он был обитаем?

— Неолитический человек — точный период не установлен.

— А чем этот человек занимался?

— Пас стада здесь же, на склонах, а когда каменный топор начал уступать место бронзовой палице, научился добывать олово. Видите вон тот ров на противоположном холме? Это следы его работы. Да, доктор Уотсон, вы на деле много любопытных особенностей на наших болотах. А, простите, пожалуйста! Это, наверно, Cycloptides!

Мимо нас пролетел маленький мотылек, и Стэплтон с поразительной быстротой и ловкостью кинулся за ним в погону. Я с ужасом увидел, что мотылек понесся прямо к трисине, но мой новый знакомый как ни в чем не бывало прыгал с кочки на кочку и размахивал своим зеленым сачком. Серый костюм и порывистые движения придавали ему самому сходство с какой-то огромной бабочкой. Я стоял, глядя на него со смешанным чувством восхищения и страха, — мне все казалось, что он вот-вот оступится и уйдет в предательскую трясину. Вдруг позади меня послышались чьи-то шаги. Я оглянулся и увидел почти рядом с собой женщину. Она появилась с той стороны, где виднелся дым, указывающий на близость Меррипит-хауса, но раньше я не мог ее заметить, потому что тропинка, по которой она шла, уходила под уклон.

Я не сомневался, что это и есть мисс Стэплтон, так как вряд ли в здешних местах приходилось рассчитывать на встречу с другими дамами. Кроме того, мне говорили о ней как о красавице, а идущая по тропинке женщина действительно поражала своей красотой — красотой не совсем обычного типа. Больше несходство между сестрой и братом трудно было себе представить. Он бесцветный блондин с серыми глазами, она брюнетка — таких жгучих брюнеток мне еще не приходилось встречать в Англии, — изящная, стройная, высокая. Ее тонкие, горделивые черты были настолько правильны, что лицо могло бы показаться безжизненным, если б не выразительный рот и быстрый взгляд прекрасных темных глаз. Идеальная фигура, нарядное платье — как странно было видеть такое существо на безлюдной тропинке, вьющейся среди торфяных болот! Когда я оглянулся, взгляд этой женщины был устремлен на Стэплтона, но она тут же ускорила шаги и подошла ко мне. Я снял шляпу, уже приготовившись объяснить свое присутствие здесь, как вдруг ее слова направили мои мысли по совершенно иному пути.

— Уезжайте отсюда! — сказала она. — Немедленно уезжайте в Лондон!

В ответ на это я мог только с ошеломленным видом взглянуть на нее. Она сверкнула глазами и нетерпеливо топнула ногой.

— Зачем же мне уезжать? — спросил я.

— Не требуйте объяснений. — Она говорила тихо, быстро и чуть-чуть картавила. — Ради бога, послушайте моего

совета! Уезжайте, и чтоб ноги вашей больше не было на этих болотах!

— Но ведь я только что приехал!

— Боже мой,— воскликнула она,— неужели вы не понимаете, что я желаю вам добра? Уезжайте в Лондон! Сегодня же! Вам нельзя здесь оставаться. Тсс! Мой брат идет! Не говорите ему ни слова... Будьте так любезны, сорвите мне вот ту орхидею. У нас здесь очень много орхидей, но вы немного опоздали: к осени они уже начинают отцветать, и здешняя природа теряет свою красоту.

Стэплтон оставил погоню за мотыльком и подошел к нам, весь красный и запыхавшийся.

— А, это ты, Бэрил! — сказал он, и я не почувствовал в этом приветствии особой сердечности.

— Как ты разгорячился, Джек!

— Да, я погнался за великолепным экземпляром *Cyclopides*. Их здесь не часто увидишь поздней осенью. И подумай, какая жалость,— не поймал!

Он говорил спокойно-небрежным тоном, а сам все время переводил свои маленькие серые глазки с сестры на меня.

— Вы, кажется, успели познакомиться?

— Да. Я говорила сэру Генри, что сейчас уже поздно любоваться красотами наших болот — орхидеи отцветают.

— Что? Как ты думаешь, кто перед тобой?

— Сэр Генри Баскервиль.

— Нет, нет,— сказал я,— не награждайте меня чужим титулом. Я всего лишь друг сэра Генри, доктор Уотсон.

Краска досады разлилась по ее выразительному лицу.

— Значит, мы говорили, не понимая друг друга,— сказала она.

— Да у вас было не так уж много времени на разговоры,— заметил Стэплтон, продолжая пытливо глядеть на сестру.

— Я приняла доктора Уотсона за нашего соседа,— сказала она.— А ему, должно быть, совершенно безразлично, цветут сейчас орхидеи или нет. Но вы все-таки зайдете к нам, в Меррипит-хаус?

Через несколько минут мы подошли к мрачной на вид ферме, которая, вероятно, в давние времена служила жильем какому-нибудь зажиточному скотоводу, а потом была перестроена на более современный лад. Ферму окружал фруктовый садик; деревья в нем, как и повсюду на болотах, были низкорослые, чахлые. Убожеством и грустью

пошло от этого места. Слуга, открывший нам дверь, был под стать дому — старый, весь сморщенный, в порыжевшем фюртуке. Но самые комнаты удивили меня своими размерами и элегантностью убранства: последнее следовало, вероятно, приписать вкусу хозяйки. Я посмотрел в окно на бескрайние, усеянные гранитными валунами болота, которые тянулись до еле видной вдали линии горизонта, и не мог не подумать: «Что же привело в такую глушь этого образованного человека и его красавицу сестру?»

— Странное мы выбрали место, где поселиться? — сказал Стэплтон, будто отвечая на мои мысли. — И все-таки нам здесь хорошо. Правда, Бэрил?

— Да, очень хорошо, — ответила она, но ее слова прозвучали как-то неубедительно.

— У меня была школа в одном из северных графств, — сказал Стэплтон. — Для человека с моим темпераментом такая работа суховата, неинтересна, но что меня привлекало в ней, так это тесная близость с молодежью. Какое счастье передавать им что-то от самого себя, от своих идей, видеть, как у тебя на глазах формируются юные умы! Но судьба обернулась против нас. В школе вспыхнула эпидемия, трое мальчиков умерли. Нам так и не удалось поправить дела после такого удара, большая часть моего капитала была безвозвратно потеряна. И все же, если б не разлука с моими дорогими мальчиками, я радовался бы этой неудаче, ибо для человека с моей страстью к ботанике и зоологии здесь непочатый край работы, да и сестра моя — не меньшая любительница природы. Это признание, доктор Уотсон, вы навлекли на свою голову сами: вольно же вам было устремлять из окна такой грустный взгляд на наши болота!

— Да, не отрицаю, мне действительно кажется, что жить здесь скучно не столько вам, сколько вашей сестре.

— Нет, я не скучаю, — быстро ответила она.

— Мы заняты научной работой, у нас большая библиотека и очень интересные соседи. Доктор Моргимер — весьма начитанный человек в своей области. Несчастный сэр Чарльз тоже был прекрасным собеседником. Мы с ним были очень близки, и я даже не могу вам передать, как нам тяжела эта утрата. А что вы скажете, если я нанесу сегодня визит сэру Генри? Это ему не помешает?

— Я уверен, что он будет очень рад познакомиться с вами.

— Тогда будьте добры предупредить его. Может быть, нам удастся помочь ему первое время, пока он еще не освоился на новом месте... А теперь, доктор Уотсон, давайте поднимемся наверх, я покажу вам свою коллекцию чешуекрылых. Смею думать, что более полной коллекции вы не найдете в этой части Англии. А когда мы кончим, к тому времени и завтрак будет готов.

Но я спешил к своему подопечному, сэру Генри. Унылость болот, гибель несчастной лошади, загадочный вой, который ставился в какую-то связь с мрачной легендой, существовавшей в роду Баскервильей, — все это настроило меня на грустный лад. А к этим более или менее смутным впечатлениям прибавились еще и совершенно недвусмысленные слова мисс Стэплтон, которые были сказаны с такой силой убеждения, что мне не приходилось сомневаться в серьезности и глубине причин, их вызвавших. Я отказался от настойчивых приглашений к завтраку и отправился домой по той же самой тропинке.

Но, кроме этой тропинки, здесь был, очевидно, и другой, более короткий путь, ибо не успел я выйти на дорогу, как увидел перед собой мисс Стэплтон. Румянец, горевший у нее на щеках, придавал ей еще большую прелесть; она сидела на придорожном камне, тяжело дыша и прижимая руки к груди.

— Мне хотелось опередить вас, доктор Уотсон, и я всю дорогу бежала, — проговорила она. — Даже шляпу не успела надеть. Я не стану задерживаться, а то брат может заметить мое отсутствие. Мне только хочется попросить у вас извинения за свою глупую ошибку: ведь я приняла вас за сэра Генри. Прошу вас, забудьте все, что я говорила. К вам это не имеет никакого отношения.

— Как же я могу это забыть, мисс Стэплтон! Судьба моего друга, сэра Генри, меня очень интересует. Скажите мне, почему вы так настаивали на его отъезде в Лондон?

— Женский каприз, доктор Уотсон! Когда мы с вами познакомимся поближе, вы убедитесь, что я не всегда могу объяснить свои слова и поступки.

— Нет, нет! Я помню, какой у вас был взволнованный голос, я помню ваши глаза. Мисс Стэплтон, будьте откровенны со мной, прошу вас! Я, как только очутился здесь, сразу почувствовал, что вокруг меня собираются какие-то призраки. Ходишь словно по Гримпенской трясине: вот-вот увязнешь с головой на одной из этих зеленых лужаек, и никто не поможет тебе выбраться оттуда. Объясните, на

что вы намекали, и я передам ваше предостережение сэру Генри.

Тень нерешительности пробежала по лицу мисс Стэплтон, но не прошло и секунды, как взгляд ее стал снова суrowsым, и она ответила мне:

— Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Уотсон. Смерть сэра Чарльза потрясла нас с братом. Мы часто встречались с покойным, потому что его излюбленная прогулка была вот по этой тропинке, что ведет к нашему дому. Легенда о проклятии, тяготеющем над родом Баскервильей, угнетала сэра Чарльза, и, когда катастрофа разразилась, я поняла, что его опасения были обоснованны. Теперь меня очень беспокоит приезд наследника сэра Чарльза, и я считала нужным предупредить его об опасности, которая ему угрожает. Вот и все, ничего другого я не хотела сказать.

— Но в чем же, по-вашему, эта опасность?

— Вы знаете предание о собаке?

— Я не верю этому вздору!

— А я верю. Если вы имеете хоть какое-нибудь влияние на сэра Генри, увезите его отсюда. Это роковое место для Баскервильей. Мир велик. Почему сэру Генри надо жить именно здесь, где ему грозит опасность?

— Вот потому-то он и решил здесь жить. Таков характер этого человека, и, если вы не выскажетесь более определенно, вряд ли мне удастся увезти его отсюда.

— Я не могу дать вам более определенных сведений по той простой причине, что у меня их нет.

— Тогда, мисс Стэплтон, разрешите задать вам еще один вопрос. Если это все, что вам нужно было сказать мне, почему же вы боялись, как бы вас не услышал брат? По-моему, тут нет ничего такого, что могло бы не понравиться ему или кому-нибудь другому.

— Мой брат очень не хочет, чтобы Баскервиль-холл пустовал: это повредит бедному люду, который живет здесь на болотах. Он бы страшно рассердился на меня, если бы знал, что я стараюсь как-то повлиять на сэра Генри. Но я исполнила свой долг и больше ничего не скажу. А теперь мне надо идти, не то он хватится меня и заподозрит, что я говорила с вами. Прощайте!

Она повернулась и вскоре исчезла среди валунов, а я, полный каких-то неясных страхов, направил свои шаги к Баскервиль-холлу.

ГЛАВА VIII

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ ДОКТОРА УОТСОНА

Начиная с этого дня я буду излагать ход событий по своим письмам к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат сейчас передо мной на столе. Они сохранились полностью, если не считать одного затерявшегося листка, и передадут все мои мысли и подозрения более точно, чем я мог бы сделать это сам, полагаясь только на свою память, хотя из нее еще не изгладились трагические события тех дней.

Баскервиль-холл,
13 октября

Дорогой Холмс!

По моим предыдущим письмам и телеграммам вы знаете все, что произошло за последнее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живешь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу унылость этих болот, этих необъятных просторов, впрочем не лишенных даже какой-то мрачной прелести. Стоит мне только выйти на них, и я чувствую, что современная Англия остается где-то позади, а вместо нее видишь вокруг лишь следы жилья и трудов доисторического человека. Это давно исчезнувшее племя напоминает о себе повсюду — вот его пещеры, вот огромные каменные глыбы, оставшиеся там, где, по-видимому, были его капища. Глядя на иссеченные примитивным орудием склоны холмов, на которых темнеют эти пещеры, забываешь, в каком веке живешь, и, если бы вдруг под низким сводом одной из них появилось одетое в звериную шкуру волосатое существо и вложило бы в лук стрелу с кремневым наконечником, вы почувствовали бы, что его присутствие здесь более уместно, чем ваше. Страннее всего то, что эти люди так густо заселяли здешние неплодородные места. Я не археолог, но, по-моему, это было отнюдь не воинственное, а скорее угнетенное племя, которое довольствовалось тем, от чего отказывались другие.

Однако все это не имеет никакого касательства к моему пребыванию здесь и, вероятно, несколько не интересно такому сугубо практическому человеку, как вы. Я до сих пор не в силах забыть ваше равнодушие к вопросу о том, движется ли Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца. Так давайте же перейдем к фактам, имеющим непосредственное отношение к Генри Баскервилю.

Последние несколько дней вы не получали от меня никаких сведений по той простой причине, что рассказывать мне было не о чем. Но с тех пор произошло одно странное событие, о котором я доложу вам в свое время, а сейчас разберемся в других обстоятельствах, немаловажных для нашего дела.

Одно из этих обстоятельств — весьма существенное, хотя я почти не упоминал о нем в своих письмах, — каторжник, скрывающийся на болотах. Есть все основания предполагать, что он ушел из здешних мест, к великой радости обитателей одиноких ферм. Со времени его побега прошло две недели, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. Трудно себе представить, чтобы человек мог просуществовать на болотах все это время. Правда, спрятаться там есть где. Любая из каменных пещер могла бы служить ему пристанищем. Но ведь без еды не проживешь. Разве только он ловит и убивает овец. Нет, каторжник, безусловно, ушел из этих мест, а посему жители отдаленных ферм спят теперь спокойно.

Мы, четверо здоровых сильных мужчин, живущих в Баскервиль-холле, в случае чего сможем постоять за себя, но признаюсь вам: думая о Стэплтонах, я беспокоюсь. Близких соседей у них нет, так что им трудно рассчитывать на чью-либо помощь. Горвичная, старик лакей, сестра и брат — последний, по-видимому, отнюдь не силач — вот все обитатели Меррипит-хауса. Они окажутся совершенно беспомощными в руках этого поттингхиллского убийцы, если он заберется к ним в дом. Мы с сэром Генри очень тревожились за них и хотели даже, чтобы конюх Перкинс почевал в Меррипит-хаусе, но Стэплтон не пожелал и слышать об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает проявлять сильный интерес к своей прекрасной соседке. Да это и не удивительно, ибо он человек живой, деятельный, ему скучно в такой глуши, а она, надо признаться, обворожительная и красивая женщина. В ней есть какая-то экзотическая пылкость, в противоположность ее хладнокровному и совершенно бесстрастному брату. И в то же время в нем чувствуется скрытый огонь. Судя по всему, он имеет на сестру большое влияние; мне не раз приходилось ловить взгляды, которые она бросает на него во время разговора, словно ожидая одобрения своим словам. Хочу надеяться, что они ладят между собой. Такой сухой блеск в глазах и такие тонкие, поджатые губы часто говорят о твердом, а

может быть, и суровом характере. Во всяком случае, этот натуралист любопытный тип, и вы непременно заинтересовались бы им.

Он пришел с визитом к сэру Генри в тот же день, а на следующее утро повел нас туда, где произошло событие, связанное с легендой о беснующем Хьюго. Мы прошли несколько миль в глубь болот и очутились в небольшой долине, настолько мрачной, что она сама по себе могла способствовать зарождению подобной легенды. Узкий проход между искрошившимися каменными столбами вывел нас на открытую лужайку, поросшую болотной травой. Посередине ее лежат два огромных камня, суживающиеся кверху и напоминающие гигантские гнилые клыки какого-то чудовища. Все здесь в точности соответствует описанию той сцены, на которой разыгралась эта давняя трагедия. Сэр Генри с интересом осматривался по сторонам и все спрашивал Стэплтона, неужели тот верит в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Тон у него был небрежный, но он, по-видимому, относится ко всему очень серьезно. Стэплтон отвечал сдержанно, много не договаривая и явно щадя чувства молодого баронета. Он рассказал нам несколько подобных случаев, когда семьи из рода в род испытывали на себе влияние каких-то недобрых сил, и после всех этих рассказов у нас создалось впечатление, что Стэплтон вместе со многими другими здешними жителями верит в легенду о собаке Баскервильей.

На обратном пути мы зашли в Меррипит-хаус позавтракать. Тогда-то сэр Генри и познакомился с мисс Стэплтон. Он увлекся ею с первой же встречи, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что это чувство взаимное. Когда мы возвращались домой, он то и дело заговаривал о ней, и с тех пор почти не проходит дня, чтобы мы не повидались со Стэплтонами. Сегодня они у нас обедают, а сэр Генри уже поговаривает о визите к ним на будущей неделе.

Казалось бы, лучшего мужа для сестры Стэплтону и желать нечего, и все же я не раз замечал, что он хмурится, когда сэр Генри оказывает ей внимание. Стэплтон, по-видимому, очень привязан к сестре, и ему будет тоскливо одному, но ведь это же верх эгоизма — препятствовать такой блестящей партии! Тем не менее факт остается фактом: Стэплтон явно не желает, чтобы эта дружба перешла в любовь, и, по моим наблюдениям, он всячески старается не оставлять их наедине. Кстати, если все дело осложнится еще и романом, то ваше наставление не спускать глаз с

сэра Генри окажется почти невыполнимым. Если же я буду строго следовать данному мне указанию, подумайте, как это пошатнет мою репутацию здесь!

На днях, точнее, в четверг, у нас завтракал доктор Мортимер. Он производил раскопки кургана в Длинной низине и нашел там череп доисторического человека, что повергло его в неописуемый восторг. Второго такого энтузиаста своего дела, пожалуй, и не сыщешь. После завтрака пришли Стэйлтоны, и, по просьбе сэра Генри, добрейший доктор повел нас всех в тисовую аллею показать, как все было в ту роковую ночь. Аллея эта длинная, сумрачная, с обеих сторон идут сплошной стеной подстриженные тисы и узкие полоски дерна. В дальнем ее конце стоит полуразрушенная беседка. Как раз посередине приходится калитка, ведущая на болота, около которой старик Баскервиль стряхивал пепел с сигары. Она деревянная, покрашена белой краской и заперта на задвижку. За ней расстилаются необъятные болота. Я вспомнил вашу теорию по поводу происшедшего здесь события и попытался представить, как все это было. Стоя у калитки, старик Баскервиль увидел нечто приближающееся к нему с болот и так испугался этого видения, что потерял голову, бросился бежать и бежал до тех пор, пока не упал мертвым от изнеможения и ужаса. Он бежал длинной, темной аллеей. Но кто обратил его в бегство? Какая-нибудь овчарка с болот? Или призрачная собака — огромная, черная, безмолвная? А может быть, это дело человеческих рук? Может быть, бледный, настороженный Бэрримор знает больше, чем говорит? Туман и полная неопределенность — и все же за всем этим неотступной тенью стоит преступление.

С тех пор как я вам писал в последний раз, мне удалось познакомиться еще с одним из наших соседей — с мистером Френклендом из Лефтер-холла, который живет милях в четырех к югу от нас. Это старик, седой, краснолицый и весьма желчный. Мистер Френкленд помешан на британском законодательстве и ухлопал целое состояние на всевозможные тяжбы. Он судится исключительно ради собственного удовольствия, выступая то в качестве истца, то в качестве ответчика, а такие развлечения, как вы сами понимаете, обходятся недешево. Ему вдруг взбредет в голову запретить проезд около своих владений — пусть приходский совет доказывает, что это неправильно. Потом разламывает собственными руками чью-нибудь калитку и заявит, что здесь спокон веков была проезжая дорога, — пусть хо-

зяня подает на него в суд за нарушение границ чужого землевладения. Он знает пазубок древнее обычное право и применяет свои знания иной раз в интересах соседней деревушки Фернворси, иной раз наперекор ей, так что жители ее попеременно то проносят его с торжеством по улицам, то передают символическому сожжению. Говорят, будто сейчас на руках у мистера Френкленда семь тяжб, которые, по всей вероятности, съедят остатки его состояния, и он, лишенный таким образом жала, будет совершенно безобидным, мирным старичком. Во всех прочих отношениях это человек мягкий, добродушный, и я упоминаю о нем только потому, что вы требовали от меня описания всех наших соседей.

Сейчас мистер Френкленд нашел себе очень странный занятии. Будучи астрономом-любителем и обладая великолепной подзорной трубой, он по целым дням лежит на крыше своего дома и обзирает болота в надежде на то, что ему удастся обнаружить беглого каторжника. Если б мистер Френкленд употреблял свою нерастрченную энергию только на это, все было бы прекрасно, но ходят слухи, будто он собирается привлечь к ответственности доктора Мортимера за то, что тот разрыл какую-то могилу, не заручившись согласием ближайших родственников погребенного. Как вы догадываетесь, речь идет о черепе неолитического человека, обнаруженном при раскопке кургана в Длинной низине. Да, мистер Френкленд вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, а сейчас это нам как нельзя более кстати.

Теперь, сообщив вам все, что было можно, о беглом каторжнике, Стэплтонах, докторе Мортимере и мистере Френкленде из Лефтер-холла, я перейду к самому важному пункту и расскажу о Бэрриморах, в частности, о тех странных событиях, которые произошли сегодня ночью.

Начну с телеграммы, посланной вами из Лондона с тем, чтобы удостовериться, был ли Бэрримор в тот день на месте. Вы уже знаете о моей беседе с почтмейстером, из которой выяснилось, что наша проверка ничего не дала, и мы так и не получили нужных нам сведений. Я рассказал сэру Генри о своей неудаче, и он со свойственной ему непосредственностью немедленно вызвал Бэрримора и спросил его про телеграмму. Бэрримор сказал, что телеграмма была получена.

— Мальчик передал ее вам в собственные руки? — спросил сэр Генри.

Бэрримор удивленно посмотрел на него и минуту подумал.

— Нет, — сказал он. — Я тогда был на чердаке, и телеграмму принесла мне жена.

— А ответ вы написали сами?

— Нет, я сказал жене, как ответить, она спустилась вниз и написала.

Вечером Бэрримор снова вернулся к этой теме по своему собственному почину.

— Сэр Генри, я не совсем понял, почему вы расспрашивали меня о той телеграмме, — сказал он. — Неужели я в чем-нибудь провинился и потерял ваше доверие?

Сэр Генри постарался уверить Бэрримора, что это не так, и, чтобы окончательно успокоить его, подарил ему довольно много из своих старых вещей, ибо покупки, сделанные им в Лондоне, уже доставлены в Баскервиль-холл.

Меня очень интересует миссис Бэрримор. Это весьма солидная, почтенная женщина с пуританскими наклонностями, трудно вообразить себе существо более невозмутимое. Но вы уже знаете, что в первую ночь здесь я слышал ее горькие рыдания, и с тех пор мне не раз приходилось замечать следы слез у нее на лице. Эту женщину гложет какое-то тяжелое горе. Иной раз мне приходит в голову: может быть, это муки нечистой совести? А потом я начинаю подозревать в Бэрриморе домашнего тирана. Мне всегда казалось, что это личность сомнительная, странная, а события прошлой ночи окончательно усилили мои подозрения.

Впрочем, само по себе это происшествие не так уж значительно. Вы, вероятно, помните, что я сплю не очень крепко, а здесь, в Баскервиль-холле, когда все время приходится быть настороже, сон у меня особенно чуткий. Вчера ночью, около двух часов, я услышал крадущиеся шаги около своей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в коридор. По нему скользила чья-то длинная черная тень. Она надела от человека, который еле слышно ступал по коридору со свечкой в руке. Он был в нижней рубашке, в брюках, босиком. Я различил только его смутные очертания, но по росту догадался, что это Бэрримор. Он шел медленно, тихо, и в каждом его движении было что-то вороватое, настороженное.

Вы уже знаете из моих писем, что оба коридора пересекаются галереей, которая окружает холл. Я подождал, пока Бэрримор скроется у меня из глаз, и двинулся следом за

ним. Когда я вышел на галерею, он был уже в самом конце дальнего коридора, потом в открытых дверях одной комнаты блеснул свет — значит, он вошел туда. Надо вам сказать, что эти комнаты нежилые и в них нет даже мебели, следовательно, поведение Бэрримора становилось совсем загадочным. Он стоял там, по-видимому, неподвижно, так как пламя свечи не колебалось. Стараясь шагать как можно тише, я прошел весь коридор и заглянул из-за косяка в открытую дверь.

Бэрримор стоял, притаившись, у окна, поднеся свечку к самому стеклу. Я видел его профиль — застывшее в напряженном ожидании лицо, взгляд, устремленный в непроглядную тьму болот. Несколько минут он пристально смотрел в окно, потом тихо застонал и нетерпеливым движением загасил свечу. Я сейчас же вернулся к себе в комнату и вскоре услышал за дверью те же крадущиеся шаги. Сну-стя долгое время, сквозь легкий сон, до меня донеслось, как где-то повернули ключ в замке, но откуда шел этот звук, определить было трудно.

Что все сие значит, я не понимаю, но в этом мрачном доме творятся какие-то тайные дела, до сути которых мы рано или поздно доберемся. Не хочу утруждать вас изложением собственных теорий на этот счет, так как вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром я долго говорил с сэром Генри, и мы разработали план компании, основываясь на моих ночных наблюдениях. Но я умолчу о нем до следующего письма, которое только выигрывает от этого.

ГЛАВА IX

ВТОРОЙ ОТЧЕТ ДОКТОРА УОТСОНА

Баскервиль-холл,
15 октября

Дорогой Холмс!

Если первое время после приезда сюда ваш посланник не баловал вас новостями, то признайтесь, что теперь он наверстывает упущенное, так как события быстро следуют одно за другим. Свой последний отчет я закончил драматическим описанием Бэрримора у окна пустой комнаты, а с тех пор у меня накопился целый ворох новостей, которые, без сомнения, сильно удивят вас. Я никак не мог предуга-

дуть, что дела примут такой оборот. За последние двое суток обстановка, с одной стороны, значительно прояснилась, с другой — стала еще сложнее. Но расскажу вам все по порядку, так, чтобы вы могли судить об этом сами.

На следующее утро после моего ночного приключения и еще перед завтраком обследовал ту комнату, куда заходил Бэрримор. Окно, в которое он так пристально смотрел, имеет одно преимущество по сравнению со всеми другими окнами дома: из него открывается самый лучший вид на болота. В просвете между двумя деревьями они лежат как на ладони, а из других окон их почти не видно. Следовательно, Бэрримор избрал это окно, чтобы высмотреть кого-то или что-то на просторах торфяных болот. Впрочем, ночь была темная, и я не знаю, на что он рассчитывал. Потом мне пришло в голову: может быть, это какая-нибудь любовная интрижка? Тогда все станет понятным — и осторожность, с которой он действовал, и страдания его жены. У человека с его внешностью есть все данные, чтобы пленить сердце какой-нибудь деревенской девушки, так что это предположение небезосновательно. Вернувшись тогда к себе в комнату, я слышал, как где-то открыли дверь. Вероятно, Бэрримор ходил на тайное свидание. Такие мысли занимали меня все следующее утро. В дальнейшем мои подозрения могут оказаться несостоятельными, и все же, невзирая на это, я считаю необходимым сообщить их вам.

Я чувствовал, что возьму на себя слишком большую ответственность, если умолчу о событиях этой ночи, дожидаясь, пока мотивы действий Бэрримора не станут ясными. После завтрака мы с баронетом ушли в его кабинет, и там я рассказал ему все. Сверх моих ожиданий, он отнесся к этому довольно спокойно.

— Я знаю, что Бэрримор разгуливает по почам, и давно собираюсь поговорить с ним,— сказал он.— Я несколько раз слышал его шаги в коридоре примерно в те же часы, что и вы.

— Может быть, он каждую ночь ходит к тому окну?

— Может быть. А если так, надо его выследить и посмотреть, чем он там занимается. Интересно, как бы поступил в таком случае ваш друг Холмс?

— Уверен, что он сделал бы то же самое,— сказал я.— Прокрался бы за Бэрримором и узнал, что ему там понадобилось.

— Тогда давайте сделаем это вместе.

— Но он услышит нас!

— Нст. Бэрримор туговат на ухо, и, во всяком случае, надо рискнуть. Давайте ждать его у меня в комнате.

Сэр Генри с удовольствием потер руки, видимо, радуясь малейшей возможности внести какое-то разнообразие в монотонное течение жизни, которую ему приходится вести здесь.

Баронет уже успел снестись с архитектором, подготовившим для сэра Чарльза планы перестройки, и пригласил подрядчика из Лондона, так что в скором времени здесь надо ждать больших перемен. Из Плимута приехали декораторы и мебелировщики. Судя по всему, наш друг размахнулся очень широко и не пожалеет ни трудов, ни денег, чтобы восстановить былое величие своего рода. Когда дом будет заново отделан и обставлен, для полного завершения картины баронету потребуется только жена. Между нами говоря, есть все основания предполагать, что за этим дело не станет, ибо он так увлечен своей очаровательной соседкой, мисс Стэйлтон, что дальше идти некуда. Однако роман протекает не так гладко, как следовало бы ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на его поверхности появилась маленькая рябь, очень удивившая и расстроившая нашего друга.

После разговора о Бэрриморе сэр Генри надел шляпу и собрался идти куда-то. Я, разумеется, сделал то же самое.

— Вы со мной, Уотсон? — спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

— Это зависит от того, куда вы идете. Если на болота, то да, — ответил я.

— На болота.

— Вы же знаете, какие мне даны распоряжения. Я не хочу мешать вам, но Холмс не велел оставлять вас одного, особенно на болотах. Вы сами это слышали.

Сэр Генри с милой улыбкой похлопал меня по плечу.

— Дорогой друг, — сказал он, — несмотря на всю свою дальновидность, Холмс не мог предугадать во всех подробностях, как сложится моя жизнь здесь. Вы меня понимаете? Уж кому другому, а вам-то наверняка не захочется мешать мне. Нет, пустите меня одного.

Посудите сами, каково было мое положение. Я растерялся, не зная, что сказать, как поступить, а тем временем сэр Генри взял свою палку и ушел.

Но стоило мне только немного поразмыслить, и меня начала мучить совесть: зачем я позволил ему уйти из-под моего наблюдения? А что, если, вернувшись в Лондон, я

должен буду признаться вам, что мое попустительство доведло нас до беды? Меня бросило в жар при одной мысли об этом. Еще не поздно, его можно догнать. И я сразу же отправился к Меррипит-хаусу.

Я быстро шагал по дороге, не видя сэра Генри, и через несколько минут подошел к тому месту, где начинается тропинка, уводящая в глубь болот. Тут меня взяло сомнение в правильности выбранного пути, и я поднялся на холм, с которого открывается широкий вид на болота, — тот самый холм, где была когда-то каменоломня. Оттуда и сразу увидел баронета. Он шагал по тропинке примерно на расстоянии четверти мили от меня, а рядом с ним шла женщина — не кто иная, как мисс Стэйлтон. Было ясно, что эти двое давно обо всем договорились и что сегодняшняя встреча не случайна. Погруженные в разговор, они шли очень медленно, и, судя по жестикеляции мисс Стэйлтон, она старалась в чем-то убедить сэра Генри, который внимательно слушал ее и время от времени отрицательно качал головой. Я стоял среди валунов, не зная, как мне быть. Догнать их и нарушить эту интимную беседу невозможно. Но в чем состоит мой долг? В том, чтобы ни на секунду не спускать глаз с сэра Генри. Выслеживать друга — крайне неприятное занятие. И все же я не видел иного выхода и решил продолжать свое наблюдение с вершины холма, а потом для очистки совести признаться баронету во всем. Правда, если б он вдруг оказался в опасности, я бы не смог ему помочь, так как был слишком далеко, но, согласитесь сами, — выбирать не приходилось.

Пройдя несколько шагов, наш сэр Генри и девушка остановились, увлеченные своим разговором, и тут мне вдруг стало ясно, что я не единственный свидетель их встречи. Среди валунов мелькнуло что-то зеленое. Приглядевшись, я увидел, что это зеленый лоскут на палке, а палку несет человек, идущий по направлению к тропинке. Это оказался Стэйлтон со своим сачком для ловли бабочек. Он был гораздо ближе к нашей парочке, чем я, и шел прямо на нее. В эту минуту сэр Генри обнял мисс Стэйлтон, но она отвернулась, стараясь вырваться из его объятий. Он нагнулся к ней, она заслонилась от него ладонью... А потом они отскочили друг от друга и оглянулись назад. Виной этому был Стэйлтон, который бежал к ним со всех ног, пелепо размахивая сачком. Он отчаянно жестикулировал и, поравнявшись с влюбленными, в страшном волнении заметался перед ними. Я не мог понять, что все это значит, по,

по-видимому, Стэплтон в чем-то обвинял сэра Генри, а тот оправдывался и мало-помалу начинал выходить из себя. Девушка стояла рядом, храня высокомерное молчание. Наконец Стэплтон круто повернулся, повелительно махнул сестре рукой, и она, бросив нерешительный взгляд на сэра Генри, пошла следом за братом. Порывистые жесты натуралиста свидетельствовали о том, что его гнев пал и на девушку. Баронет проводил их взглядом, потом, повесив голову, медленно зашагал в обратный путь.

Я так ничего и не понял из этой разыгравшейся у меня на глазах сцены и чувствовал глубокий стыд, что был свидетелем ее без ведома моего друга. Мне не оставалось ничего другого, как сбежать с холма и встретить баронета впризу. Лицо у него было красное от гнева, брови нахмурены — человек явно не знал, что делать, как поступить.

— А, Уотсон! Откуда вас принесло? Неужели вы все-таки пошли следом за мной?

Пришлось объяснить ему все: как я почувствовал, что не могу отпустить его одного, как пошел следом за ним и оказался свидетелем их встречи и всех последующих событий. Сэр Генри сверкнул на меня глазами, но моя откровенность обезоружила его, и он рассмеялся, правда, невесело:

— Уж, кажется, в такой пустыне можно было рассчитывать на уединение, так нет! Все словно сговорились и вышли полюбоваться, как я ухаживаю за девушкой! А ухаживание получилось довольно неудачное. Где вы абонировали себе место?

— Вон на том холме.

— Значит, на галерке. А ее братец устроился в первых рядах. Вы видели, как он на нас налетел?

— Да, видел.

— Вам никогда не приходило в голову, что этот субъект не в своем уме?

— Нет, не приходило.

— Мне тоже. До сегодняшнего дня я считал Стэплтона самым нормальным человеком, а теперь мне кажется, что на него — а может, на меня — надо надеть смирительную рубашку. Неужели я так уж плох? Вы живете со мной не первую неделю, Уотсон. Будьте откровенны. Что мне мешает стать хорошим мужем женщины, которую я люблю?

— По-моему, ничто не мешает.

— К моему положению в обществе он не может придраться, — значит, дело во мне самом. Что он имеет против

меня? Я в жизни никому не причинил зла. А этот субъект даже близко меня к ней не хочет подпускать.

— Он так и сказал?

— Да, и добавил кое-что сверх этого. Знаете, Уотсон, и ведь познакомился с ней всего несколько недель назад, но мне с первой же встречи стало ясно, что эта женщина создана для меня. И она... она тоже... ей было хорошо со мной, я готов поклясться в этом! Женские глаза говорят лучше слов. Но он противился нашему сближению, и я только сегодня улучил возможность поговорить с ней наедине. Она с радостью согласилась на это свидание, но, как вы думаете, зачем? Чтобы говорить о нашей любви? Нет, будь ее воля, она и меня заставила бы замолчать. У нее одно на языке: здесь опасно, и она не успокоится до тех пор, пока я не уеду из Баскервиль-холла. Я сказал, что после встречи с ней никуда отсюда не уеду, а если это так уж необходимо, пусть уезжает вместе со мной. Одним словом, я сделал ей предложение, но она даже не успела ответить мне, потому что в эту минуту ее милейший братец полетел на нас, как сумасшедший. Он был весь белый от ярости, а его бесцветные глазки буквально метали искры. Что я себе позволил! Как я смею приставать к женщине со своими ухаживаниями, которые ничего не вызывают у нее, кроме отвращения! Я, вероятно, воображаю, что баронету все дозволено? Не будь он ее братом, я бы знал, как ему ответить! Пришлось сказать только, что ничего позорного в моих чувствах нет и что я надеюсь иметь честь назвать когда-нибудь мисс Стэплтон своей женой. Но это ничему не помогло, и под конец я тоже вышел из себя и погорячился, а горячиться не следовало, принимая во внимание, что она стояла тут же. После этого он удалился вместе с ней, как вы сами видели, я же остался один в полном недоумении. Теперь, Уотсон, объясните мне, что все это значит, и я ввек не забуду вам такого одолжения!

Я прикинул мысленно и так и эдак, но, по правде сказать, вся эта история повергла меня в неменьшее недоумение. Титул нашего друга, его богатство, молодость, доброе имя, наружность — все говорит в его пользу, и я не знаю за ним ничего дурного, кроме, пожалуй, темного рока, тяготеющего над его семьей.

Да, странно, что предложение сэра Генри было отвергнуто с такой резкостью и даже без всякой ссылки на желание самой девушки. Странно и то, что она отнеслась ко всему происходящему столь безучастно. Впрочем, наши со-

мнения разрешил в тот же день сам Стэплтон. Он явился с извинениями за грубость, долго беседовал с сэром Генри в его кабинете, и ссоры как не бывало, — мы получили на будущую пятницу приглашение к обеду в Меррипит-хаус.

— Я все же не перестал сомневаться в нормальности этого человека, — сказал сэр Генри, — у меня до сих пор стоит перед глазами его лицо, когда он пакинулся на нас сегодня утром, но, надо отдать ему справедливость, извинения были исчерпывающими, к ним не придется.

— А как он объяснил свою вспышку?

— Сестра для него — все. Это понятно, и я очень рад, что он знает ей цену. Они всю жизнь прожили вместе, и, если верить ему, других близких людей у него нет, так что возможность разлуки с ней приводит его в ужас. Он будто бы не догадывался о моих чувствах, а убедившись в них собственными глазами, понял, что сестру могут отнять у него, и при одной этой мысли потерял над собой всякую власть. Он очень сожалеет о случившемся и признает, что эгоистично и глупо с его стороны думать, будто бы можно удержать около себя такую красивую женщину, как мисс Стэплтон. Если разлука с ней неизбежна, то пусть уж разлучником буду я, их сосед. Так или иначе, это для него большой удар, и вряд ли ему удастся скоро примириться с ним. Но он не будет нам препятствовать, если я пообещаю молчать о своей любви в течение ближайших трех месяцев и довольствоваться только дружбой его сестры. Я пообещал, и на том дело и кончилось.

Как видите, одна из наших маленьких тайн разъяснилась. А нащупать ногами дно в этой трясине, где мы барахтаемся, дело нешуточное. Теперь нам известно, почему Стэплтон так неодобрительно относился к поклоннику своей сестры — к такому завидному поклоннику, как сэр Генри.

А теперь я потяну за другую ниточку, которую мне удалось высвободить из этого спутанного клубка. Перейдем к таинственным ночным рыданиям, к заплаканному лицу миссис Бэрримор и загадочным путешествиям лакея к окну, выходящему на болота. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались в своем помощнике. Доверие, которое вы мне оказали, послав меня сюда, вполне оправдано. Чтобы выяснить эту очередную загадку, понадобилась одна ночь.

Я говорю «одна почть», по вернее будет сказать, «две почти», ибо в первую мы ничего не дознались. Мы с сэром Генри сидели в его комнате чуть ли не до трех часов утра, но так ничего и не услышали, кроме боя часов на лестнице. Это томительное бдение закончилось тем, что и сэр Генри, и наш покорный слуга оба заснули, сидя в креслах. Впрочем, эта неудача нас не обескуражила, решено было попробовать еще раз. На следующую ночь мы прикрутили фитиль у лампы и сидели, курия сигарету за сигаретой, в полном молчании. Время тянулось невероятно медленно, но нас подбадривал тот же азарт, какой бывает у охотника, терпеливо подстерегающего дичь у капкана.

Пробило час, два, и мы уже готовы были отчаяться, как вдруг усталости нашей словно не бывало — и я, и сэр Генри оба невольно выпрямились. В коридоре послышался скрип половиц. Крадущиеся шаги поравнялись с нашей комнатой и мало-помалу замерли вдали. Баронет бесшумно открыл дверь. Мы отправились следом за нашей дичью. Она уже успела пройти галерею, а в коридоре была полная темнота. Соблюдая всяческую осторожность, мы дошли до дальнего крыла, и там перед нами промелькнула фигура высокого человека с черной бородой, который на цыпочках, ссутулив плечи, ступал по коридору. Вот он шмыгнул в ту же дверь, свеча на секунду осветила ее, а потом в темный коридор протянулся тоненький желтый луч. Мы двигались к этому лучу, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы были босиком, в все же старые половицы стонали и поскрипывали под тяжестью наших шагов. Мне казалось, что их нельзя не услышать, но, к счастью, Барримор действительно туг на ухо, да к тому же он был слишком поглощен своим делом.

Добравшись наконец до двери, мы заглянули в комнату. Лакей стоял со свечой у окна, почти прижавшись к стеклу лицом, то есть в той же позе, в какой я видел его две ночи назад.

У нас не было заранее разработанного плана действий, но баронет принадлежит к тому сорту людей, для которых решительные поступки кажутся самыми естественными. Он смело вошел в комнату. Барримор отскочил от окна, прерывисто переводя дух, и, мертвенно бледный, дрожа всем телом, стал перед нами. В его темных глазах, горевших на белой маске лица, сквозил ужас. Он растерянно переводил их с меня на сэра Генри.

— Барримор, что вы здесь делаете?

— Ничего, сэр.— От волнения он едва ворочал языком; свеча дрожала в его руке, бросая на стены и на потолок неровные тени.— Окно, сэр... Я проверяю по ночам, все ли заперты.

— Даже на втором этаже?

— Да, сэр, во всем доме.

— Слушайте, Бэрримор,— строго сказал сэр Генри,— мы решили добиться от вас правды, так что, чем скорее вы во всем признаетесь, тем лучше. Ну, довольно изворачиваться! Что вам здесь понадобилось?

Лакей бросил на нас беспомощный взгляд и в полном смятении стиснул руки.

— Я ничего плохого не делал, сэр! Я только осветил свечкой в окно.

— А зачем вы светили свечкой в окно?

— Не спрашивайте меня, сэр Генри... Не спрашивайте! Клянусь вам, сэр, это не моя тайна, я не могу ее выдать. Если б она касалась только меня, я ничего не стал бы скрывать от вас.

Вдруг меня осенила неожиданная мысль, и я взял свечу, стоявшую на подоконнике.

— Это, вероятно, условный знак. Сейчас посмотрим, будет ли на него какой-нибудь ответ.

Я поднес свечку к самому стеклу, так же, как делал Бэрримор, и взгляделся в непроглядный мрак ночи. Луна спряталась за облака, и в первую минуту мне удалось разглядеть только гряду деревьев, оттеняющую мутную ширь болот. И вдруг я торжествующе вскрикнул, увидев в черном квадрате окна крошечную желтую точку, прорезавшую ночную тьму.

— Вот, смотрите!

— Нет, нет, сэр!..— забормотал лакей.— Уверю вас, сэр...

— Перенесите свечу вправо, Уотсон! — крикнул баронет.— Видите? Там огонь тоже передвинулся... Ну, негодяй, вы все еще будете упорствовать? Ведь это сигнал! Признавайтесь: кто ваш сообщник? Что вы замышляете?

Лакей бросил на него явно вызывающий взгляд.

— Это мое дело, вас оно не касается. Я ничего не скажу.

— Тогда можете считать себя уволенным.

— Слушаю, сэр. Видно, ничего не поделаешь.

— Я выгоню вас с позором! Стыдитесь! Наши предки

больше ста лет жили вместе под одной кровлей, а вы за-
мыслили какой-то заговор против меня.

— Нет, нет, сэр! Не против вас!

Эти слова произнес женский голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях насмерть перепуганную миссис Бэрримор, которая своей бледностью могла поспорить с мужем. Эта грузная женщина в нижней юбке и в шали могла бы произвести весьма комическое впечатление, если б не ужас, написанный у нее на лице.

— Нас рассчитали, Элиза. Вот чем все кончилось!..
Пойди уложи вещи,— сказал Бэрримор.

— Джон, Джон! До чего же я тебя довела!.. Это все моя вина, сэр Генри. Он только ради меня на это пошел... ради одной меня.

— Так говорите же! В чем тут дело?

— Мой несчастный брат погибает от голода на болотах. Не можем же мы допустить, чтобы он умер у самых наших дверей! Джон подает ему знак, что еда приготовлена, а он показывает, куда ее принести.

— Значит, ваш брат и есть тот...

— ...беглый каторжник, сэр... убийца Селден.

— Это все правда, сэр,— подтвердил Бэрримор.—
Я вам сказал, что не могу открыть чужую тайну, а теперь вы сами все услышали, и теперь вы знаете, что против вас мы ничего не замыслили.

Так вот как разъяснились эти загадочные ночные путешествия со свечой! Мы с сэром Генри в изумлении смотрели на миссис Бэрримор. Неужели эта флегматичная почтенная женщина той же крови, что и один из самых страшных преступников, которых знает наша страна?

— Да, сэр, моя девичья фамилия Селден, он мой младший брат. Мы избаловали его с детских лет, потакали ему во всем, вот он и уверился, будто ему все дозволено, будто мир существует только для его удовольствия. Потом подрос, попал в дурную компанию, и словно бес вселился в нашего мальчика. Он разбил материнское сердце и смешал наше имя с грязью. А чем дальше, тем хуже и хуже — от одного преступления к другому. Что его спасло от виселицы? Только милость божья. Но для меня, сэр, он остается все тем же маленьким кудрявым мальчуганом, с которым я играла, которого нянчила как старшая сестра. Поэтому он и убежал из тюрьмы: знал, что я здесь и что мы не откажемся помочь ему. Когда он прилепился сюда ночью,

усталый, голодный, а поголя — по пятам, что нам оставалось делать? Мы впустили его, накормили, помогли всем, чем можно. Потом приехали вы, сэр, и он решил, что лучше переждать на болотах, пока суматоха не уляжется, и с тех пор скрывается там. А мы проверяем через ночь, не ушел ли, светим ему в окоп, и, если он отвечает, мой муж носит на условленное место хлеб и мясо. Каждый день надемся, может, ушел, но пока он здесь, мы его не бросим. Я женщина верующая и лгать вам не стану. Если тут есть что дурное, так муж ни в чем не виноват; он пошел на это только ради меня.

Она говорила с таким чувством, что ей нельзя было не поверить.

— Это правда, Бэрримор?

— Да, сэр Генри. Все до последнего слова правда.

— Ну что ж, я не стану вас осуждать за преданность жене. Забудьте то, что я вам говорил. Идите оба к себе, а утром мы обсудим все как следует.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окоп. Сэр Генри открыл его настежь, и в лицо нам пахнуло холодным ночным ветром. Далеко в непроглядной тьме все еще мерцал крошечный желтый огонек.

— Удивляюсь, как он не боится! — сказал сэр Генри.

— Огонь, вероятно, только отсюда и видно.

— Может быть. Как, по-вашему, где это?

— Где-нибудь около гранитных столбов.

— Мили две, не больше?

— И того не будет.

— Да, если Бэрримор носил туда еду, значит, недалеко. И он ждет сейчас, что к нему придут на его огонек. Нет, Уотсон, я пойду и поймаю этого изверга!

Та же самая мысль мелькнула и у меня. Ведь Бэрриморы не сделали нас соучастниками — мы заставили их выдать свою тайну. Этот человек опасен для общества. Такого, как он, нельзя ни жалеть, ни оправдывать. Мы должны воспользоваться представившейся нам возможностью, чтобы вернуть его туда, где он уже никому не повредит. В противном случае за нашу оплошность поплатятся другие, например, Стэплтоны, на которых он может напасть в любую ночь. Я думаю, что именно эта мысль толкала сэра Генри на такой смелый поступок.

— Я пойду с вами.

— Тогда возьмите револьвер и обуйтесь. Надо торопиться, не то он потушит огонь и скроется.

Не прошло и пяти минут, как мы уже быстро шли по темной аллее, прислушиваясь к монотонному вою осеннего ветра и шороху осыпающихся листьев. В воздухе стоял пряный запах гнили и сырости. Луна лишь изредка показывалась из-за туч, тянувшихся по небу, а как только мы вышли на болота, заморосил мелкий дождь. Желтый огонек по-прежнему мерцал впереди.

— А вы что-нибудь прихватили с собой? — спросил я.

— Да, хлыст.

— Давайте действовать быстро, чтобы не дать ему опомниться и оказать сопротивление, ведь он, говорят, отчаянный. Захватим его врасплох.

— Слушайте, Уотсон! — вдруг заговорил баронет. — А что бы сказал об этом Холмс? Помните! «Ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно...»

И, словно в ответ на его слова, где-то вдали, на мрачных просторах болот, возник тот странный звук, который так поразил меня несколько дней назад около Гримпеской трясины. Ветер донес до нас сначала глухое ворчанье, а потом рев, мало-помалу перешедший в тоскливый вой. Эти дикие, грозные звуки повторялись с той же последовательностью раз за разом, наполняя собой воздух. Баронет схватил меня за рукав, и я даже в темноте разглядел, какой мертвенной бледностью покрылось его лицо.

— Боже мой, Уотсон, что это?

— Не знаю. Говорят, что такие звуки — не редкость на болотах. Я уже слышал их.

Вой снова замер, наступила полная тишина. Мы стояли, напряженно прислушиваясь, но больше ничто не нарушало окружающего нас безмолвия.

— Уотсон, — сказал баронет, — это выла собака.

Кровь похолодела у меня в жилах, ибо голос сэра Генри дрогнул от ужаса.

— Как они объясняют этот звук? — спросил он.

— Кто?

— Здешние жители.

— Но ведь это совершенно невежественные люди! Не все ли вам равно, как они его объясняют?

— Уотсон, скажите мне, что они говорят об этом?

Минуту я колебался, но вопрос был поставлен так, что отмолчаться мне не удалось.

— Они говорят, что это воет собака Баскервилей.

Сэр Генри застонал.

— Да, так может выть только собака,— сказал он после долгого молчания,— но она где-то далеко, в той стороне.

— Я не могу определить, откуда шел этот вой.

— Его принесло ветром. А где Гримпенская трясина? Вон там?

— Да.

— Так оттуда он и шел. Бросьте, Уотсон! Вы же сами думаете, что это выла собака. Я не ребенок. Не бойтесь сказать мне правду.

— В тот раз со мной был Стэплтон. Он говорит, что так кричат какие-то птицы.

— Нет, это собака. Боже мой! Неужели во всех этих пещерах есть хоть доля правды? Неужели мне угрожает какая-то неведомая опасность? Вы не верите в это, Уотсон?

— Нет, нет!

— А все-таки одно дело — смеяться над такими глупостями в Лондоне и совсем другое — слышать этот вой, стоя в темноте на болотах. А мой дядя? Ведь около его тела нашли собачьи следы. Все одно к одному. Я далеко не трус, Уотсон, но у меня кровь стынет в жилах от этих звуков. Потрогайте мою руку.

Она была холодна, как мрамор.

— Ничего, завтра все пройдет.

— Нет, этого воя мне никогда не забыть. Что же нам теперь делать?

— Повернем домой?

— Ни за что! Ловить этого негодяя, так ловить. Мы с вами охотимся за каторжником, а чудовищная собака, наверно, охотится за нами. Пойдемте, Уотсон! Пусть все исчадия ада ринутся сюда, на болота, все равно отступить нельзя.

Спотыкаясь на каждом шагу, мы медленно двинулись дальше. И справа и слева от нас громоздились неясные в темноте очертания скалистых холмов. Впереди по-прежнему маячил маленький желтый огонек. Нет ничего обманчивее расстояния в кромешной тьме. Огонек мерцал то у самого горизонта, то всего в нескольких шагах от нас. Но наконец мы разглядели источник света и поняли, что теперь до него недалеко. Это была оплывшая свечка, вставленная в расселину между камнями, которые защищали ее и от ветра, и от посторонних глаз, оставляя открытой

только с той стороны, где был Баскервиль-холл. Наше приближение скрывал большой гранитный валун. Мы притаились за ним и осторожно выглянули наружу. Странно было видеть эту одинокую свечу среди болот! Желтый язычок пламени, отсвечивающий на камнях,— и ни признака жизни вокруг.

— Что же теперь делать? — прошептал сэр Генри.

— Подождем здесь. Он, вероятно, где-нибудь поблизости. Может быть, сейчас покажется.

Я не успел договорить, как мы увидели его. В расселине, где горела свеча, появилось страшное, изборозженное следами пагубных страстей лицо, в котором не было ничего человеческого. Такое лицо, облепленное грязью, заросшее щетиной, все в космах спутанных волос, вполне могло бы быть у одного из тех дикарей, которые жили когда-то на склонах этих холмов. Огонек свечи отражался в хитрых маленьких глазках, злобно бегавших по сторонам, точно глаза зверя, слышавшего в темноте шаги охотников. Что-то, вероятно, возбудило его подозрение. То ли у них с Бэрримором был какой-то неизвестный нам условный знак, то ли он почувствовал, что дело неладно, но я сразу подметил следы страха на его отвратительной физиономии. Он мог каждую секунду погасить свечу и скрыться в темноте. Я выбежал вперед, сэр Генри за мной. Каторжник с воплем швырнул в нас камень, и камень разлетелся на куски, ударившись рядом о валун. Я успел только разглядеть, что он приземистый, широкоплечий. К счастью, в эту минуту из-за туч показалась луна. Мы кинулись вверх по холму, а каторжник мчался по другому его склону, с ловкостью горного козла прыгая по камням. Удачный выстрел мог бы ранить его, но я захватил с собой револьвер только для защиты, а не для того, чтобы стрелять в спину невооруженному человеку.

И я, и сэр Генри были неплохие бегуны, однако мы вскоре поняли, что нам не догнать его. Он долго виднелся впереди, освещенный ярким лунным светом, и наконец почти исчез, превратившись в маленькую точку, быстро движущуюся по склону отдаленного холма. Расстояние между нами все увеличивалось. Наконец мы окончательно выбились из сил, сели на камни и стали смотреть вслед его удаляющейся фигуре.

И вот тут-то произошло нечто странное и совершенно неожиданное. Мы уже поднялись, решив оставить бесполозную погоню. Луна была справа от нас; ровная вер-

шина гранитного столба четко вырисовывалась на фоне его серебряного диска. И на этом столбе я увидел человеческую фигуру, стоявшую неподвижно, словно статуя из черного дерева. Не думайте, Холмс, что это была галлюцинация. Я, как никогда, мог положиться на свое зрение! Насколько мне удалось разглядеть, это был высокий худой человек. Он стоял, чуть расставив ноги, скрестив руки на груди, опустив голову, и, словно в раздумье, смотрел на царство торфа и гранита, которое лежало перед ним. Вот таким и представляется мне дух здешних болот! Это был не каторжник. Он стоял далеко от места, где скрылся Селден, да и ростом был выше. Вскрикнув от неожиданности, я повернулся к баронету и схватил его за руку. Секунды, которая понадобилась мне на это, было достаточно — человек исчез. Острая вершина гранитного столба по-прежнему врезалась в лунный диск, но неподвижной, безмолвной фигуры на ней уже не было.

Я сразу же решил, что надо пойти туда и осмотреть этот столб, но он стоял довольно далеко от нас, а баронету было не до приключений, — он все еще не мог успокоиться после страшного воя, напомнившего ему о мрачном семейном предании. К тому же сам он ничего не видел, и, следовательно, его не могло взволновать это странное зрелище.

— Наверно, часовой. Со времени побега болота так и кишат ими, — сказал он.

Возможно, что сэр Генри был прав, но мне так хотелось окончательно убедиться в этом! Сегодня мы дадим знать принстаунским властям, где скрывается беглый каторжник. Но все-таки жалко, что нам не удалось поймать его самим и с торжеством водворить обратно в тюрьму!

Таковы события последней ночи, и вы, дорогой Холмс, должны признать, что вам представлен полный отчет о них. Большая часть моих рассказов, конечно, не имеет никакого отношения к нашему делу, но я считаю нужным сообщать в своих письмах все факты — выбирайте из них те, которые сослужат вам службу. Кое-какие успехи у нас все же есть. Мы узнали теперь всю подоплеку поведения Бэрри-мором, а это значительно прояснило обстановку. Но тайна торфяных болот, тайна их странных обитателей остается по-прежнему не разгаданной. Может быть, в следующем письме мне удастся немного приоткрыть над ней завесу. А лучше всего было бы, если б вы приехали сюда сами.

ГЛАВА X

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ДОКТОРА УОТСОНА

До сих пор я вполне обходился в своем повествовании отчетами, которые Шерлок Холмс получал от меня в первое время после моего приезда в Баскервиль-холл. Теперь же мы подошли к такому моменту, когда я вынужден оставить этот способ и снова положиться на свою память, подкрепив ее выписками из собственного дневника. Эти два отрывка подведут нас вплотную к тем событиям, которые навеки запечатлелись у меня в мозгу.

Я остановился на описании нашей неудачной погони за каторжником и на том, что за ней последовало. Продолжаю свой рассказ на другое утро.

16 октября. Туманный, серый день, моросит дождь. Над Баскервиль-холлом низко нависли тучи; время от времени гряда их редет, и тогда сквозь просветы вдаль виднеются мрачные просторы торфяных болот, на которых поблескивают серебром склоны холмов и мокрые валуны. И дома, и под открытым небом — всюду одинаково тоскливо. После пережитого ночью баронет находится в мрачном настроении. Я сам ощущаю какую-то тяжесть на сердце, и меня гнетет предчувствие неминуемой беды — предчувствие тем более страшное, что объяснить его я не в силах.

А разве оснований для беспокойства нет? Стоит только вспомнить цепь событий, которые все указывают на присутствие каких-то темных сил, действующих здесь. Смерть последнего хозяина Баскервиль-холла, в точности совпадающая с семейным преданием, толки среди фермеров о странном существе, которое появляется на болотах. Да я собственными ушами дважды слышал звуки, похожие на отдаленный собачий вой. Нельзя же в самом деле поверить, что все это — вне законов природы! Призрачная собака, которая оставляет следы на земле и громко воет? Нет, это невыносимо! Стэплтон, а за ним и Мортимер могли поддаться общему настроению, но если у меня есть какое-нибудь достоинство, так это здравый смысл, и я никогда не стану предаваться суеверию. Для этого надо опуститься на уровень развития здешних фермеров, которые, не довольствуясь рассказами о какой-то свирепой собаке, падают на ее пламенем, пышущим из глаз и пасти. Холмс не стал бы даже слушать подобные бредни, а я представляю здесь его персону. Однако факты остаются фактами: мне пришлось

дважды слышать этот вой. А что, если по болотам действительно бегают какая-то огромная собака? Ведь тогда все станет понятным! Но где она прячется, что она ест, откуда она взялась, почему никто не видел ее днем? Надо сознаться, что, давая всему этому правдоподобное объяснение, мы паталкиваемся на неменьшие трудности. Но даже если оставить собаку в стороне, — как объяснить то, что было в Лондоне? Неизвестный в кэбе, письмо, автор которого заклинал сэра Генри не выходить на торфяные болота? Уж в этом-то нет ничего сверхъестественного, хотя и то и другое можно в одинаковой степени приписать и дружеским и враждебным силам. Но где он сейчас, этот друг или враг? Остался ли в Лондоне или последовал за нами сюда? Неужели... Неужели его-то я и видел на вершине гранитного столба?

Правда, он всего лишь мелькнул у меня перед глазами, но кое-что я все же заметил и готов подтвердить это под присягой. Он не из здешних жителей — теперь я знаю всех соседей сэра Генри. Он выше Стэплтона и гораздо хуже Френкленда. Его можно было бы принять за Бэрримора, но Бэрримор оставался дома, и я уверен, что ему не удалось бы прокрасться за нами незамеченным. Следовательно, здесь, так же как и в Лондоне, нас выслеживает какой-то неизвестный. Мы до сих пор не можем отделаться от него. Если б мне удалось поймать этого человека, тогда все наши недоумения сразу бы разъяснились. Вот моя цель, и я приложу все силы, чтобы достигнуть ее.

Первым моим побуждением было поделиться своими планами с сэром Генри. Но, поразмыслив, я решил вести игру самостоятельно и поменьше говорить об этом. Баронет молчалив и погружен в свои мысли. Вой, который мы слышали на болотах, очень на него подействовал. Я решил не усугублять его беспокойства, но оружия не сложу и буду действовать на свой страх и риск.

Сегодня после завтрака у нас разыгралась небольшая сцена. Бэрримор попросил у сэра Генри разрешения поговорить с ним, и они ушли в кабинет. Сидя в бильярдной, я слышал их повышенные голоса и прекрасно догадывался, о чем там идет речь. Вскоре дверь кабинета растворилась, и баронет позвал меня.

— Бэрримор в обиде на нас, — сказал сэр Генри. — С нашей стороны, видите ли, было нечестно преследовать его шурина, тайну которого он выдал нам по собственной воле.

Лакей стоял бледный, но держал себя в руках.

— Я, может быть, погорячился, сэр, в таком случае прошу прощения. Но все же меня очень удивило, когда я услышал ваши шаги на рассвете и узнал, что вы хотели поймать Селдена. Незачем мне наводить людей на его след — ему, несчастному, и без того плохо.

— Если бы вы действительно выдали Селдена по собственной воле, это было бы совсем другое дело, — сказал баронет. — Но ведь вы, вернее, ваша жена, признались во всем только под нашим нажимом. Вам ничего другого не оставалось.

— Я не думал, что вы воспользуетесь нашим признанием, сэр Генри. Никак не думал.

— Селден опасен для общества. Ведь он ни перед чем не остановится, это по его физиономии видно! Вспомните, как редко здесь встречается жильё. Взять хотя бы мистера Стэплтона — в случае нападения ему надеяться не на что, разве только на собственные силы. Нет, пока этого человека не посадят под замок, мы не можем чувствовать себя в безопасности!

— Селден никого не тронет, сэр, клянусь вам! Для внешних жителей он теперь не страшен. Поверьте мне, сэр Генри, через несколько дней все будет улажено, и он уедет в Южную Америку. Умоляю вас, не сообщайте полиции, что Селден все еще здесь, на болотах. Его уже перестали искать, и он может спокойно дожидаться парохода. Если вы донесете на него, нам с женой несдобровать. Прошу вас, сэр, не обращайтесь в полицию!

— Уотсон, что вы на это скажете?

Я пожал плечами:

— Если этот человек уберется из Англии, налоговыми тельщиками вздохнут свободнее.

— А вдруг он натворит каких-нибудь бед до отъезда?

— Нет, сэр! Ведь не безумный же он! Мы дали ему все, что нужно. А новое преступление выдаст его с головой.

— Это верно, — сказал сэр Генри. — Хорошо, Бэрримор...

— Да благословит вас бог, сэр! Как я вам благодарен! Если Селдена поймают, моя жена не перенесет такого горя.

— Выходит, Уотсон, мы с вами укрываем уголовного преступника. Но у меня, кажется, не хватит теперь духу выдать его. Хорошо, покончим на этом. Вы можете идти, Бэрримор.

Пробормотав дрогнувшим голосом несколько слов бла-

годарности, лакей пошел к дверям, но на пороге вдруг остановился.

— Вы так хорошо со мной обошлись, сэр, что мне хочется как-то отблагодарить вас,— нерешительно начал он.— Я кое-что знаю, сэр Генри... может быть, напрасно и так долго молчал, но это выяснилось, когда дознание было уже закончено. Я еще ни с кем не говорил об этом... Речь идет о смерти сэра Чарльза.

Мы с баронетом так и подскочили на месте.

— Вам известны обстоятельства его смерти?

— Нет, сэр.

— Тогда что же?

— Я знаю, почему он стоял у калитки в такой поздний час. У него было свидание с женщиной.

— Свидание с женщиной! У сэра Чарльза!

— Да, сэр.

— Кто она такая?

— Имени ее я вам не скажу, сэр. Я знаю только первые буквы: «Л. Л.».

— Откуда вам это известно, Бэрримор?

— Сэр Генри, в то утро ваш дядюшка получил письмо. На его имя обычно приходило очень много писем, ведь он был человек известный и славился своей отзывчивостью. К нему каждый обращался со своим горем. Но в то утро пришло только одно письмо, почему я его и запомнил. Почерк на конверте был женский, и на штемпеле стояло: «Кумб-Треси».

— Дальше?

— Я бы не вспомнил больше об этом письме, если б не жена. Несколько недель тому назад она принялась за уборку в кабинете сэра Чарльза — в первый раз после его смерти — и нашла в глубине камина листок бумаги. Большая часть его превратилась в пепел, но один маленький кусочек — самый конец — уцелел, и слова еще можно было разобрать, хотя чернила посерели от огня, а бумага обуглилась. Это была, наверно, только приписка, и мы прочли вот что: «Умоляю вас как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера». Внизу стояли две буквы: «Л. Л.».

— Вы сохранили этот обрывок?

— Нет, сэр. Он рассыпался у меня в руках.

— А до этого сэр Чарльз получал письма, написанные тем же почерком?

— Не знаю, сэр, не обращал внимания. Да и это пись-

мо запомнилось мне только потому, что оно было единственным в тот день.

— И вы не знаете, кто такая «Л. Л.»?

— Нет, сэр, понятия не имею. Но я думаю, что, если бы нам удалось разыскать эту леди, мы бы узнали кое-какие подробности о смерти сэра Чарльза.

— Я просто не понимаю вас, Бэрримор! Как можно было скрывать до сих пор такие важные сведения?

— Видите ли, сэр, сразу же вслед за этим на нас самих свалилась беда. Кроме того, мы с женой очень любили сэра Чарльза и не забывали его благодеяний. Зачем, думаем, ворошить старое? Нашему несчастному хозяину это уже не поможет, а когда в дело замешана женщина, тут надо действовать осторожно. Ведь даже самые достойные люди...

— По-вашему, это может оскорбить его память?

— Да, сэр, я решил, что ничего хорошего из этого не получится. Но вы были так добры к нам... Мне не захотелось скрывать от вас то, что я знаю.

— Хорошо, Бэрримор, можете идти.

Когда лакей вышел, сэр Гепри повернулся ко мне.

— Ну, Уотсон, что вы скажете об этом новом луче света?

— По-моему, он еще больше сгустил темноту.

— Да, верно. Но если бы нам удалось выследить эту «Л. Л.», тогда все бы прояснилось. Мы теперь знаем, что есть женщина, которой многое известно, а это уже серьезное достижение! Надо только найти ее. Что же нам теперь делать?

— Немедленно сообщить об этом Холмсу. Может быть, это наведет его на нужный след. Я почти уверен, что он сейчас же приедет сюда.

Я ушел к себе и написал Холмсу подробный отчет о событиях сегодняшнего утра. Мой друг, по-видимому, очень занят последнее время, так как письма с Бейкер-стрит становятся все реже и все короче. В них ни словом не упоминается о моих отчетах, а о цели моей поездки сюда — лишь вскользь. Дело о шантаже, вероятно, поглощает все силы Холмса. Но последние события, безусловно, привлекут его внимание и снова пробудят в нем интерес к нашему расследованию. Как бы мне хотелось, чтобы он был здесь!

17 октября. Сегодня весь день льет дождь; тяжелые капли шуршат в густом плюще, падают с карнизов. Я вспо-

мнил каторжника, скрывающегося в глубине мрачных, открытых небу торфяных болот. Бедняга! Каковы бы ни были совершенные им преступления, теперешние его муки в какой-то мере искупают их. А потом вспомнился мне и тот, другой человек... Лицо, мелькнувшее в окне кэба, черный силуэт на лунном диске. Неужели этот неуловимый соглядатай, этот пособник тьмы тоже где-то бродит сейчас под таким ливнем?

Вечером я надел непромокаемый плащ и отправился в глубь болот, рисуя в своем воображении страшные картины. Дождь хлестал мне в лицо, в ушах свистел ветер. Да хранит господь тех, кто блуждает сейчас около Гримпенской трясины! В такую погоду даже взгорья превращаются здесь в сплошную топь. Я отыскал гранитный столб, на котором стоял тот одинокий созерцатель, и с его неровной, уступчатой вершины оглядел расстилавшиеся внизу унылые болота. Дождевые потоки заливали эти бурые низины, тяжелые, свинцово-серые тучи низко стлались над землей, а сквозь их обрывки проступали причудливые очертания холмов. Вдали, по левую руку от меня, над деревьями ложбины поднимались чуть видные в тумане узкие башни Баскервиль-холла. Только они одни и говорили о присутствии человека в этих местах, если не считать доисторических пещер, ютившихся на склонах холмов. И нигде ни малейшего следа того незнакомца, одинокую фигуру которого я видел на этой самой вершине две ночи назад!

На обратном пути меня догнал доктор Мортимер, ехавший в своей тележке со стороны Гнилого болота. Все это время доктор был к нам очень внимателен, и не проходило почти ни одного дня, чтобы он не заглянул в Баскервиль-холл справиться, как мы поживаем. Доктор усадил меня к себе в тележку и предложил подвезти домой. Он очень огорчен пропажей своего спаниеля. Собака убежала на болота и не вернулась. Я утешал доктора как мог, а сам, вспоминая лошадь, увязшую в Гримпенской трясины, думал, что Мортимеру вряд ли придется увидеть когда-нибудь свою собачонку.

— Кстати, доктор,— сказал я, трясаясь вместе с ним по рытвинам дороги,— вы, вероятно, знаете здесь всех, кто находится в радиусе ваших разъездов?

— Думаю, что всех.

— Тогда вы, может быть, скажете мне полное имя и фамилию женщины, инициалы которой «Л. Л.»?

Мортимер задумался, потом ответил:

— Нет. Правда, за цыган и работников на фермах я не могу ручаться, но среди самих фермеров и мелких помещиков такие инициалы как будто ни к кому не подходят. Хотя постойте,— добавил он после паузы,— есть некая Лора Лайонс — вот вам «Л. Л.». Но она живет в Кумб-Треси.

— Кто она такая? — спросил я.

— Дочь Френкленда.

— Как! Дочь этого старого чудака?

— Совершенно верно. Она вышла замуж за художника по фамилии Лайонс, который приезжал сюда на этюды. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, насколько я слышал, нельзя сваливать всю вину на одну сторону. Отец отрекся от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть, и не только поэтому. Одним словом, два греховодника — и старый и молодой — допекали несчастную женщину как могли.

— Чем же она живет?

— Старик Френкленд, вероятно, дает ей кое-что, разумеется, немного, так как его собственные дела находятся в плачевном состоянии. Но каковы бы ни были ее прегрешения, нельзя же было позволять ей скатываться все ниже и ниже. Эта история стала известна здесь, и соседи — а именно Стэплтон и сэр Чарльз — помогли ей, дав возможность честно зарабатывать на жизнь. Я тоже кое-что пожертвовал. Мы хотели, чтобы она выучилась печатать на машинке.

Мортимер спросил, почему меня это интересует, и я кое-как удовлетворил его любопытство, стараясь не вдаваться в подробности, ибо нам совершенно незачем посвящать в свои дела лишних людей.

Завтра утром я съезжу в Кумб-Треси, и, если мне удастся новиздать эту даму с весьма сомнительной репутацией, миссис Лору Лайонс, мы сделаем большой шаг вперед к тому, чтобы одной загадкой стало у нас меньше.

Между прочим, ваш покорный слуга мало-помалу превращается в мудрого змия: когда Мортимер зашел уж слишком далеко в своих расспросах, я осведомился, к какому типу принадлежит череп Френкленда, и спас положение — вся остальная часть пути была посвящена лекции по краниологии. Годы, проведенные в обществе Шерлока Холмса, не прошли для меня даром.

Чтобы покончить с описанием этого унылого, дождливого дня, упомяну еще об одном разговоре, на сей раз с

Бэрримором. Этот разговор дал мне козырь в руки, с которого я и пойду в нужную минуту.

Мортимер остался у нас, и после обеда они с баронетом затеяли партию в экартэ. Лакей подал мне кофе в кабинет, и я воспользовался этим, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Ну, Бэрримор, что подделывает ваш милый родственник? Уехал или все еще прячется на болотах?

— Не знаю, сэр. Хоть бы поскорее уехал! Ведь сколько мы с ним хватили горя! Я ничего о нем не знаю с тех пор, как отнес ему последний раз еду, а это было третьего дня.

— А тогда вы его видели?

— Нет, сэр, но я потом проверил — еды на месте не оказалось.

— Раз еды не было, значит, он все еще там.

— Да как будто так, сэр, если только ее не взял тот, другой человек.

Моя рука с чашкой замерла на полдороге, и я во все глаза уставился на Бэрримора.

— Так вы знаете, что там есть кто-то другой?

— Да, сэр, на болотах прячется еще один человек.

— Вы его видели?

— Нет, сэр.

— Откуда же вы о нем знаете?

— Мне говорил про него Селден недели полторы назад. Этот человек тоже скрывается, по, по-моему, он не из каторжников... Не нравится мне это, доктор Уотсон, совсем не нравится! — с неожиданной силой вырвалось вдруг у Бэрримора.

— Слушайте, друг мой! Я здесь действую исключительно в интересах вашего хозяина. Я только затем и присхал, чтобы помочь ему. Скажите мне прямо: что, собственно, вам не нравится?

Минуту Бэрримор колебался, точно сожалел о своей вспышке или же не находя подходящих слов для выражения обуревающих его чувств.

— Да все, что там делается, сэр! — воскликнул он наконец, показав на залитое дождевыми потоками окно, которое выходит на болота. — Не к добру это. Там замышляют черное дело, поверьте моему слову! Мне теперь хочется только одного: чтобы сэр Генри поскорее уехал отсюда в Лондон.

— Да что вас так напугало?

— А вы вспомните смерть сэра Чарльза! Мало ли что

там решили на дознании! Прислушайтесь ночью, что делается на болотах. Ведь люди ни за какие деньги не согласятся выйти туда после захода солнца... А этот человек, который там прячется и кого-то выслеживает,— кого он выслеживает? Что все это значит? Нет, для тех, кто носит имя Баскервилей, это добром не кончится, и я не дождусь того дня, когда новые слуги сэра Генри заступят мое место и мне можно будет уехать отсюда!

— Расскажите мне про этого человека,— сказал я.— Что вы о нем знаете? Что говорил Селден? Ему известно, где тот прячется и зачем?

— Селден видел его раза два, но он осторожный, хитрый. Сначала Селден принял его за полицейского, а потом убедился, что тут нечто совсем другое. По виду он джентльмен, но что ему там пужно, никак не поймешь.

— А где он прячется?

— Селден говорит, что в старых пещерах на склонах холма,— знаете, там есть каменные пещеры, где в древности жили люди.

— А чем он питается?

— Селден подглядел, что к нему ходит какой-то мальчишка. Он, наверно, носит ему еду и все прочее из Кумб-Треси.

— Хорошо, Бэрримор. Мы еще с вами поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Когда лакей вышел, я остановился у окна и посмотрел сквозь мутное стекло на бегущие по небу облака и на деревья, которые трепал ветер. Если в такую погоду неуютно даже в доме, то каково же в каменной пещере на болотах! Какой ненавистью надо пылать, чтобы устроить засаду в таком месте и в такое время! И что побудило этого человека пойти на столь тяжкое испытание?

В одной из этих пещер таится самая суть той задачи, которая так мучит меня. Клянусь, не пройдет и дня, как я сделаю все, что в человеческих силах, и доберусь до разгадки этой тайны!

ГЛАВА XI

ЧЕЛОВЕК НА ГРАНИТНОМ СТОЛБЕ

Отрывки из моего дневника, составившие последнюю главу, подвели нас вплотную к 18 октября, то есть к тому числу, начиная с которого все эти невероятные события

быстро двинулись к своей страшной развязке. Происшествия последних дней настолько врезались мне в память, что я могу рассказывать о них, не прибегая к своим записям.

Итак, начнем с того дня, в капун которого я выяснил два обстоятельства первостепенной важности. Первое: что миссис Лора Лайонс из Кумб-Треси писала сэру Чарльзу Баскервилю и назначила ему свидание в том самом месте, где он встретил свою смерть (причем в тот же условленный час), и второе: что человека, скрывающегося на болотах, следует искать в каменных пещерах на склоне холма. Я чувствовал, что теперь только недостаток мужества и сообразительности может помешать мне разгадать эти две загадки.

В тот вечер мне не удалось рассказать баронету о миссис Лайонс, так как они с доктором Мортимером допоздна засиделись за картами. Но на другой день во время завтрака я поделился с ним своим открытием и предложил съездить со мной в Кумб-Треси. Сначала он охотно согласился на это, но, поразмыслив, мы решили, что лучше мне поехать одному. Чем официальнее будет обставлен этот визит, тем меньших результатов мы добьемся. И я не без угрызений совести покинул сэра Генри, а сам отправился на эти новые розыски.

Подъехав к Кумб-Треси, я велел Перкинсу остановить лошадей и павел справки о леди, которую мне предстояло допросить. Отыскать ее дом оказалось нетрудно — он стоял в самом центре деревни. Служанка, открывшая дверь, без дальнейших церемоний ввела меня в гостиную, где за пишущей машинкой сидела женщина. Она с приятной улыбкой поднялась мне навстречу, но, увидев перед собой незнакомца, нахмурилась, снова села к столу и осведомилась о цели моего посещения.

С первого взгляда миссис Лайонс поразила меня своей красотой. Светло-карие глаза, каштановые волосы, нежный румянец на щеках, правда, усыпанных веснушками, — румянец того восхитительного оттенка, что таится в самом сердце белой розы. Повторяю, первое впечатление было очень сильное. Однако, присмотревшись, я настроился на критический лад. В этом лице было что-то неприятное, грубое — его совершенную красоту портили то ли безвольные складки у рта, то ли жесткость взгляда. Но все эти мысли приплыли мне в голову задним числом. В первую же минуту я просто почувствовал, что передо мной сидит очень кра-

сивая женщина и эта женщина спрашивает меня, зачем я пришел. И мне только тогда стало ясно, насколько щекотлива цель моего визита.

— Я имею удовольствие знать вашего батюшку, — сказал я.

Начало было довольно неудачное, и леди сразу же дала мне понять это.

— У меня нет ничего общего с моим отцом, — сказала она. — Я ничем ему не обязана и не могу считать его друзей своими друзьями. Он не обременяет себя отцовскими заботами. Если б не покойный сэр Чарльз Баскервиль и некоторые другие сердобольные люди, мне пришлось бы голодать.

— А я как раз хочу поговорить с вами о покойном сэре Чарльзе Баскервиле.

Веснушки ярко выступили на ее побледневшем лице.

— Что именно вас интересует? — спросила она, и ее пальцы нервно потрогали клавиши машинки.

— Вы были знакомы с ним?

— Я же говорю, что я многим ему обязана. Если мне удалось стать на ноги, то это объясняется главным образом тем участием, которое он проявил к моей судьбе.

— Вы с ним переписывались?

Леди метнула на меня быстрый взгляд, и в ее светлокварих глазах вспыхнул злой огонек.

— Объясните мне цель этих расспросов, — резко сказала она.

— Цель их может быть только одна: избежать неприятной для вас огласки. Давайте поговорим здесь, иначе это уже будет не в нашей власти, а тогда выйдет хуже.

Она побледнела еще больше и долго молчала. Потом вдруг посмотрела на меня и сказала дерзким, вызывающим тоном:

— Хорошо, я согласна. Что вы хотите знать?

— Вы переписывались с сэром Чарльзом?

— Да, я писала ему раза два, благодарила за его великодушные и деликатность.

— Даты этих писем вы помните?

— Нет.

— А вы встречались с ним лично?

— Считаю число раз, во время его приездов в Кумб-Треси. Сэр Чарльз был очень скромный человек, он не любил выставлять напоказ свои добрые дела.

— Вы редко с ним переписывались, редко встречались, тем не менее он был настолько посвящен в ваши дела, что даже оказывал вам помощь? Как же это так?

Она ответила на мой каверзный вопрос, не задумываясь:

— Мне помогали общими силами и другие джентльмены, которые знали мою печальную историю. Один из них был мистер Стэплтон, сосед и близкий друг сэра Чарльза. Он проявил ко мне исключительную доброту, и сэр Чарльз через него познакомился со мной.

Я уже знал, что сэр Чарльз Баскервиль не раз поручал Стэплтону вести свои благотворительные дела, и поэтому счел такое объяснение вполне правдоподобным.

— Теперь скажите: в своих письмах к сэру Чарльзу вы не настаивали на личном свидании?

Она гневно вспыхнула:

— Я считаю такой вопрос неуместным, сэр!

— Простите, сударыня, но я вынужден повторить его.

— Хорошо, я отвечу: конечно, нет!

— Даже в день смерти сэра Чарльза?

Румянец в мгновение ока схлынул с ее щек; лицо, смотревшее на меня, покрылось мертвенной бледностью. Пересохшие губы дрогнули, и я скорее увидел, чем услышал еще одно «нет».

— Вам явно изменяет память. Я могу даже процитировать одну фразу из вашего письма. Там было сказано: «Умоляю вас как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера».

Мне показалось, что еще секунда — и миссис Лайонс потеряет сознание, но она поборолась себя огромным усилием воли.

— Значит, нет на свете порядочных джентльменов? — вырвалось у нее.

— Вы несправедливы к сэру Чарльзу: он исполнил вашу просьбу. Но иной раз можно прочесть даже сожженное письмо. Теперь вы признаетесь, что писали ему в тот день?

— Да, писала. Я не стану отказываться! — воскликнула она, вкладывая всю душу в свои слова. — Мне нечего стыдиться этого письма. Я просила его о помощи. Я была уверена, что, если мне удастся поговорить с ним, он не откажется поддержать меня.

— Но почему вы назначили такой час для встречи?

— Я узнала, что он уезжает на другой день в Лондон,

возможно, на несколько месяцев. А раньше я не могла прийти, на это у меня были свои причины.

— Зачем же вы назначили свидание у калитки? Разве нельзя было устроить его в доме?

— По-вашему, женщина может явиться одна в такой поздний час в дом холостяка?

— Хорошо. Что же было, когда вы пришли на свидание?

— Я никуда не ходила.

— Миссис Лайонс!

— Клянусь вам всем, что для меня свято, я не ходила туда! Мне помешали.

— Что же вам помешало?

— Это мое личное дело, я не могу говорить о нем.

— Следовательно, вы назначили свидание сэру Чарльзу в том самом месте, где его постигла смерть, и даже в тот самый час, но сами туда не пошли?

— Это святая правда.

Все мои дальнейшие ухищрения ни к чему не привели, она продолжала стоять на своем.

— Миссис Лайонс,— сказал я, заканчивая этот длинный и безрезультатный допрос,— вы не хотите говорить начистоту и тем самым берете на себя большую ответственность. Ваше положение весьма щекотливое. Если я обращусь к помощи полиции, вы убедитесь, насколько все это скомпрометирует вас. Допустим, что вы ни в чем не виноваты, но тогда зачем вам понадобилось с первых же слов отказаться от своего письма, которое было послано сэру Чарльзу в день его смерти?

— Я боялась, что из этого будут сделаны ложные выводы и меня вовлекут в неприятную историю.

— А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Если вы читали его, вам это должно быть ясно самому.

— Я не говорил, что читал все письмо.

— Вы привели на память целую фразу.

— Только постскриптум. Я уже сказал вам, что письмо было сожжено, мне не удалось прочитать его целиком. Повторяю свой вопрос еще раз: почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Это касается только меня.

— Тогда вы тем более должны остерегаться публичного расследования.

— Хорошо, я расскажу вам все. Если слухи о моей горькой судьбе дошли и до вас, то вы должны знать, что я вышла замуж опрометчиво и имею все основания сожалеть об этом.

— Да, я кое-что слышал.

— С тех пор муж, которого я ненавижу, не перестает преследовать меня своими домогательствами. Закон на его стороне, и мне каждый раз грозит опасность, что он принудит меня к совместной жизни. Перед тем как написать письмо сэру Чарльзу, я узнала, что могу получить свободу, но для этого требовались деньги. Свобода даст мне все: душевное спокойствие, счастье, самоуважение — решительно все! Великодушие сэра Чарльза было хорошо известно, и я думала: если рассказать ему о своем горе, он не откажется помочь.

— Так почему же вы не пошли на свидание?

— Потому, что за это время я успела получить помощь из других рук.

— Тогда надо было написать вторично и объяснить, почему вы не можете прийти!

— Я так бы и сделала, если б не прочла на следующее утро в газетах о его смерти.

Рассказ получился довольно связный, и мои вопросы не могли поколебать его правдоподобие. Проверить все это можно было только одним способом: узнать, начала ли миссис Лайонс бракоразводное дело вскоре после трагической смерти сэра Чарльза.

Она вряд ли осмелилась бы солгать, что не была на свидании, так как ей пришлось бы поехать в Баскервиль-холл в шарабане и вернуться в Кумб-Треси только к рассвету. Такую поездку не сохранишь в тайне. Следовательно, она говорит правду или, по крайней мере, часть правды.

Я ушел от нее, сбитый с толку и удрученный своей неудачей. Опять передо мной та глухая стена, которая выростает на всех моих путях к намеченной цели. И все же, вспомнив лицо этой женщины и ее поведение во время нашего разговора, я все больше и больше убеждался, что она многое утаила от меня. Почему она вдруг так побледнела? Почему мне приходилось силой вырывать у нее каждое слово? Почему она не поехала на свидание, назначенное на тот час, когда произошла трагедия? Уж, наверно, причины всего этого не так просты, как ей хотелось внушить мне. Да, тут ничего нельзя было поделать! Приходилось идти

по другим следам, которые вели к каменным пещерам на болотах.

Но следы эти были в высшей степени неясные, в чем я убедился на обратном пути, проезжая мимо холмов, испещренных остатками жилья доисторического человека. Бэрримор сказал, что неизвестный прячется в одной из заброшенных пещер, но ведь тут они попадаются всюду! Впрочем, кроме указаний Бэрримора, у меня были и свои собственные соображения, так как я сам видел этого человека на вершине гранитного столба. Следовательно, оттуда и надо начинать поиски. Я обследую каждую пещеру в этом месте и в конце концов найду нужную. Если незнакомец попадется мне, я заставлю его назвать себя, заставлю признаться, почему он так упорно преследует нас. Пусть даже для этого придется пригрозить ему револьвером. Он улизнул от Холмса на многолюдной Риджент-стрит, но здесь, на пустынных болотах, это ему не удастся. Если же я найду ту самую пещеру, а ее обитателя там не окажется, что ж, буду ждать его возвращения, когда бы он ни пришел. Холмс упустил этого человека в Лондоне. Как же я буду торжествовать, если мне удастся настигнуть его и тем самым взять верх над моим учителем!

Счастье столько раз изменяло нам во время этого расследования, но теперь оно обернулось ко мне лицом. И вестником удачи был не кто иной, как седовласый, румяный мистер Френкленд, который встретил меня у своей сидовой калитки, выходявшей на проезжую дорогу.

— Добрый день, доктор Уотсон! — крикнул он с необычной для него приветливостью. — Дайте лошадям передохнуть! Зайдите, порадуйтесь вместе со мной, выпьем по стаканчику вина.

После всего, что я слышал об отношении мистера Френкленда к родной дочери, у меня не могло быть особо дружеских чувств к нему, но мне хотелось во что бы то ни стало отослать Перкинса домой, и такой предлог оказался как нельзя более кстати. Я вылез из коляски, велел передать г-ну Генри, что вернусь к обеду, и последовал за Френклендом прямо в столовую.

— Сегодня у меня торжественный день, сэр, настоящий праздник! — объявил он, радостно похохатывая. — И выиграл два судебных процесса. Теперь здешняя публика поймет, что закон есть закон и что в моем лице она имеет дело с человеком, который не побоится обрушить его возмездие на головы непокорных. Я добился права сво-

бодного проезда через парк старика Мидлтона — через самый парк, сэр! — в каких-нибудь ста шагах от его дверей! Ну, что вы на это скажете? Мы еще проучим наших магнатов, будь они прокляты! Пусть знают, что им никто не позволит безнаказанно поирать общинные права! Кроме того, я закрыл доступ в лес, где здешняя публика повадилась устраивать пикники. Эти негодяи ведут себя так, будто права частной собственности не существует! Они поображают, что им всюду можно оставлять пустые бутылки и клочки бумаги. Оба дела закончены, доктор Уотсон, и оба в мою пользу. У меня давно не было такого счастливого дня — с тех самых пор, как я притянул к ответу сэра Джона Морленда за браконьерство, когда он охотился на кроликов в своем собственном загоне.

— Как же это вам удалось?

— Обратитесь к судебным архивам, сэр, вы не пожалеете потраченного времени. «Френкленд против Морленда». Дело слушалось в Лондоне. Оно обошлось мне в двести фунтов, но я его выиграл!

— И что это вам дало?

— Ничего, сэр, ровным счетом ничего. Я горжусь тем, что у меня нет личной заинтересованности в этих делах. Я только выполняю свой общественный долг. Не сомневаюсь, что сегодня ночью жители деревушки Фернворси сожгут на костре мое чучело. В последний раз, когда они это затеяли, я потребовал, чтобы полиция положила конец такому безобразию. Но ведь полицейские власти в нашем графстве ведут себя совершенно позорно, сэр! Я вправе рассчитывать на их защиту, а они мне ее не оказывают! Подождите, дело «Френкленд против полиции» привлечет к себе внимание общества. Я предупреждал, что местным властям придется пожалеть о своем возмутительном отношении ко мне, и вот мои слова уже сбылись.

— Каким же образом? — спросил я.

Старик бросил на меня многозначительный взгляд.

— Им до смерти хочется узнать одну вещь, а мне кое-что известно. Но я ни за какие блага в мире не стану помогать этим негодяям!

Я уже давно подыскивал предлог, чтобы поскорее отделаться от этого болтуна, но последние его слова меня заинтересовали. Однако мне был хорошо известен строптивый нрав старого греховодника; я знал, что стоит только проявить интерес к его рассказу, как он замолчит, и поэтому спросил совершенно равнодушным тоном:

— Наверное, опять браконьерство?

— Ха-ха! Нет, друг мой, тут дело гораздо серьезнее. А что, если оно касается беглого каторжника?

Я так и вздрогнул.

— Вы знаете, где он прячется?

— Точного места, может быть, и не знаю, а навести полицию на его след могу. Неужели вам не приходило в голову, что изловить этого человека удастся лишь тогда, когда мы узнаем, кто носит ему пищу, и проследим за ее доставкой?

Старик был настолько близок к истине, что мне стало не по себе.

— Да, правильно,— сказал я.— Но почему вы думаете, что каторжник все еще прячется на болотах?

— Потому что я собственными глазами видел того, кто носит ему еду.

У меня сжалось сердце при мысли о Бэрриморе. Если он попадет во власть этого злобного, пронырливого старикашки, его дело плохо. Но, услышав дальнейшее, я вздохнул свободнее.

— Представьте себе, еду носит ребенок! — продолжал Френкленд.— Я каждый день его вижу в подзорную трубу, которая у меня на крыше. Ходит он одной и той же дорогой, в одно и то же время. К кому? — спрашивается. Конечно, к каторжнику!

Вот ова, удача, накопец-то! Но я даже виду не подал, насколько это меня интересует. Ребенок! Бэрримор говорил, что нашему неизвестному прислуживает какой-то мальчишка. Значит, Френкленд напал на след этого человека, а каторжник тут совершенно ни при чем. Если бы я мог выпытать у старика все, что ему известно, это избавило бы меня от долгих и утомительных поисков. Но моими козырями в игре по-прежнему оставались недоверие и полное равнодушие.

— А мне кажется, что это сын какого-нибудь здешнего пастуха. Наверно, носит обед отцу.

Малейшее противоречие выбивало искры из властного старика. Он злобно сверкнул на меня глазами и весь ощутился, словно разъяренная кошка.

— Вам так кажется, сэр? — И, протянув руку, он показал на расстилавшиеся перед вами болота: — А тот гранитный столб вы видите? Так! А невысокий холм позади него, с кустами терновника? Это — самое каменное место

на всех болотах. Что там делать пастухам? Ваше предположение просто нелепо, сэр!

Я кротко согласился, что не учел этого обстоятельства. Моя покорность понравилась Френкленду, и он пустился в дальнейшие разглагольствования:

— Можете быть уверены, сэр, что я никогда не делаю поспешных заключений. Я вижу этого мальчишку с узелком не впервые. Каждый день, а то и два раза на дню он... стойте, доктор Уотсон!.. Это обман зрения или же по склону вон того холма что-то движется?

И действительно, я даже на расстоянии нескольких миль разглядел на тускло-зеленом склоне маленькую темную точку.

— Пойдемте, сэр, пойдемте! — крикнул Френкленд, кидаясь вверх по лестнице. — Вы увидите его собственными глазами.

На плоской крыше стояла укрепленная на треноге подзорная труба весьма внушительных размеров. Френкленд припал к ней и разразился восторженными воплями:

— Скорей, доктор Уотсон, скорей! Пока он не скрылся за холмом!

В самом деле, вверх по склону медленно карабкался мальчик с узелком за плечами. Вот он выбрался на гребень холма, и я совершенно ясно увидел, как его нескладная фигурка, одетая в отрепья, выступила на холодной синеве неба. Мальчик украдкой огляделся, видимо, проверяя, не следят ли за ним, и скрылся за холмом.

— Ну что, прав я или нет?

— Действительно, мальчик, и, вероятно, у него есть причины пробираться туда тайком.

— А что это за тайные причины, об этом догадался бы даже полицейский констебль. Но я им ни единым словом не обмолвлюсь, и вас, доктор Уотсон, тоже прошу, молчите. Понимаете? Ни единого слова!

— Как вам будет угодно.

— Они пренебрегают мной самым возмутительным образом. Когда все обстоятельства дела «Френкленд против полиции» выплывут на свет божий, по стране пронесется волна негодования. Нет, пусть не рассчитывают на мою помощь! Они бы палец о палец не ударили, если б эти мерзавцы вздумали сжечь вместо чучела меня самого... Как, вам пора уходить? Неужели вы не поможете мне расчитать вот этот графин в честь такого радостного события?

Но я не поддался ни на какпе мольбы, а когда старик

наивил, что хочет проводить меня домой, уговорил его отказаться от этого намерения. Пока он мог видеть меня, и шел по дороге, но потом свернул напрямик к тому каменному холму, за которым скрылся мальчик.

Все складывалось как нельзя лучше, и я поклялся мысленно, что если мне не удастся воспользоваться счастливым случаем, дарованным судьбой, то виной этому будет не, что угодно, только не отсутствие энергии и настойчивости с моей стороны.

Когда я взобрался на вершину, солнце уже садилось и пологие склоны холма с одного бока были золотисто-зелеными, с другого — тонули в серой тени. Вдали, над самым горизонтом, низко стлалась мгlistая дымка, из которой проступали фантастические очертания Лисьего столба. Кругом ни звука, ни движения. Только какая-то большая серая птица — не то чайка, не то кроншнеп — высоко парила в синем небе. Она и я — мы были единственными живыми существами между огромным небосводом и растепляющейся под ним пустыней. Голые просторы болот, безлюдье, неразгаданная тайна и важность предстоящей мне задачи — все это пронизало холодом мое сердце. Мальчугана нигде не было видно. Но между холмами, у самых моих ног, ютились древние каменные пещеры, и в середине их круга была одна, уцелевшие своды которой могли служить защитой в непогоду. У меня екнуло сердце, когда я увидел ее. Вот в этой норе, должно быть, и прячется тот человек. Наконец-то моя нога ступит на порог его убежища — он у меня в руках!

Я крадучись подходил к этой каменной дыре — точь-в-точь как Стэплтон, когда его сачок уже занесен над бабочкой! И, подойдя ближе, с удовлетворением убедился, что место здесь обжитое. К отверстию, служившему входом, вела еле заметная среди камней тропинка. Из самой пещеры не доносилось ни звука. Незвестный или притаился там, или же рыщет по болотам. Нервы у меня были натянуты до предела в ожидании предстоящей встречи. Отбросив в сторону сигарету, я сжал рукоятку револьвера, быстро подошел к входу и заглянул внутрь. Пещера была пуста.

Но чутье не обмануло меня: тут явно кто-то жил. На каменном ложе, где когда-то почивал неолитический человек, лежали одеяла, завернутые в непромокаемый плащ. В примитивном очаге виднелась кучка золы. Рядом с ним стояли кое-какие кухонные принадлежности и ведро, до половины

налитое водой. Груда пустых консервных банок свидетельствовала о том, что здесь живут уже не первый день, а когда глаза мои привыкли к полутьме, я разглядел в углу железную кружку и початую бутылку виски. Посередине лежал плоский камень, служивший столом, а на нем — маленький узелок, вероятно, тот самый, который я разглядел в подозрительную трубу у мальчишки за спиной. В узелке были три консервные банки — одна с копченым языком, две с персиками в сиропе — и хлеб. Осмотрев все это, я хотел было положить узелок обратно, как вдруг сердце у меня так и екнуло: на камне лежал листок бумаги, на котором было что-то написано. Я взял его и, с трудом разобрав карандашные каракули, прочел следующее:

«Доктор Уотсон уехал в Кумб-Треси».

Минуту я стоял неподвижно с запиской в руках и раздумывал над смыслом этого краткого послания. Выходит, что незнакомец охотится не за сэром Генри, а за мной? Он выслеживает меня не сам, а приставил ко мне кого-то другого — может быть, этого мальчишка? И вот его последнее донесение. С тех пор как я живу здесь, за каждым моим шагом, вероятно, ведется слежка. Ведь все это время меня не оставляло ощущение, что здесь действуют какие-то видимые силы и что они осторожно и умело стягивают вокруг нас тончайшую сеть, легкое прикосновение которой мы чувствуем на себе лишь изредка, в самые критические минуты.

Эта записка, вероятно, не единственная. Я огляделся по сторонам, но ничего больше не нашел. Не удалось мне обнаружить и какие-либо следы, по которым можно было бы судить о человеке, избравшем себе столь странное жилище, или о его намерениях. О нем можно было сказать только то, что он, по-видимому, спартаец в своих привычках и не придает особого значения жизненным удобствам. Вспомнив ливни последних дней и посмотрев на зияющую дыру в своде пещеры, я понял, насколько этот человек поглощен своим делом, если ради него он мирится даже с таким неудобным пристанищем. Кто же он — наш злобный враг или ангел-хранитель? И я дал себе клятву не выходить из пещеры, не узнав всего до конца.

Солнце уже пряталось, и небо на западе горело золотом. Отсветы заката ложились красноватыми пятнами на разводя дальной Гримпенской трясины. Вдали поднимались баши Баскервиль-холла, а в стороне от них еле виднелся дымок, встающий над крышами Гримпена. Между

шим и Баскервиль-холлом стоял дом Стэплтона. Золотой вечерний свет придавал всему столько прелести и безмятежного покоя! Но мое сердце не верило миру, разлитому в природе, и трепетало от той страшной неизвестности, которую таила в себе неминуемая, приближающаяся с каждой секундой встреча. Нервы у меня были натянуты, но я сидел, полный решимости, в темной пещере и с угрюмым упорством ждал возвращения ее обитателя.

И наконец я услышал его. Вот камень попал ему под каблук. Еще раз... еще... шаги все ближе, ближе... Я отскочил в самый темный угол и взвел курок револьвера, решив не показываться на свет до тех пор, пока мне не удастся хоть немного рассмотреть этого человека. Снаружи все смолкло: по-видимому, он остановился. Потом шаги послышались снова, и вход в пещеру заслонила чья-то тень.

— Сегодня такой чудесный вечер, дорогой Уотсон,— сказал хорошо знакомый мне голос.— Зачем сидеть в духоте? На воздухе гораздо приятнее.

ГЛАВА XII

СМЕРТЬ НА БОЛОТАХ

Минуту или две я стоял, не веря своим ушам, и не мог перевести дух от неожиданности. Потом дар речи вернулся ко мне, и я почувствовал, как огромная тяжесть спала у меня с плеч. Этот холодный, язвительный голос мог принадлежать только одному человеку во всем мире.

— Холмс! — крикнул я.— Холмс!

— Выходите,— сказал он,— и, пожалуйста, поосторожнее с револьвером.

Я вылез из пещеры и увидел его. Холмс сидел на камне и с озорным блеском в серых глазах смотрел на мою изумленную физиономию. Он сильно похудел за это время, но вид у него был бодрый, спокойный, лицо — бронзовое от загара. Строгий спортивный костюм, кепи — ни дать ни взять турист, странствующий по болотам! Он даже остался верен своему поистине кошачьему пристрастию к чистоплотности: гладко выбритые щеки, рубашка без единого пятнышка. Как будто все это происходило на Бейкер-стрит!

— Кто другой мог бы так обрадовать меня своим появлением! — сказал я, крепко пожимая его руку.

— А заодно и удивить?

— Да, вы правы.

— Но, уверяю вас, друг мой, удивились не вы один. Я и не подозревал, что вам удалось найти мое временное пристанище, и никак не думал застать вас здесь. Это выяснилось всего лишь за двадцать шагов до пещеры.

— Вы узнали мои следы?

— Нет, Уотсон! Боюсь, что это непосильная задача — различить ваши следы среди множества других, которые существуют на свете. Если же в будущем вы захотите как-нибудь провести меня, то советую вам сначала переменить табачный магазин, ибо стоит только мне увидеть сигарету с маркой «Бредли. Оксфорд-стрит», как я сразу же догадаюсь, что мой друг Уотсон находится где-то поблизости. Вот он, ваш окурок, валяется около тропинки. Вы, вероятно, бросили его в ту минуту, когда решили взять приступом мое пустое жилище?

— Совершенно верно.

— Так я и думал... И, зная ваш дотошный характер, догадался, что вы устроили в пещере засаду и ждете возвращения ее обитателя, держа револьвер наготове. Так вы в самом деле приняли меня за преступника?

— Я не знал, кто вы такой, но решил выяснить.

— Великолепно, Уотсон! А как вам удалось отыскать мое жилище? Вы, вероятно, увидели меня во время поговори за каторжником, когда я по собственной оплошности позволил луне светить мне в спину?

— Да, я вас увидел тогда.

— И стали обыскивать все пещеры подряд, пока не наткнулись на эту?

— Нет, меня навел на след ваш мальчишка — за ним тут кое-кто наблюдает.

— А! Старый джентльмен с подзорной трубой! Я видел, как солнце поблескивает на ее линзе, и сначала не мог догадаться, что это за штука. — Он встал и заглянул в пещеру. — Ага, Картрайт уже побывал здесь. Что это за бу-мажка? Так вы ездили в Кумб-Треси?

— Да.

— Повидаться с миссис Лорой Лайонс?

— Совершенно верно.

— Прекрасно! В своих розысках мы с вами, очевидно, двигались по параллельным линиям. Что ж, теперь надо поделиться добытыми сведениями, и тогда у нас будет более или менее ясное представление об этом деле.

— Я страшно рад, что вы здесь! У меня уже нервы

начали сдавать под бременем всех этих тайн и ответственности, которая лежала на мне. Но как вы сюда попали и что вы здесь делаете? А я-то думал, что Холмс сидит на Бейкер-стрит и трудится над делом о шантаже!

— Я хотел, чтобы вы именно так и думали.

— Значит, вы пользуетесь моей помощью и в то же время не доверяете мне! — рассердился я. — Это незаслуженно, Холмс!

— Друг мой, и в теперешнем деле, и во многих других ваша помощь была для меня бесценна. Если вам кажется, что я вас как-то надул, умоляю, не сердитесь! Откровенно говоря, я пошел на это отчасти ради вас же самих. Я чувствовал, что вы подвергаетесь опасности, и приехал сюда лично расследовать это дело. Если б я был вместе с сэром Генри и с вами, моя точка зрения ничем не отличалась бы от вашей, да и противники наши были бы начеку. Приезд в Баскервиль-холл меня очень связал бы, а так я мог действовать совершенно свободно, оставаясь за кулисами и готовясь выступить на сцену в самую критическую минуту.

— Но зачем вам понадобилось скрываться от меня?

— Если б вы знали, что я здесь, это ничему бы не помогло и, может быть, даже кончилось моим разоблачением. Вам, наверно, захотелось бы рассказать мне что-нибудь, или же вы, по свойственной вам доброте, вдруг вздумали бы обставлять меня здесь удобствами. Зачем подвергаться ненужному риску? Я привез с собой Картрайта — помните мальчугана из рассыльной конторы? — и он великолепно обслуживает меня. А вы знаете мои скромные требования: кусок хлеба, чистый воротничок, что еще человеку нужно? Кроме того, Картрайт — это лишняя пара глаз и лишняя пара ног, весьма быстрых. То и другое оказалось для меня просто кладом.

— Значит, все мои отчеты писались впустую! — сказал я дрогнувшим голосом, вспомнив, сколько труда и гордости этим трудом было вложено в них.

Холмс вынул из кармана пачку писем.

— Вот ваши отчеты, друг мой, изученные самым тщательным образом, в чем вы можете не сомневаться. Я так хорошо все устроил, что они попали ко мне с опозданием на один день. Примите мои горячие поздравления. Упорство и наблюдательность, которые вы проявили в таком необычайно трудном деле, выше всякой похвалы.

Я все еще никак не мог примириться с тем, что меня так ловко провели, но теплые слова Холмса рассеяли мою

досаду. Кроме того, в глубине души я чувствовал правоту моего друга и признавал, что в интересах дела мне не следовало знать о его появлении в здешних местах.

— Ну, то-то же! — сказал он, глядя на мое просветлевшее лицо. — А теперь расскажите мне о своем визите к миссис Лоре Лайонс. Я сразу догадался, к кому вы поехали, так как теперь мне уже ясно, что это единственный человек в Кумб-Треси, от которого мы можем кое-чего добиться. Откровенно говоря, если б вы не побывали там сегодня, я, по всей вероятности, отправился бы к ней завтра сам.

Солнце уже спряталось, над болотами сгустились сумерки. В воздухе сразу похолодало, и мы перешли в пещеру. И там, сидя в полутьме рядом с Холмсом, я рассказал ему о своем разговоре с миссис Лайонс. Он так заинтересовался им, что многое мне пришлось повторять по два раза.

— Это все очень важно, — сказал Холмс, когда я кончил. — Дело чрезвычайно сложное, и в нем был один пробел, который до сих пор мне никак не удавалось заполнить. Вы, вероятно, знаете, что Стэйлтон в большой дружбе с миссис Лайонс?

— Нет, о дружбе я ничего не слышал.

— Это факт. Они встречаются, обмениваются письмами — вообще между ними полное согласие, что дает нам крупный козырь в руки. Если б пустить этот козырь в ход, чтобы воздействовать на его жену...

— Его жецу?

— Теперь я поделюсь кое-чем с вами в обмен на ваши открытия. Женищина, которую он выдает здесь за мисс Стэйлтон, на самом деле его жена.

— Боже мой, Холмс! Вы уверены в этом? Тогда как же он допустил, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

— Романтические чувства сэра Генри грозят бедой только самому сэру Генри. Как вы заметили, Стэйлтон всячески оберегает ее от ухаживаний баронета. Повторяю, эта леди не сестра, а жена Стэйлтона.

— Но зачем понадобились такие хитросплетения?

— А вот зачем: Стэйлтон предвидел, что она будет гораздо полезнее ему в роли свободной женщины.

Все мои неясные подозрения, все подсказанное чутьем вдруг выплыло наружу и сомкнулось вокруг натуралиста. От этого спокойного, бесцветного человека в соломенной шляпе и с сачком для ловли бабочек веяло чем-то грозным.

Дьявольское терпение, сопряженное с хитростью, на губах улыбка, а в сердце черная злоба...

— Значит, это и есть наш противник? Значит, он и выслеживал нас в Лондоне?

— Да, так я разгадал эту загадку.

— А предостережение... Его прислала она?

— Совершенно верно.

Из мрака, в котором я так долго блуждал, выступили наполовину увиденные, наполовину угаданные мною очертания чудовищного злодейства.

— Неужели это верно, Холмс? Откуда вы узнали, что она его жена?

— В первую свою встречу с вами Стэплтон настолько увлекся, что поведал нам часть своей биографии, о чем, вероятно, не перестает жалеть до сих пор. А ведь отыскать учителя — самое простое дело. На этот предмет существуют школьные агентства, которые дадут вам сведения о любом лице, связанном с этой профессией. Я навел справки и вскоре узнал, что действительно в одной школе разыгрались очень неприятные события и что директор ее — фамилия у него была другая — скрылся вместе с женой. Все их приметы совпадали в точности. А когда мне стало известно его увлечение энтомологией, тут уж я совсем перестал сомневаться.

Тьма, окутывавшая меня, мало-помалу начинала редеть, но многое еще оставалось в тени.

— Если эта женщина его жена, то при чем тут миссис Лора Лайонс? — спросил я.

— Это один из пунктов, на который вы сами пролили некоторый свет. После вашей поездки в Кумб-Треси многое стало ясным. Я, например, не знал, что миссис Лайонс хочет развестись с мужем. Она, вероятно, рассчитывает на брак со Стэплтоном — ведь ей невдомек, что он женат.

— А когда она узнает правду?

— Тогда эта леди может оказаться весьма полезной для нас. Нам обоим нужно завтра же повидать ее. А теперь, Уотсон, как вы думаете, не пора ли вам вернуться к своим обязанностям? Ваше место в Баскервиль-холле.

Последние красные отблески заката погасли на западе, и на болота спустилась ночь. В лиловатом небе слабо мерцали редкие звезды.

— Еще один, последний вопрос, Холмс, — сказал я, вставая. — Нам нечего скрывать друг от друга. Что все это значит? К чему он ведет?

Холмс ответил мне глухим голосом:

— К убийству, Уотсон... хладнокровно обдуманному убийству. Не допытывайтесь о подробностях. Стэплтон затягивает в свои сети сэра Генри, а я затягиваю его самого. Он почти у меня в руках, с вашей помощью. Теперь нам угрожает только одна опасность: он может нанести удар первым. Еще день, самое большее два, и у меня все будет готово, а до тех пор берегите сэра Генри, как любящая мать бережет больного ребенка. Ваше отсутствие сегодня вполне простительно, и все же я бы, пожалуй, предпочел, чтобы вы не оставляли его... Слышите?

Страшный, протяжный вопль, полный ужаса и муки, пронесся над безмолвными болотами. Я слушал его и чувствовал, как у меня стынет кровь в жилах.

— Боже мой! Что это? Что это такое?

Холмс вскочил с места, и его высокая фигура заслонила от меня вход в пещеру. Он стал там, пригнувшись, вытянув шею, напряженно вглядываясь в темноту, и только успел бросить мне шепотом:

— Тише! Тише!

Этот крик, поразивший нас своей пронзительностью, шел из глубины беспросветно темных болот. Но вот он слышался ближе, явственнее...

— Где это? — шепнул Холмс, и по тому, как дрогнул у него голос — у него, у человека с железными нервами! — я понял, что этот вопль проник ему в самую душу. — Где кричат, Уотсон?

— По-моему, в той стороне. — Я протянул руку, показывая в темноту.

— Нет, вон там!

Мучительный крик снова пронесся в безмолвной ночи, но теперь он был еще ближе, еще громче. И к нему примешивались какие-то другие звуки — глухое низкое рычание, напоминающее чем-то непрестанный рокот моря.

— Это собака! — крикнул Холмс. — Бежим, Уотсон, бежим! Боже мой! Только бы не опоздать!

Он бросился в темноту, я следом за ним. И вдруг где-то впереди, за валунами, раздался отчаянный вопль, потом глухой, тяжелый стук. Мы остановились, прислушиваясь. Но больше ничто не нарушало давящей тишины безветренной ночи.

Я видел, как Холмс, словно обезумев, схватился за голову и топнул ногой о землю:

— Он опередил нас, Уотсон! Мы опоздали!

— Нет, этого не может быть!

— Чего я медлил, дурак! И вы тоже хороши, Уотсон! Оставили Баскервиля одного, и вот чем все кончилось! Нет, если поправить ничего нельзя, я все равно отомщу негодяю!

Не разбирая дороги, мы бросились туда, откуда донесся этот страшный крик. Мы взбирались вверх по склонам, сбегали вниз, натыкались в темноте на валуны, продирались сквозь заросли дрока. С вершины каждого холма мой друг быстро оглядывался по сторонам, но болота покрывал густой мрак, и на их угрюмой шири нельзя было приметить ни малейшего движения.

— Вы что-нибудь видите?

— Ничего.

— Подождите! Что это?

До нас донесся приглушенный стон. Он шел откуда-то слева. Каменная гряда круто обрывалась там вниз, переходя в усеянный валунами склон, и среди валунов лежало что-то темное. Мы подбежали ближе, и темный предмет принял более ясные очертания. Это был человек, лежавший на земле лицом вниз. Он словно готовился сделать кульбит — подвернутая под каким-то невероятным углом голова, приподнятые плечи, округленная линия спины. Нелепость этой позы помешала мне в первую минуту осознать, что его стон был предсмертным. Мы стояли, наклонившись над ним, и не слышали ни хрипа, не могли уловить ни шороха. Холмс тронул неподвижное тело, вскрикнул в ужасе и тут же отдернул руку. Зажженная спичка осветила окровавленные пальцы и страшную лужу, медленно расплывающуюся из-под разбитого черепа мертвеца. И сердце у нас замерло — при свете спички мы увидели, что перед нами лежит сэр Генри Баскервиль!

Разве можно было забыть этот необычный красновато-коричневый костюм — тот самый, в котором баронет впервые появился на Бейкер-стрит! Нам достаточно было секунды, чтобы узнать его, а потом спичка вспыхнула и погасла так же, как погасла в нас последняя искра надежды. Холмс застонал, и я даже в темноте разглядел, какой бледностью покрылось его лицо.

— Мерзавец! Мерзавец! — Руки у меня сами собой сжались в кулаки. — Холмс, я никогда не прощу себе, что оставил его на произвол судьбы!

— Моя вина больше, Уотсон. Я пожертвовал жизнью клиента только ради того, чтобы подытожить, так сказать,

закруглить, это дело. Я не помню другого такого удара за всю свою практику. Но кто мог знать, кто мог знать, что, несмотря на все мои предостережения, он рискнет выйти один на болота!

— И мы слышали его крик — боже мой, какой крик! — и не могли сразу прийти ему на помощь! Но куда делась эта чудовищная собака — виновница его смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь здесь? И где Стэплтон? Он ответит за это!

— Да, он ответит за все, об этом я позабочусь. И дядя и племянник — оба убиты. Один умер от страха, только увидев перед собой это чудовище, которое он считал сверхъестественным существом, другой погиб, спасаясь от него бегством. Но теперь нам надо доказать, что между этим человеком и собакой есть связь. Мы слышали ее вой, но это еще не доказательство, так как сэр Генри, вероятно, разбился при падении. И все же, клянусь, как ни хитер наш противник, а завтра он будет у меня в руках!

Потрясенные внезапной непоправимой бедой, положившей столь грустный конец нашим долгим и нелегким трудам, мы стояли возле изуродованного тела. Потом, когда из-за туч показалась луна, поднялись на каменную гряду, с которой упал наш несчастный друг, и оглядели оттуда серебрившиеся в лунном свете болота. Вдали, где-то около Гримпена, виднелся желтый огонек. Он мог гореть только в уединенном жилище Стэплтонов. Я с проклятием погрозил в ту сторону кулаком.

— Чего мы ждем? Надо схватить его немедленно!

— Дело еще не закончено, а он человек осторожный, хитрый. Мало ли что мы знаем, а вот попробуйте доказать это. Один неосторожный шаг — и негодяй ускользнет от нас.

— Так что же тогда делать?

— На завтра забот у нас хватит. А сегодня нам остается только оказать последнюю услугу несчастному сэру Генри.

Мы спустились по крутому откосу и подошли к бесформенной черной груде, лежавшей на посеребренных лунной камнях. При виде этого мучительно скрюченного тела сердце у меня сжалось от боли и глаза заволокло слезами.

— Придется послать за помощью, Холмс. Мы не донесем его до дому... Боже мой, что с вами? Вы сопли с ума!

Холмс вскрикнул и наклонился над телом сэра Генри. И вдруг начал приплясывать с хохотом тряся мне руку.

Неужели это мой строгий, всегда такой сдержанный друг? Вот что бывает, когда скрытое пламя прорывается наружу!

— Борода! У него борода!

— Борода?

— Это не сэр Генри!.. Боже, да это мой сосед — каторжник!

Мы с лихорадочной быстротой перевернули тело, и окровавленная борода уставилась теперь прямо в холодный яркий лик луны. Сомнений быть не могло! Низкий лоб, глубоко запавшие, как у обезьяны, глаза. Это было то же лицо, которое при свете свечи мелькнуло передо мной в расселине — лицо убийцы Селдена!

И тут я понял все. Я вспомнил, что баронет подарил Бэрримору чуть ли не весь свой старый гардероб. Значит, Бэрримор отдал его Селдену, чтобы тот переоделся к отъезду. Башмаки, рубашка, кепи — все носил когда-то сэр Генри. Правда, трагедия оставалась трагедией, но ведь этот человек так или иначе заслужил смерть по законам нашей страны. Сам не свой от радости, я объяснил Холмсу, как все это получилось.

— Значит, несчастный погиб из-за костюма, — сказал он. — Собаке, конечно, дали понюхать какую-нибудь вещь сэра Генри — по всей вероятности, тот самый башмак, который был украден в гостинице, — и пустили ее по следам каторжника. Остается невыясненным только одно: каким образом Селден увидел в темноте, что за ним кто-то гонится?

— Наверно, услышал.

— Услышал, что по болотам бегает собака, и стал звать на помощь, рискуя быть пойманным? Нет, каторжника этим не напугаешь. Так вот: как Селден мог увидеть, что за ним гонится собака?

— А по-моему, есть вещи более странные. Почему эту собаку — предполагая, что наши догадки правильны...

— Я ничего такого не предполагаю.

— Хорошо. Почему эту собаку выпустили на болота сегодня ночью? Вряд ли она всегда пользуется такой свободой. Стэплтон, вероятно, ждал, что сэр Генри придет сюда.

— Моя загадка труднее. На вашу мы скоро получим ответ, а моя, вероятно, так и останется неразгаданной. А теперь давайте решим, что нам делать с этим несчастным. Нельзя же оставлять его здесь на съедение лисицам и коршунам.

— Пусть полежит в какой-нибудь пещере, пока мы не сообщим в полицию.

— Правильно. Туда-то мы его, во всяком случае, донесем. Смотрите, Уотсон! Что это? Неужели он сам? Нет, какова дерзость!.. Ни слова о наших подозрениях, ни единого слова! Не то все мои планы рухнут.

Из глубины болот к нам приближался человек. Он курил сигару, огонек которой тускло мерцал вдали. Луна ярко освещала его, и я сразу узнал щуплую фигуру и быструю, подпрыгивающую походку натуралиста. Увидев нас, он остановился, потом снова зашагал вперед.

— Доктор Уотсон! Неужели это вы? Вот уж никак не думал встретить вас ночью на болотах! Боже мой, что это? Что случилось? Нет, не может быть! Неужели это наш друг, сэр Генри?

Стэплтон пробежал мимо меня и нагнулся над трупом...

Я услышал прерывистый вздох, сигара выпала из его рук на землю.

— Кто... кто это? — запинаясь, пробормотал он.

— Это Селден, каторжник, сбежавший из принстаунской тюрьмы.

Стэплтон повернул к нам мертвенно-бледное лицо. Ему стоило громадного усилия воли овладеть собой и ничем не выдать своего удивления и разочарования. Его пристальный взгляд остановился сначала на Холмсе, потом на мне.

— Боже мой, какой ужас! Как это случилось?

— Должно быть, свалился вон с того откоса и сломал себе шею. Мы с приятелем гуляли по болотам и услышали чей-то крик.

— А я на этот крик и вышел из дому. Меня беспокоил сэр Генри.

— Почему именно сэр Генри? — не удержался я.

— Он должен был зайти к нам сегодня и почему-то не пришел, что меня очень удивило. А когда я услышал на болотах крики, то, естественно, встревожился за него. Кстати, — Стэплтон снова перевел взгляд с меня на Холмса, — кроме этих криков, вы ничего не слышали?

— Нет, — сказал Холмс. — А вы?

— Тоже нет.

— Тогда зачем об этом спрашивать?

— Ах, вы же знаете, что у нас тут рассказывают о призрачной собаке и тому подобных чудесах! Здешние фермеры говорят, будто бы она каждую ночь выбегает на болота. Вот я и интересуюсь: может быть, вы слышали ее?

— Нет, мы ничего такого не слышали, — сказал я.

— А как вы объясняете гибель этого несчастного?

— Я уверен, что у него помутился рассудок от страха, от постоянной опасности быть пойманным. Вероятно, бегал по болотам в припадке сумасшествия и в конце концов упал под откос и сломал себе шею.

— Да, это вполне правдоподобно, — сказал Стэплтон и вздохнул с явным облегчением. — А что об этом думаете вы, мистер Шерлок Холмс?

— Какая догадливость! — сказал мой друг, отвесив ему низкий поклон.

— Мы давно вас поджидаем, с тех самых пор, как здесь появился доктор Уотсон. И вы вовремя приехали — как раз к трагедии.

— Да, в самом деле! Я уверен, что мой друг даст ей правильное объяснение. А я уеду завтра в Лондон с неприятным осадком в душе.

— Как! Вы завтра уезжаете?

— Собираюсь.

— Но ваш приезд, конечно, прольет свет на все эти события, которые поставили нас буквально в тупик?

Холмс пожал плечами.

— Успех не всегда дается нам в руки. При расследовании надо опираться на факты, а не на легенды и слухи. У меня что-то ничего не получается из этого дела.

Мой друг говорил самым естественным и самым спокойным тоном. Стэплтон взглянул на него внимательно, пристально. Потом обратился ко мне:

— Я охотно предложил бы перенести тело к нам в дом, но моя сестра так перепугается, что, пожалуй, лучше этого не делать. Давайте прикроем ему чем-нибудь лицо и оставим здесь. До утра с ним ничего не случится.

Так и было сделано. Мы с Холмсом отклонили предложение Стэплтона зайти в Меррипит-хаус и, предоставив ему возвращаться домой в одиночестве, пошли к Баскервиль-холлу. Пройдя несколько шагов, мы оглянулись и увидели его фигуру, медленно удаляющуюся в глубь болот, и дальше, позади нас, единственное черное пятно на серебристом лунной склоне — там, где лежал погибший такой страшной смертью человек.

— Наконец-то мы схватились врукопашную! — сказал Холмс, шагая рядом со мной. — Но какая выдержка! Как быстро он овладел собой! А ведь удар был поистине онемеляющий — увидеть, что твоей жертвой пал совсем не

тот человек, которого ты намечал. Я, Уотсон, говорил вам об этом в Лондоне и повторяю сейчас: нам еще не пришлось скрещивать рапиры с более достойным противником.

— Все-таки жалко, что он вас увидел!

— Я сначала сам об этом пожалел. Но в конце концов что ж поделаешь!

— А как вы думаете, встреча с вами отразится на его планах?

— Да, он будет действовать с еще большей осторожностью или же решится на какой-нибудь отчаянный шаг. Как и большинство незаурядных преступников, Стэплтон, вероятно, слишком полагается на свою хитрость и воображает, что обвел нас вокруг пальца.

— Почему же вы не хотите арестовать его?

— Мой дорогой Уотсон! Вы человек действия. Ваши инстинкты толкают вас на самые решительные меры. Ну хорошо, допустим, что ночью он будет арестован. А что это даст нам? Мы ничего не сможем доказать. Вот в чем дьявольская хитрость этого замысла! Если б пособником Стэплтона был человек, мы бы раздобыли кое-какие улики, но попробуйте вытанцить на свет божий огромного пса! Разве это поможет нам затянуть петлю на шее его хозяина?

— Но ведь состав преступления налицо?

— Ничего подобного! Все это одни догадки и предположения. Нас поднимут на смех в суде, если мы явимся туда с такой фантастической историей и подкрепим ее такими уликами.

— А сэр Чарльз?

— Найден мертвым, следов пасильственной смерти не обнаружено. Мы-то с вами знаем, что он умер от страха, и знаем, что его напугало. Но как убедить в этом тех двенадцать туиц, которые будут присяжными заседателями? На чем основано предположение, что тут замешана какая-то собака? Где следы ее укусов? Мы с вами опять-таки знаем, что собаки не кусают мертвых и что сэр Чарльз умер до того, как она на него кинулась. Но ведь это надо доказать, а доказывать нам нечем.

— Ну, а сегодняшняя ночь?

— Она ничего особенного не дала. Прямой связи между собакой и гибелью каторжника все-таки нет. Никто этой собаки не видел. Правда, мы ее слышали, но у нас нет доказательств, что она гналась за каторжником. Полное отсутствие мотивировки! Нет, друг мой, факт остается фак-

том: состав преступления мы установить еще не можем, но, чтобы сделать это, стоит пойти на любой риск.

— Что же вы намерены предпринять?

— Я возлагаю большие надежды на миссис Лору Лайонс. Когда истинное положение дел станет ей известно, она окажет нам серьезную помощь. Кроме того, у меня есть и другой план. Но не надо загадывать вперед, хотя я все-таки надеюсь, что завтра победа будет за мной.

Больше мне ничего не удалось выведать от Холмса, и до самых ворот Баскервиль-холла он шел молча, погруженный в свои думы.

— Вы зайдете?

— Да. Теперь уже не имеет смысла скрываться. Но еще одно слово, Уотсон. Не говорите сэру Генри о собаке. Пусть приписывает смерть Селдена тем же причинам, которые старался подсказать нам Стэплтон. Так ему будет легче перенести то испытание, что ждет его завтра, когда он пойдет обедать в Меррипит-хаус, если я правильно цитирую ваш последний отчет.

— Но меня тоже туда звали.

— Тогда вам надо отказаться от приглашения. Пусть идет один, это легко устроить... Ну-с, так. К обеду мы, наверно, опоздали, но к ужину пришли в самый раз.

ГЛАВА XIII

СЕТИ РАССТАВЛЕНЫ

Сэр Генри не столько удивился, сколько обрадовался своему новому гостю, так как был уверен, что, узнав о событиях последних дней, Шерлок Холмс не усидит в Лондоне. Тем не менее баронет изумленно поднял брови, когда выяснилось, что мой друг явился без багажа и даже не дает себе труда объяснить его отсутствие. Холмса тут же снабдили всем необходимым, и за поздним ужином мы поведали баронету ту часть своих приключений, которую ему следовало знать. Но до этого мне пришлось выполнить одну тяжелую обязанность — сообщить Бэрримору и его жене о гибели Селдена. Лакей принял это известие с нескрываемым чувством облегчения, но миссис Бэрримор горько плакала, закрыв лицо передником. В глазах всего мира этот Селден был преступником, чем-то средним между дьяволом и зверем, а она по-прежнему видела в нем озорного

мальчугана, ребенка, цеплявшегося в детстве за ее руку. Поистине чудовищем должен быть человек, если не найдется женщина, которая оплатит его смерть!

— С тех пор как вы уехали, Уотсон, я все сижу дома и пропадаю с тоски,— сказал баронет.— Надеюсь, такое послушание мне зачтется? Если б не данное вам слово не выходить на болота, я бы провел вечер гораздо веселее, потому что Стэплтон прислал мне записку с приглашением.

— Да, вы провели бы вечер гораздо веселее, я в этом не сомневаюсь,— сухо сказал Холмс.— Кстати, вы, вероятно, не цените, что, глядя на человека со сломанной шеей, мы оплакивали вас?

Сэр Генри широко открыл глаза.

— Это почему же?

— Потому что злосчастный каторжник был в костюме с вашего плеча. Он получил его от Бэрримора, у которого могут быть из-за этого серьезные неприятности с полицией.

— Нет, вряд ли. Насколько я помню, там не было никаких меток.

— Ну что ж, его счастье, да и ваше тоже, поскольку вы все замешаны в противозаконных деяниях. В сущности говоря, мне, как добросовестному сыщику, следовало бы немедленно арестовать всю вашу компанию. Обличающим документом могут послужить письма Уотсона.

— Расскажите лучше, как обстоит наше дело? — спросил баронет.— Удалось ли вам разобраться в этой путанице? Мы с Уотсоном с чем приехали, с тем и сидим,— ничего не разузнали.

— Я думаю, что в самом ближайшем будущем многое выяснится. Дело на редкость трудное и запутанное. Для меня некоторые пункты до сих пор покрыты мраком. Но он рассеется, непременно рассеется.

— Уотсон, вероятно, уже рассказывал вам о том, что мы слышали на болотах. Так что это не пустое суеверие. Мне в свое время приходилось иметь дело с собаками, и тут меня не проведешь — собачий вой нельзя не узнать. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и посадить его на цепь, то я буду считать вас величайшим сыщиком в мире.

— Будет он и в наморднике, будет и на цепи, только помогите мне.

— Я сделаю все, что вы прикажете.

— Прекрасно! Но я потребую слепого повиновения, без всяких «зачем» и «почему».

— Как вам будет угодно.

— Если вы соглашаетесь на это, тогда мы разрешим нашу задачу. Я не сомневаюсь, что...

Холмс осекся на полуслове и устремил пристальный взгляд куда-то поверх моей головы. Лампа светила ему прямо в лицо — неподвижное, застывшее, словно лицо классической статуи. Оно было олицетворением тревоги и пастороженности.

— Что случилось? — в один голос воскликнули мы с сэром Генри.

Холмс перевел взгляд на нас, и я почувствовал, что он старается подавить свое волнение. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, но глаза светились торжеством.

— Простите меня, но я не мог сдержать свой восторг, — сказал он, показывая на портреты, висевшие на противоположной стене. — Уотсон утверждает, что я ничего не смыслю в живописи, но это в нем говорит чувство соперничества, так как мы расходимся в своих оценках произведений искусства. А портреты на самом деле великолепные.

— Рад слышать, — сказал сэр Генри, с удивлением глядя на моего друга. — Я в картинах мало что понимаю. Вот лошадь или бычок — другое дело. Но кто бы мог подумать, что у вас есть время интересоваться искусством!

— Не беспокойтесь, хорошую вещь я всегда замечу. Бьюсь об заклад, что вон та дама в голубом шелковом платье — кисти Неллера. А толстый джентльмен в парике, безусловно, написан Рейнольдсом. Это, вероятно, фамильные портреты?

— Да, все до единого.

— И вы знаете их по именам?

— Бэрримор долго патаскивал меня по этому предмету, и я, кажется, могу ответить свой урок без запинок.

— Кто этот джентльмен с подозрительной трубой?

— Это контр-адмирал Баскервиль, служивший в Вест-Индии. А вон тот, в синем сюртуке и со свитком в руках, сэр Вильям Баскервиль, председатель комиссий Палаты общин при Питте¹.

— А этот кавалер напротив меня, в черном бархатном камзоле с кружевами?

— О! С ним вы должны познакомиться поближе. Это и есть виновник всех бед — злодей Хьюго, положивший на

¹ Питт Уильям Старший (1708—1778) — английский государственный деятель.

чало легенде о собаке Баскервилей. Мы его, вероятно, не скоро забудем.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым недоумением.

— Боже мой! — сказал Холмс. — А ведь по виду он такой спокойный, тихонький. Правда, в глазах есть что-то бесовское. Но я представлял себе вашего Хьюго эдаким дюжим молодцом с разбойничьей физиономией.

— Портрет подлинный, в этом не может быть ни малейших сомнений. Сзади на полотне написано его имя и дата — тысяча шестьсот сорок седьмой год.

Весь остальной вечер Холмс говорил мало, но портрет беспутного Хьюго словно приковал его к себе, и за ужином он почти не отрывал от него глаз. Однако ход мыслей моего друга стал ясен мне только тогда, когда сэр Генри ушел к себе. Холмс захватил свечу со своего ночного столика и, вернувшись вместе со мной в пиршественный зал, поднес ее к потемневшему от времени портрету.

— Вы ничего особенного не замечаете?

Я долго рассматривал широкополую шляпу с плюмажем, белый кружевной воротник и длинные локоны, обрамляющие суровое узкое лицо. Это лицо никто не упрекнул бы ни в грубости черт, ни в жестокости выражения, но в поджатых тонких губах, в холодном, непреклонном взгляде было что-то черствое, строгое, чопорное.

— Он никого вам не напоминает?

— В нижней части лица есть что-то общее с сэром Генри.

— Да, пожалуй, чуть-чуть есть. Но подождите минутку!

Он встал на стул и, держа свечку в левой руке, прикрыл согнутой правой широкополую шляпу и длинные локоны.

— Силы небесные! — воскликнул я вне себя от изумления.

С полотна на меня смотрело лицо Стэплтона.

— Ага! Разглядели? Мои-то глаза привыкли отделять самое лицо от того, что его обрамляет. Умение проникать взором за маскировку — основное качество сыщика.

— Поразительно! Как будто его портрет!

— Да, любопытный пример возврата к прошлому и в физическом и в духовном отношении. Вот так начнешь изучать фамильные портреты, и пожалуй, уверуешь в пере-

селение уш. Он тоже Баскервиль, это совершенно очевидно.

— И метит в наследники.

— Безусловно. Этот случайно попавшийся мне на глаза портрет помог нам восполнить один из самых трудных пробелов. Теперь мы его поймали, Уотсон, теперь мы его поймали! И клянусь вам, завтра к ночи он будет биться в наших сетях, как бьются его бабочки под сачком. Булавка, пробка, ярлычок — и коллекция на Бейкер-стрит пополнится еще одним экземпляром.

Холмс громко расхохотался и отошел от портрета. В тех редких случаях, когда мне приходилось слышать его смех, я знал, что это всегда предвещает какому-нибудь злодею большую беду.

Одеваясь на следующее утро, я выглянул в окно и увидел Холмса, который, оказывается, встал еще раньше и уже успел куда-то отлучиться.

— Да, денек у нас будет хлопотливый, — сказал он, радостно потирая руки в предвкушении всех этих хлопот. — Скоро начнем действовать. Сети уже расставлены. А к вечеру будет видно, запуталась в них эта большая зубастая щука или же ускользнула на волю.

— Вы уже успели побывать на болотах?

— Я дошел до Гримпена и дал оттуда телеграмму в Принстаун о смерти Селдена. Думаю, что никого из вас не станут беспокоить по этому делу. Кроме того, я связался с моим верным Картрайтом, который от тревоги за меня, по всей вероятности, не замедлил бы умереть на пороге пещеры, как собака на могиле своего хозяина.

— С чего же мы сегодня начнем?

— Прежде всего повидаем сэра Генри. Да вот он и сам!

— С добрым утром, Холмс! — сказал баронет. — Вы похожи на генерала, который обсуждает с пачальником штаба план предстоящего сражения.

— Так оно и есть. Уотсон явился за приказаниями.

— Я тоже.

— Прекрасно. Если не ошибаюсь, наши друзья Стэплтоны пригласили вас сегодня к обеду?

— Надеюсь, вы тоже пойдете? Они люди гостеприимные и будут очень рады вам.

— К сожалению, мы с Уотсоном должны уехать в Лондон.

— В Лондон?

— Да. При данных обстоятельствах нам лучше быть там.

Лицо у баронета вытянулось.

— А я-то думал, что вы не покинете меня до конца! Откровенно говоря, в Баскервиль-холле не так-то уютно одному.

— Друг мой, вы должны повиноваться мне беспрекословно и делать все, что я от вас потребую. Скажите вашим друзьям, что мы пришли бы с удовольствием, но неотложные дела призывают нас в Лондон. Впрочем, мы скоро вернемся в Девоншир. Вы не забудете передать им это?

— Если вы настаиваете.

— Уверяю вас, другого выхода нет.

По тому, как баронет нахмурился в ответ на эти слова, я понял, что он обиделся и считает наш отъезд дезертирством.

— Когда вы думаете выехать? — холодно спросил он.

— Сразу же после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумб-Треси, но Уотсон оставит вам свои вещи в залог, так что ждите его обратно. Уотсон, напишите записочку Стэплтону, извинитесь, что не можете быть у них.

— Мне тоже захотелось уехать в Лондон, — сказал баронет. — Почему я должен сидеть здесь один?

— Потому, что вам нельзя покидать свой пост. Потому, что вы дали слово слушаться меня во всем, а теперь я говорю вам: оставайтесь здесь.

— Хорошо, я останусь.

— Еще одна просьба. Поезжайте в Меррипит-хаус на лошадях. отошлите экипаж обратно и скажите Стэплтонам, что домой вы пойдете пешком.

— Пешком, через болота?

— Да.

— Но ведь вы же сами столько раз удерживали меня от этого!

— А теперь можете идти совершенно спокойно. Я настаиваю на этом только потому, что уверен в вашем мужестве.

— Хорошо, я так и сделаю.

— И если вы хоть сколько-нибудь дорожите жизнью, не сворачивайте с тропинки, которая ведет от Меррипит-хауса к Гримпенской дороге, тем более что это ближайший путь к Баскервиль-холлу.

— Все будет исполнено в точности.

— Вот и хорошо. А мы постараемся выехать сразу же после завтрака, чтобы попасть в Лондон днем.

Меня очень удивила эта программа действий, хотя я помнил, как накануне вечером Холмс предупреждал Стэплтона о своем отъезде. Но кто бы мог подумать, что ему придет в голову ехать вместе со мной, да еще в такое время, которое он сам считал критическим! Впрочем, мне не оставалось ничего другого, как беспрекословно повиноваться моему другу, и вскоре мы простились с опечаленным баронетом, а через два часа, отослав шарабан домой, вышли на станционную платформу в Кумб-Треси. Там нас ждал небольшого роста мальчик.

— Какие будут приказания, сэр?

— Садитесь в поезд, Картрайт, и поезжайте в Лондон. Как только приедете, сейчас же дайте от моего имени телеграмму сэру Генри Баскервиллю. Запросите его, не нашел ли он где-нибудь мою записную книжку, которую я потерял. Если нашел, пусть вышлет ее заказной бандеролью на Бейкер-стрит.

— Слушаю, сэр.

— А сейчас узнайте в станционной конторе, нет ли там чего на мое имя.

Мальчик вскоре вернулся с телеграммой; Холмс прочитал ее и протянул мне. Там было написано следующее:

«Телеграмму получил. Выезжаю ордером на арест. Буду пять сорок. Лестрейд».

— Это ответ на мою утреннюю. Лестрейд — лучший сыщик-профессионал, нам может понадобиться его помощь... Ну-с, Уотсон, время у нас есть, и я думаю, что сейчас самый раз нанести визит вашей знакомой, миссис Лоре Лайонс.

План кампании, составленный Холмсом, прояснялся для меня с каждой минутой. С помощью баронета он убедил Стэплтона, что нас здесь нет, а на самом деле мы вернемся к тому времени, когда наша помощь будет больше всего нужна. Если сэр Генри упомянет о телеграмме, полученной от Холмса из Лондона, это рассеет последние подозрения Стэплтона. И я уже видел мысленно, как наши сети все туже и туже стягиваются вокруг зубастой щуки.

Миссис Лора Лайонс сидела у себя в рабочей комнате. Шерлок Холмс приступил к разговору с такой прямоотой и откровенностью, что у нее широко открылись глаза от изумления.

— Я расследую обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля,— начал он.— Мой друг, доктор Уотсон, передал мне все, что вы ему сообщили в связи с этим и о чем предпочли умолчать.

— О чем же я умолчала? — дерзко спросила она.

— Вы признались, что вызывали сэра Чарльза к калитке к десяти часам вечера. Как мы знаем, он умер именно в тот час и на том самом месте. Вы умолчали о связи, существующей между этими двумя фактами.

— Между ними не существует никакой связи.

— В таком случае совпадение получилось поистине поразительное. Но я думаю, что в конце концов мы эту связь установим. Я буду с вами совершенно откровенен, миссис Лайонс. Речь идет об убийстве, а улики по этому делу таковы, что под следствием может оказаться не только ваш друг, мистер Стэплтон, но и его жена.

Миссис Лайонс вскочила с кресла.

— Его жена!

— Это уже ни для кого не тайна. Особа, которую он выдает за свою сестру, на самом деле его жена.

Миссис Лайонс опустила в кресло и с такой силой впились пальцами в его ручки, что ногти у нее побелели.

— Его жена! Его жена... Но ведь он холостяк!

Шерлок Холмс пожал плечами.

— Докажите мне это! Докажите! И тогда я...— Яростный блеск ее глаз говорил лучше всяких слов.

— За доказательствами дело не станет,— сказал Шерлок Холмс, вынимая из кармана какие-то бумаги.— Вот фотография этой супружеской четы, снятая четыре года назад в Йорке. На обороте надпись: «М-р и м-с Вэнделер»,— по вы, конечно, узнаете и его, и эту женщину, если вам приходилось встречаться с ней. Дальше — три документа, подписанные людьми, заслуживающими всяческого доверия. Это описание мистера и миссис Вэнделер, которые содержали некогда частную школу «Сент-Оливер». Прочтите его, и у вас не останется ни малейших сомнений в том, что это действительно знакомые вам люди.

Миссис Лайонс мельком просмотрела лежавшие перед ней бумаги и перевела взгляд на нас. Отчаяние превратило ее лицо в неподвижную маску.

— Мистер Холмс,— сказала она,— этот негодяй обещал жениться на мне, если я получу развод. Значит, нельзя верить ни одному его слову? Значит, он все время обманывал меня? Но зачем? Зачем? Я думала, что он печется

только обо мне. А выходит, я была орудием в его руках. Чего ради храпить верность человеку, который так лжет? Чего ради выгораживать его? Пусть заплатится за свое злодейство! Спрашивайте меня о чем угодно, я ничего не утаю. В одном клянусь вам: когда я писала то письмо, мне не снилось, что это погубит сэра Чарльза, моего лучшего друга!

— Я верю каждому вашему слову, сударыня,— сказал Шерлок Холмс.— Вам, вероятно, очень тяжело рассказывать об этом. Давайте сделаем так: я буду говорить сам и, если ошибусь в чем-нибудь существенном, вы меня поправите. Письмо было написано по наущению Стэплтона?

— Под его диктовку.

— Он, вероятно, говорил вам, что сэр Чарльз возьмет на себя все издержки по бракоразводному процессу?

— Да.

— А потом, когда письмо было отослано, убедил вас не ходить на свидание?

— Он сказал, что перестанет уважать самого себя, если деньги на процесс даст кто-то другой. Клялся, что, несмотря на всю свою бедность, отдаст последнее пенни, лишь бы уничтожить препятствие, которое отделяет нас друг от друга.

— Он, по-видимому, весьма последователен в своих поступках! Итак, о дальнейших событиях вы ничего не слышали и узнали о смерти сэра Чарльза только из газет?

— Да.

— И Стэплтон взял с вас слово, что вы никому не скажете о предполагавшемся свидании?

— Да. Он сказал, что смерть сэра Чарльза произошла при загадочных обстоятельствах и, если о письме узнают, я буду взята на подозрение. Он запугал меня, и я решила молчать.

— Так, понимаю. Но вы все-таки подозревали что-то?

Миссис Лайонс опустила глаза, видимо, не решаясь ответить.

— Я хорошо знала этого человека,— сказала она наконец.— Но если б он не обманул меня, я бы его не выдала.

— В общем, вы счастливо отделались,— сказал Шерлок Холмс.— Он был в ваших руках и прекрасно знал это, а вы все-таки остались живы. Последние месяцы вы ходили по краю бездны. А теперь, миссис Лайонс, разрешите пожелать вам всего хорошего. Но мы еще, вероятно, увидимся.

— Ну вот, все мало-помалу выясняется, туман редет,— сказал Холмс, когда мы снова вышли на станционную платформу к приходу лондонского экспресса.— Скоро и смогу пункт за пунктом воссоздать это преступление — пожалуй, самое сенсационное преступление нашего времени. Криминалисты скажут, что нечто подобное уже было, и, конечно, вспомнят убийство в Гродно, на Украине, в 1866 году, и Андерсона из Северной Каролины, но у топерешнего нашего дела есть некоторые совершенно своеобразные черты. Мы даже сейчас не можем предъявить прямые улики этому коварному хитрецу. Но помяните мое слово, Уотсон: к тому времени, когда мы ляжем спать, все будет выяснено.

Лондонский экспресс с грохотом подкатил к станции, и из вагона первого класса выскочил на платформу маленький, коренастый человек, чем-то напоминающий бульдога. Мы поздоровались, и по той почтительности, с какой Лестрейд относился к моему товарищу, мне стало ясно, что он многое понял с тех пор, как они начали работать вместе. Я прекрасно помнил, сколько презрения вызывали когда-то у этого практика логические выкладки нашего любителя теорий.

— Ну как, крупное дело? — спросил Лестрейд.

— Такого давно не было,— сказал Холмс.— У нас в запасе два часа свободного времени. Давайте употребим его на обед, а потом, Лестрейд, мы угостим вас чистейшим ночным воздухом Дартмура и поможем вам прочистить горло от лондонского тумана. Никогда здесь не были? В таком случае вы не скоро забудете свое первое знакомство с этими местами.

ГЛАВА XIV

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Одним из недостатков Шерлока Холмса — если только это можно назвать недостатком — было то, что он никогда и ни с кем не делился своими планами вплоть до их свершения. Такая скрытность объяснялась отчасти властной натурой этого человека, любившего повелевать окружающими и поражать их воображение, отчасти профессиональной осторожностью, не позволявшей ему рисковать без нужды. Как бы то ни было, эта черта характера Шерлока

Холмса доставляла много неприятностей тем, кто работал с ним в качестве его агентов или помощников. Я сам часто страдал от нее, но то, что мне пришлось вытерпеть за это долгое путешествие в темноте, превзошло все мои прошлые муки. Нам предстояло нелегкое испытание, мы были готовы нанести последний, решающий удар, а Холмс упорно молчал, и я мог только догадываться о его планах. Мое нервное напряжение дошло до предела, как вдруг в лицо нам пахнуло холодным ветром, и, глянув в темноту, на пустынные просторы, тянувшиеся по обеим сторонам узкой дороги, я понял, что мы снова очутились на болотах. Каждый шаг лошадей, каждый поворот колес приближал нас к развязке всех этих событий.

В присутствии возницы, нанятого в Кумб-Треси, нельзя было говорить о деле, и мы, несмотря на все свое волнение, беседовали о каких-то пустяках. Я облегченно вздохнул, когда в стороне от дороги показался коттедж Френкленда, от которого оставалось две-три мили до Баскервиль-холла и до того места, где должна была разыгаться заключительная сцена трагедии. Не доезжая до дома, мы расплатились с возницей у ворот, отправили его обратно в Кумб-Треси, а сами пошли по направлению к Меррипит-хаусу.

— Вы с оружием, Лестрейд?

Маленький сыщик улыбнулся.

— Раз на мне брюки,— значит, и задний карман у них есть, а раз есть задний карман,— значит, он не пустует.

— Вот и прекрасно! Мы с Уотсоном тоже приготовились ко всяким неожиданностям.

— Я вижу, вы настроены очень серьезно, мистер Холмс. А что от нас требуется в этой игре?

— Требуется терпение. Будем ждать.

— Действительно, места здесь не очень веселые! — Сыщик повел плечами, глядя на мрачные склоны холмов и туман, озером разлившийся над Гримпенской трясинной.— А вон где-то горит огонек.

— Это Меррипит-хаус — конечная цель нашего путешествия. Теперь попрошу вас ступать как можно тише и говорить шепотом.

Мы осторожно шагали по тропинке, которая вела к дому, но ярдов за двести от него Холмс остановился.

— Дальше не надо,— сказал он.— Вот эти валуны послужат нам прекрасной ширмой.

— Здесь и будем ждать?

— Да, устроим засаду. Ставьте вон сюда, Лестрейд. Уотсон, ведь вы бывали в доме? Расположение комнат знаете? Вон те окна с переплетом — что это?

— По-моему, кухня.

— А следующее, ярко освещенное?

— Это столовая.

— Шторы подняты. Вы лучше меня знаете, как туда пройти. Загляните в окно: что они там делают? Только, ради бога, тише! Как бы вас не услышали!

Я подкрался на цыпочках к низкой каменной ограде, окружающей чахлый садик Стэплтонов, и, пробираясь в ее тени, дошел до того места, откуда можно было заглянуть в незанавешенное окно.

В комнате было двое мужчин — сэр Генри и Стэплтон. Они сидели друг против друга за круглым столом, ко мне в профиль, и курили сигары. Перед ними стояли чашки с кофе и вино. Стэплтон оживленно говорил о чем-то, но баронет сидел бледный и слушал его невнимательно. Ему, вероятно, не давала покоя мысль о скором возвращении домой по зловещим болотам.

Но вот Стэплтон встал и вышел из комнаты, и сэр Генри подлил себе вина в стакан и откинулся на спинку стула, попыхивая сигарой. Я услышал скрип двери, потом похрустывание гравия на тропинке. Шаги приближались ко мне. Выглянув из-за стены, я увидел, что натуралист остановился у небольшого сарая в углу сада. Звякнул ключ в замке, и в сарае послышалась какая-то возня. Стэплтон пробыл там не больше двух минут, снова звякнул ключом, прошел мимо меня и исчез в доме. Я увидел, что он вернулся к своему гостю; осторожно пробравшись к товарищам, я рассказал им все это.

— Значит, женщина не с ними? — спросил Холмс, когда я кончил.

— Нет.

— Тогда где же она? Ведь, кроме кухни и столовой, все окна темные.

— Право, не знаю.

Я уже говорил, что над Гримпенской трясинной стался густой белый туман. Он медленно полз в нашу сторону, окружая нас и справа и слева низким, но плотным валом. Лившийся сверху лунный свет превращал его в мерцающее ледяное поле, над которым, словно черные пики, вздымались верхушки отдаленных грапитных столбов. Холмс

повернулся в ту сторону и, глядя на эту медленно подползающую белую стену, нетерпеливо пробормотал:

— Смотрите, Уотсон, туман движется прямо на нас.

— А это нехорошо?

— Хуже некуда! Туман — единственное, что может разрушить мои планы. Но сэр Генри там не задержится. Уже десять часов. Теперь все — и наш успех, и даже его жизнь — зависит от того, выйдет ли он прежде, чем туман доползет до тропинки, или нет.

Ночное небо было чистое, без единого облачка. Звезды холодно поблескивали в вышине, луна заливала болото мягким неверным светом. Прямо перед нами смутно чернели очертания дома с остроконечной крышей, словно оцетившейся трубами, которые четко выступали на звездном небе. Широкие золотые полосы падали из окон нижнего этажа в сад и дальше, на болота. Одна из них вдруг погасла. Слуги вышли из кухни. Теперь лампа горела только в столовой, где те двое — убийца-хозяин и ничего не подозревающий гость — покуривали сигары и продолжали свой разговор.

Белая волокнистая целена, затянувшая почти все болото, с каждой минутой приближалась к дому. Первые прозрачные клочья уже завивались у золотистого квадрата освещенного окна. Дальняя стена сада совсем исчезла в этой клубящейся мгле, над которой виднелись только верхушки деревьев. Вот белесые кольца показались с обеих сторон дома и медленно слились в плотный вал, и верхний этаж с крышей всплыл над ним, точно волшебный корабль на волнах призрачного моря. Холмс яростно ударил кулаком о камень, за которым мы стояли, и вне себя от нетерпения топнул ногой.

— Если он не появится через четверть часа, тропинку затянет туманом, а через полчаса мы уже не сможем разглядеть собственную руку в этой тьме.

— Отойдем немного назад, там выше.

— Да, пожалуй, так и сделаем.

По мере того, как туман надвигался на нас, мы отступали все дальше и дальше, пока не очутились в полумиле от дома. Но сплошное белесое море, посеребрянное сверху луной, подбиралось и туда, продолжая свое медленное, неуклонное наступление.

— Мы слишком далеко зашли, — сказал Холмс. — Это уже рискованно: его могут настигнуть прежде, чем он дойдет до нас. Ну, будь что будет, останемся здесь.

Он опустился на колени и приложил ухо к земле.

— Слава богу! Кажется, идет!

В тишине болот слышались быстрые шаги. Пригнувшись за валунами, мы напряженно всматривались в подступавшую к нам мутно-серебристую стену. Шаги все приближались, и вот из тумана, словно распахнув перед собой занавес, выступил тот, кого мы поджидали. Увидя перед собой чистое звездное небо, он с удивлением осмотрелся по сторонам. Потом быстро зашагал по тропинке, прошел мимо нас и стал подниматься вверх по отлогому склону, начинавшемуся сразу за валунами. На ходу он то и дело оглядывался через плечо, видимо, опасаясь чего-то.

— Тсс! — шепнул Холмс и щелкнул курком. — Смотрите! Вот она!

В самой гуще подползающего к нам тумана послышался мерный, drobный топот. Белая стена была от нас уже ярдах в пятидесяти, и мы трое вперили в нее взгляд, не зная, какое чудовище появится оттуда. Стоя рядом с Холмсом, я мельком взглянул ему в лицо — бледное, взволнованное, с горящими при лунном свете глазами. И вдруг оно преобразилось: взгляд стал сосредоточен и суров, рот приоткрылся от изумления. В ту же секунду Лестрейд вскрикнул от ужаса и упал ничком на землю. Я выпрямился, почти парализованный тем зрелищем, которое явилось моим глазам, потянулся ослабевшей рукой к револьверу. Да! Это была собака, огромная, черная как смоль. Но такой собаки еще никто из нас, смертных, не видывал. Из ее отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьем воспаленном мозгу не могло бы возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана.

Чудовище несло по тропинке огромными прыжками, приплюхиваясь к следам нашего друга. Мы опомнились лишь после того, как оно промчалось мимо. Тогда и я и Холмс выстрелили одновременно, и раздавшийся вслед за этим оглушительный рев убедил нас, что по меньшей мере одна из пуль попала в цель. Но собака не остановилась и продолжала мчаться вперед. Мы видели, как сэр Генри оглянулся, мертвенно-бледный при свете луны, поднял в ужасе руки и замер в этой беспомощной позе, не сводя глаз с чудовища, которое настигало его.

Но голос взывшей от боли собаки рассеял все наши страхи. Кто уязвим, тот и смертен, и, если она ранена, зна-

чит, ее можно и убить. Боже, как бежал в ту почь Холмс! Я всегда считался хорошим бегуном, но он опередил меня на такое же расстояние, на какое я сам опередил маленького сыщика. Мы неслись по тропинке и слышали непрекращающиеся крики сэра Генри и глухой рев собаки. Я подоспел в ту минуту, когда она кинулась на свою жертву, повалила ее на землю и уже примеривалась схватить за горло. Но Холмс всадил ей в бок одну за другой пять пуль. Собака взвыла в последний раз, яростно щелкнула зубами, повалилась на спину и, судорожно дернув всеми четырьмя лапами, замерла. Я пагнулся пад ней, задыхаясь от бега, и приставил дуло револьвера к этой страшной святащейся морде, но выстрелить мне не пришлось — исполинская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без сознания там, где она настигла его. Мы сорвали с него воротничок, и Холмс возблагодарил судьбу, убедившись, что он не ранен и что наша помощь подоспела вовремя. А потом веки у сэра Генри дрогнули и он слабо шевельнулся. Лестрейд просунул ему между зубами горлышко фляги с коньяком, и через секунду на нас глянули два испуганных глаза.

— Боже мой! — прошептал баронет. — Что это было? Где оно?

— Его уже нет, — сказал Холмс. — С привидением, которое преследовало ваш род, покончено навсегда.

Чудовище, лежавшее перед нами, поистине могло кого угодно испугать своими размерами и мощью. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, а, видимо, помесь — поджарый, страшный пес величиной с молодую львицу. Его огромная пасть все еще светилась голубоватым пламенем, глубоко сидящие дикие глаза были обведены огненными кругами. Я дотронулся до этой святащейся головы и, отняв руку, увидел, что мои пальцы тоже засветились в темпоте.

— Фосфор, — сказал я.

— Да, и какой-то особый препарат, — подтвердил Холмс, потянув носом. — Без запаха, чтобы у собаки не исчезло чутье. Простите нас, сэр Генри, что мы подвергли вас такому страшному испытанию. Я готовился увидеть собаку, но никак не ожидал, что это будет такое чудовище. К тому же нам помешал туман, и мы не смогли оказать ему достойную встречу.

— Вы спасли мне жизнь.

— Подвергнув ее сначала опасности. Ну как, можете встать?

— Дайте мне еще один глоток коньяку, и тогда все будет в порядке. Ну вот! Теперь с вашей помощью я встану. А что вы намерены делать дальше?

— Пока оставим вас здесь — вы уже достаточно натерпелись за сегодняшний вечер, — а потом кто-нибудь из нас вернется с вами домой.

Баронет попробовал подняться, но не смог. Он был бледен как полотно и дрожал всем телом. Мы повели его к валуну. Он сел там, все еще дрожа, и закрыл лицо руками.

— А теперь нам придется уйти, — сказал Холмс. — Надо кончить начатое дело. Дорога каждая минута. Состав преступления теперь налицо, остается только схватить преступника.

— Держу пари, в доме его уже не окажется, — продолжал Холмс, быстро шагая рядом с нами по тропинке. — Он не мог не слышать выстрелов и понял, что игра проиграна.

— Ну что вы! Это было далеко от дома, к тому же туман приглушает звуки.

— Можете не сомневаться, что он кинулся следом за собакой, — ведь ее надо было оттащить от тела. Нет, мы его уже не застанем! Но на всякий случай надо обшарить все уголки.

Входная дверь была открыта настежь, и, вбежав в дом, мы быстро осмотрели комнату за комнатой, к удивлению дряхлого слуги, встретившего нас в коридоре. Свет горел только в столовой, но Холмс взял оттуда лампу и обошел с ней все закоулки в доме. Однако на втором этаже дверь одной из спален оказалась запертой.

— Там кто-то есть! — крикнул Лестрейд.

В комнате послышался слабый стон и шорох. Холмс ударил ногой чуть повыше замка, и дверь распахнулась настежь. Держа револьверы наготове, мы ворвались туда.

Но дерзостного негодяя, за которым мы охотились, не оказалось и тут. Вместо него глазам нашим предстало нечто до такой степени странное и неожиданное, что мы замерли на месте.

Эта комната представляла собой маленький музей. Ее стены были сплошь заставлены стеклянными ящичками, где хранилась коллекция мотыльков и бабочек — любимое детище этой сложной и преступной натуры. Посередине поднималась толстая подпорка, подведенная под трухлявые баясины потолка. И у этой подпорки стоял человек,

привязанный к ней простынями, которые укутывали его с головы до ног, так что в первую минуту даже нельзя было разобрать, кто это — мужчина или женщина. Одно полотнище шло вокруг шеи, другое закрывало нижнюю часть лица, оставляя открытыми только глаза, которые с немим вопросом смотрели на нас, полные ужаса и стыда. В мгновение ока мы сорвали эти путы, вынули кляп, и к нашим ногам упала не кто иная, как миссис Стэплтон. Голова ее опустилась на грудь, и я увидел красный рубец у нее на шее от удара плетью.

— Мерзавец! — крикнул Холмс. — Лестрейд, где коньяк? Посадите ее на стул. Такие пытки кого угодно доведут до обморока!

Миссис Стэплтон открыла глаза.

— Он спасся? — спросила она. — Он убежал?

— От нас он никуда не убежит, сударыня.

— Нет, нет, я не про мужа. Сэр Генри... спасся?

— Да.

— А собака?

— Убита.

У нее вырвался долгий вздох облегчения.

— Слава богу! Слава богу! Негодяй! Смотрите, что он со мной сделал! — Она засучила оба рукава, и мы увидели, что ее руки все в синяках. — Но это еще ничего... это ничего. Он истерзал, он опоганил мою душу. Пока у меня теплилась надежда, что этот человек любит меня, я все сносила, все: дурное обращение, одиночество, жизнь, полную обмана... Но он лгал мне, я была орудием в его руках! — Она не выдержала и разрыдалась.

— Да, сударыня, у вас нет никаких оснований желать ему добра, — сказал Холмс. — Так откройте же, где его искать. Если вы были его сообщницей, воспользуйтесь случаем загладить свою вину — помогите нам.

— Он может спрятаться только в одном месте, больше ему некуда деваться, — ответила она. — В самом сердце трясины есть островок, на котором был когда-то рудник. Там он и держал свою собаку, и там у него все было приготовлено на тот случай, если придется бежать.

Холмс посветил в окно лампой. Туман, словно белая вата, лип к стеклу.

— Смотрите, — сказал он. — Сегодня ночью никто не сможет пробраться на Гримпенскую трясину.

Миссис Стэплтон рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза ее сверкнули недобрым огнем.

— Туда-то он найдет дорогу, а обратно не выберется! — воскликнула она. — Разве в такую ночь разглядишь вехи? Мы ставили их вместе, чтобы наметить тропу через тряси-ну. Ах, почему я не догадалась убрать их сегодня! Тогда он был бы в вашей власти!

При таком тумане о погоне нечего было и думать. Мы оставили Лестрейда полновластным хозяином Меррипит-хауса, а сами вместе с сэром Генри вернулись в Баскер-виль-холл. Скрывать от него историю Стэплтонов больше было нельзя. Узнав всю правду о любимой женщине, он мужественно принял этот удар.

Однако пережитое ночью потрясение не прошло даром для баронета. К утру он уже лежал без памяти в горячке под надзором доктора Мортимера. В дальнейшем им обоим было суждено совершить кругосветное путешествие, и только после него сэр Генри снова стал тем же веселым, здоровым человеком, какой приехал когда-то в Англию наследником этого злополучного поместья.

А теперь мое странное повествование быстро подходит к концу. Записывая его, я старался, чтобы читатель делил вместе с нами все те страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали нашу жизнь и завершились такой трагедией.

К утру туман рассеялся, и миссис Стэплтон проводила нас к тому месту, где начиналась тропинка, ведущая через тряси-ну. Эта женщина с такой охотой и радостью направ-ляла нас по следам мужа, что нам только тогда и стало ясно, как страшна была ее жизнь. Мы расстались с ней на узкой торфяной полоске, полуостровом вдававшейся в тря-си-ну. Маленькие прутьки, воткнутые то там, то сям, на-мечали тропу, извивающуюся зигзагами от кочки к кочке, между затянутыми зеленью окнами, которые преградили бы путь всякому, кто был незнаком с этими местами. От гниющего камыша и покрытых илом водорослей над тря-синой поднимались тяжелые испарения. Мы то и дело оступались, уходя по колено в темную зыбкую топь, мяг-кими кругами расходящуюся на поверхности. Вязкая жижа присасывалась к нашим ногам, и ее хватка была на-столько сильна, что казалось, чья-то цепкая рука тянет нас в эти мерзостные глубины. На глаза нам попало только одно-единственное доказательство, что не мы первые идем по этому опасному пути. На кочке, поросшей болотной тра-

вой, лежало что-то темное. Потянувшись туда, Холмс сразу ушел по пояс в тину, и если б не мы, вряд ли ему удалось бы когда-нибудь почувствовать под ногой твердую землю. Он держал в руке старый черный башмак. Внутри была метка: «Мейерс. Торонто».

— Из-за такой находки стоило принять грязевую ванну. Вот он, пропавший башмак нашего друга!

— Брошенный второпях Стэплтоном?

— Совершенно верно. Он дал собаке понюхать его, когда наводил ее на след сэра Генри, и так и убежал с ним, а потом бросил. Теперь мы, по крайней мере, знаем, что до этого места он добрался благополучно.

Но больше нам ничего не удалось узнать, хотя догадываться мы могли о многом. Разглядеть на тропинке следы не было никакой возможности — их сразу же затягивало тиной. Мы решили, что они обнаружатся на более сухом месте, однако все поиски были тщетны. Если земля говорила правду, то Стэплтону так и не удалось добраться до своего убежища на островке, к которому он стремился в ту памятную нам туманную ночь. Этот холодный, жестокий человек был навеки погребен в самом сердце зловонной Гримпенской трясины, засосавшей его в свою бездонную глубину.

Мы паши немало его следов на опоясанном тощей островке, где он прятал своего страшного сообщника. Огромный ворот и шахта, до половины заваленная щебнем, говорили, что когда-то здесь был рудник. Рядом с ним стояли развалившиеся лачуги рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда ядовитые болотные испарения. В одной из этих лачуг мы нашли кольцо в стене, цепь и мпожество обглоданных костей. Здесь, вероятно, Стэплтон и держал своего пса. Среди мусора валялся скелет собаки с оставшимся на нем клочком рыжей шерсти.

— Боже мой! — воскликнул Холмс. — Да это спаниель! Бедный Мортимер больше никогда не увидит своего любимца. Ну что ж, теперь, я думаю, этот островок открыл нам все свои тайны. Спрятать собаку было нетрудно, а вот попробуйте заставить ее молчать! Отсюда и шел этот вой, от которого людям даже днем становилось не по себе. В случае крайней необходимости Стэплтон мог бы перевести собаку в сарай, поближе к дому, но на такой риск можно было пойти только в самую критическую минуту, в расчете на близкую развязку. А вот эта паста в жестянке — тот самый светящийся состав, которым он смазывал

своего пса. Его натолкнуло на эту мысль не что иное, как легенда о чудовищной собаке Баскервилей, и он решил разделаться таким способом с сэром Чарльзом. Теперь не удивительно, что злосчастный каторжник с воплями пустился паутек, когда эдакое страшилище выскочило на него из темноты. Точно так же поступил и наш друг, да и мы сами были педалеки от этого. Стэплтон хитро придумал! Уж не говоря о том, что собака помогла бы ему убить его жертву, кто из здешних фермеров решился бы поближе познакомиться с пей? С такой тварью достаточно и одной встречи. А ведь ее многие видели на болотах. Я говорил об этом в Лондоне, Уотсон, и повторяю опять: нам никогда не приходилось иметь дело с человеком более опасным, чем тот, кто лежит теперь там! — И он показал на зелено-бурю трясиину, уходившую вдаль, к пологим склонам торфяных болот.

ГЛАВА XV

ВЗГЛЯД НАЗАД

Был конец ноября. Ненастным, туманным вечером мы с Холмсом сидели у пылающего камина в кабинете на Бейкер-стрит. Со времени трагедии, которая завершила нашу поездку в Девоншир, мой друг успел расследовать два очень серьезных дела. В первом из них ему удалось разоблачить полковника Эпвуда, замешанного в скандале, разыгравшемся за карточным столом в клубе «Патриций», во втором — полностью снять с несчастной мадам Монпенсье обвинение в убийстве падчерицы, молоденькой мадемуазель Карэр, которая, как известно, полгода спустя объявилась в Нью-Йорке и благополучно вышла там замуж. После успешного разбора двух таких трудных и серьезных дел Холмс был в прекрасном расположении духа, и, пользуясь этим, я решил выведать у него некоторые подробности загадочной баскервильской истории. Я терпеливо ждал своего часа, зная, что Холмс не любит держать в голове сразу по нескольку дел и что его ясный, логический ум не станет отвлекаться от текущей работы ради воспоминаний о прошлом.

В эти дни в Лондоне как раз были сэр Генри и доктор Мортимер, готовившиеся к далекому путешествию, которое врачи предписали баронету для укрепления расшатан-

ной нервной системы. Утром они нанесли нам визит, так что у меня был хороший повод завести разговор на нужную тему.

— С точки зрения человека, именовавшего себя Стэплтоном, события разворачивались как по-писаному,— начал Холмс,— но нам все это казалось чрезвычайно сложным, потому что мы не имели тогда ни малейшего понятия, чем он руководствуется в своих действиях, и знали только кое-какие факты. С тех пор у меня было два разговора с миссис Стэплтон, и все разъяснилось. Думаю, что теперь загадок уже нет. Можете посмотреть мои заметки по этому делу в картотеке под литерой «Б».

— А может, вы изложите ход событий просто по памяти?

— С удовольствием, хотя и не ручаюсь, что вспомню все подробности. Когда сосредоточишься на чем-нибудь одном, прошлые помыслы улетучиваются из головы. Адвокат, знающий наизуток свое очередное дело и ломающий из-за него копыя в суде, недели через две начисто все забывает. Так и у меня: каждое новое расследование вытесняет из памяти предыдущее, а мадемуазель Карэр своей персоной заслонила в моем сознании Баскервиль-холл. Завтра передо мной, может быть, встанет следующая загадка, которая, в свою очередь, заслонит очаровательную француженку и шулера Эвуда. Но я все-таки постараюсь изложить вам всю эту историю, а если я что-нибудь забуду, вы мне подскажите.

Наведенные справки окончательно убедили меня, что фамильный портрет не лгал и что этот человек действительно из рода Баскервильей. Он оказался сыном того Роджера Баскервиля, младшего брата сэра Чарльза, которому пришлось бежать в Южную Америку, где он и женился, и после него остался сын, носивший отцовскую фамилию. Сей небезызвестный вам молодчик женился на некоей Барил Гарсия, одной из красавиц Коста-Рики, растратил казенные деньги и, переменяв фамилию на Вэнделер, бежал в Англию, где вскоре открыл школу в восточной части Йоркшира. Этот род деятельности он избрал потому, что сумел воспользоваться знаниями и опытом одного учителя, с которым познакомился в пути. Но его компаньон Фрезер был в последнем градусе чахотки и вскоре умер. Дела школы шли все хуже и хуже, а конец у нее был совсем бесславный. Супруги Вэнделер сочли за благо переменить фамилию и с тех пор стали именоваться Стэплтонами.

В дальнейшем Стэплтон вместе с остатками своего состояния, новыми планами на будущее и страстью к энтомологии перебрался на юг Англии. Я наводил справки в Британском музее и выяснил, что Вэнделер считался признанным авторитетом в своей области и что его имя было присвоено одной ночной бабочке, описанной им еще в Йоркшире.

Теперь мы дошли до того периода его жизни, который оказался столь интересным для нас. Этот человек, по-видимому, разузнал, что между ним и крупным поместьем стоят всего лишь две жизни. Когда он собрался в Девоншир, его планы были, вероятно, еще весьма туманны, но недобрый замысел зрел — педаром он с самого начала выдал свою жену за сестру. Мысль воспользоваться ею в качестве приманки овладела им сразу, хотя он, может быть, еще и не представлял себе, как все сложится в дальнейшем. Его цель была — получить поместье; ради этого он не стеснялся в средствах и шел на любой риск. Итак, для начала надо было поселиться как можно ближе к Баскервиль-холлу, а потом завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом и с другими соседями.

Баронет сам рассказал ему предание о собаке и, таким образом, ступил на свой смертный путь. Стэплтон, как я его по-прежнему буду называть, знал, что у старика большое сердце и что сильное потрясение может убить его. Все это он слышал от доктора Мортимера. Кроме того, ему стало известно, что сэр Чарльз — человек суеверный и придает большое значение этой мрачной легенде. Изворотливый ум Стэплтона немедленно подсказал ему способ, каким можно убить баронета и остаться самому вне подозрений.

Выработав план действий, Стэплтон приступил к его осуществлению со всей изощренностью, свойственной его натуре. Заурядный преступник удовольствовался бы в таком случае просто злой собакой, но Стэплтона осенила гениальная мысль — сделать из нее исчадие ада. Он купил этого пса в Лондоне у Росса и Менгласа, на Фулем-роуд, выбрав самого крупного и самого свирепого из всех, какие там были. Потом приехал с ним в Девоншир по северной линии и сделал немалый конец пешком через болота, чтобы провести его домой незаметно. Во время своих экскурсий за бабочками он нашел путь в глубь Гримпенской трясины, а более надежного места для собаки нельзя и придумать. Он посадил ее там на цепь и стал ждать удобного случая.

Но такой случай долго не представлялся: сэра Чарльза нельзя было выманить ночью за пределы усадьбы. Стэплтон не раз подстерегал старика, держа собаку наготове, но все было тщетно. Вот во время этих бесплодных блужданий по болотам он, вернее, его сообщник, и попался на глаза кое-кому из тамошних фермеров, и легенда о чудовищном псе получила новое подтверждение. Тогда Стэплтон возложил все свои надежды на жену, но на сей раз она проявила неожиданную твердость характера. Миссис Стэплтон наотрез отказалась пускать в ход свои чары против старика, зная, что это может погубить его. Ни угрозы, ни даже — увы! — побои, ничто не помогло. Она не хотела принимать участие в кознях мужа, и на время Стэплтон оказался в тушике.

Но выход из этого тушика был найден. Сэр Чарльз проникся дружескими чувствами к Стэплтону и послал его в качестве своего посредника к миссис Лоре Лайонс. Выдав себя за холостяка, Стэплтон совершенно покорил эту несчастную женщину и дал ей понять, что женится на ней, если она добьется развода. И тут же вскоре выяснилось, что надо действовать безотлагательно: сэр Чарльз собрался в Лондон по настоянию доктора Мортимера, с которым Стэплтон для видимости соглашался. Нельзя было терять ни минуты, иначе жертва могла ускользнуть. Стэплтон заставил миссис Лайонс написать сэру Чарльзу письмо, в котором она умоляла старика дать ей возможность повидаться с ним накануне его отъезда из Баскервиль-холла. Потом под благовидным предлогом он уговорил ее не ходить на свидание, и вот долгожданный случай представился.

Вернувшись вечером из Кумб-Треси, Стэплтон успел сбежать за собакой, смазал ее этим адским составом и привел на то место, куда должен был прийти старик. Собака, натравленная хозяином, перемахнула через калитку и помчалась за несчастным баронетом, который с криками бросился бежать по тисовой аллее. Представляю себе, какое это было страшное зрелище! Кругом темнота, и в этой темноте за тобой мчится что-то огромное со светящейся мордой и огненными глазами. Сердце у баронета не выдержало, и он упал мертвым в самом конце аллеи. Собака неслась за ним по узкой полоске дерна, и поэтому на дорожке не было никаких следов, кроме человеческих. Когда сэр Чарльз упал, она, вероятно, обнюхала его, но не стала трогать мертвеца и убежала. Вот эти следы и заметил док-

тор Мортимер. Стэплтон подозревал своего пса и поторопился увести его назад, в глубь Гримпенской трясины. Таково происхождение этой загадки, которая сбила с толку полицию, переполюпила всех окрестных жителей и, наконец, была представлена на наше рассмотрение.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы понимаете, с какой дьявольской хитростью этот человек обделал свое дело! Ведь уличить преступника не представлялось возможным! Соучастник у него был только один, причем такой, который не выдаст, а непостижимый, фантастический характер всего замысла и вовсе запутал расследование. Обе женщины, замешанные в это дело, миссис Стэплтон и миссис Лора Лайонс, подозревали, кто истинный виновник смерти сэра Чарльза. Миссис Стэплтон знала, что муж строит козни против старика, знала и о существовании собаки. Миссис Лайонс не имела ни малейшего понятия ни о том, ни о другом, но ее поразило, что смерть сэра Чарльза совпала по времени с несостоявшейся встречей у калитки, о которой, кроме Стэплтона, никто не знал. Но обе они были всецело под его влиянием, и он мог не бояться их. Таким образом, первая половина задачи была выполнена успешно, оставалась вторая — куда более трудная.

— Очень возможно, что сначала Стэплтон даже не подозревал о существовании наследника в Канаде. Но он не замедлил узнать об этом от своего приятеля, доктора Мортимера, который заодно уведомил его и о дне приезда Генри Баскервиля. Прежде всего ему пришла в голову мысль, нельзя ли будет разделаться с этим молодым канадцем в Лондоне до того, как он приедет в Девоншир. Жене Стэплтон больше не доверял, помня, что она отказалась завлечь в свои сети старика Баскервиля. Оставлять ее надолго одну он тоже не решался: так можно было совсем утратить над ней власть. Пришлось ехать в Лондон вместе. Они остановились, как я потом выяснил, в гостинице «Мексборо», на Крэвен-стрит, куда Картрайт тоже заходил в поисках изрезанной страницы «Таймса». Стэплтон держал жену взаперти в номере, а сам, приклеив фальшивую бороду, ходил по пятам за доктором Мортимером — на Бейкер-стрит, на вокзал, в гостиницу «Нортамберленд». Миссис Стэплтон подозревала, какие планы строит ее супруг, но она испытывала такой страх перед ним — страх, рожденный его жестокостью, — что не решалась написать сэру Генри о грозящей ему опасности. Если бы письмо по-

пало в руки Стэйлтона, кто бы мог поручиться за ее жизнь? В конце концов, как мы уже знаем, она пошла на хитрость: вырезала нужные слова из газеты и написала адрес измененным почерком. Письмо дошло до баронета и послужило ему первым предостережением.

Стэйлтону нужно было во что бы то ни стало раздобыть какую-нибудь вещь из туалета сэра Генри на тот случай, если придется пускать собаку по его следу. Действуя, как всегда, быстро и смело, он не стал медлить, и мы можем не сомневаться, что и коридорный и горничная в гостинице получили щедрую мзду за оказанную ему помощь. Увы! Первый башмак оказался ненадежным и, следовательно, был непригоден. Он вернул его и взамен получил другой. Из этого факта я сделал очень важный вывод. Мне стало ясно, что мы имеем дело с настоящей собакой, ибо только этим можно было объяснить старания Стэйлтона получить старый башмак. Чем нелепее и грубее кажется вам какая-нибудь деталь, тем больше внимания она заслуживает. Те обстоятельства, которые на первый взгляд лишь усложняют дело, чаще всего приводят вас к разгадке. Надо только как следует, не по-дилетантски разобраться в них.

На другое утро наши друзья пожаловали к нам, а Стэйлтон следовал за ними издали в кэбе. Судя по многим признакам и хотя бы по тому, что он знал меня в лицо, знал и мой адрес, его карьера не ограничивалась баскервильским делом, я в этом почти уверен. Так, например, за последние три года в западных графствах было совершено четыре крупных ограбления, а преступников обнаружить не удалось. Последнее из них — это было в Фолкстоун-Корте в мае месяце — не обошлось без кровопролития. Грабитель в маске уложил выстрелом из револьвера мальчика-слугу, который застиг его. Теперь я не сомневаюсь, что Стэйлтон поправлял таким способом свои расстроенные финансовые дела и что он уже давно был опасным преступником.

В его находчивости и дерзости мы могли убедиться в то утро, когда он так ловко улизнул от нас и потом назвался моим же именем, прекрасно зная, что я доберусь до этого кэбмена. И тогда Стэйлтон понял: в Лондоне рассчитывать на успех нечего, так как за это дело взялся я. Он уехал в Дартмур и стал ждать приезда баронета.

— Пойдите! — перебил я Холмса. — Вы совершенно точно изложили весь ход событий, но один пункт все же

для меня пейзаж. Что стало с собакой, когда ее хозяин уехал в Лондон?

— Вопрос очень существенный, я сам этим интересовался. У Стэйплтона, конечно, был какой-то сообщник, хотя вряд ли он делился с ним всеми своими планами: это значило бы полностью отдаться в его власть. Помните слугу в Мерришит-хаусе, старика Энтони? Он жил у Стэйплтонов несколько лет, еще в то время, когда у них была школа, и, конечно, знал, что они муж и жена. Так вот этот Энтони исчез бесследно, в Англии его нет. Обратите также внимание на то, что имя Энтони встречается у нас довольно редко, а в Испании и в Латинской Америке попадаются на каждом шагу. Старик говорил по-английски не хуже миссис Стэйплтон, но с тем же странным акцентом. Я сам видел, как он ходил в глубь Гримпенской трясины по тропинке, намеченной Стэйплтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсутствие хозяина собаку кормил слуга Энтони, хотя, может статься, ему было невдомек, с какой целью ее здесь держат.

Итак, Стэйплтоны вернулись в Девоншир, а вскоре туда приехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о себе. Вы, вероятно, помните, что, разглядывая письмо, присланное сэру Генри, я заинтересовался, есть ли на нем водяные знаки. Я поднес листок к глазам и уловил легкий запах — от него пахло духами «Белый жасмин». Есть семьдесят три сорта духов, которые опытный сыщик должен уметь отличать один от другого. Я на собственном опыте убедился, что успешное расследование преступлений не раз зависело именно от этого. Если пахнет жасмином, значит, автор письма — женщина, а к тому времени Стэйплтоны уже начали интересоваться мной. Итак, я понял, что собака существует на самом деле, и догадался, кто преступник, еще до своей поездки в Девоншир.

За Стэйплтоном надо было установить слежку. Но если бы я следил за ним, находясь в вашем обществе, он бы сразу насторожился. Пришлось обмануть всех, в том числе и вас. Я сказал, что останусь в Лондоне, а сам поехал следом за вами. Лишения, которые мне пришлось испытать, вовсе не так страшны, как вам кажется. Впрочем, подобные пустяки не должны мешать нашей работе. Я жил, собственно, в Кумб-Треси, а пещеру на болотах навещал лишь в тех случаях, когда требовалось быть поближе к месту действия. Картрайт приехал в Девоншир вместе со мной и, расхаживая повсюду под видом деревенского мальчика, оказал мне

большую помощь. Кроме того, он снабжал меня едой и чистым бельем и следил за вами, когда я был занят Стэплтоном. Так что, как видите, все нити были у меня в руках.

Вы уже знаете, что ваши отчеты немедленно пересылались с Бейкер-стрит в Кумб-Треси. Я очень много из них почерпнул, особенно из того, где сообщался единственный подлинный эпизод из биографии Стэплтонов. После этого мне уже нетрудно было установить личность их обоих, и я понял, с кем имею дело. Однако расследование осложнилось одним побочным обстоятельством — бегством каторжника и связью между ним и Бэрриморами. Но вы раскутали и этот узел, хотя я уже сам пришел к тем же выводам на основе собственных наблюдений.

К тому времени, когда вы отыскивали меня в пещере на болотах, картина преступления стала окончательно ясна, но передавать это дело в суд было преждевременно. Даже неудачное покушение Стэплтона на сэра Генри, закончившееся гибелью злосчастного каторжника, не давало прямых улик. Оставался единственный выход: схватить его на месте преступления, выставив сэра Генри в качестве приманки. Баронет должен был идти один, якобы никем не охраняемый. Так мы и сделали и ценой тяжелого потрясения, пережитого нашим другом, не только завершили расследование, но и довели Стэплтона до гибели. Подвергнув своего клиента такому испытанию, я, конечно, вполне заслужил упрек в плохом ведении дела, но кто мог знать заранее, какое страшное, ошеломляющее зрелище предстанет нашим глазам, кто мог предвидеть, что ночью будет туман и собака выскочит из него прямо на нас! Мы достигли своей цели дорогой ценой, но оба врача — и специалист по нервным болезням, и доктор Мортимер — уверяют меня, что сэр Генри скоро поправится. Путешествие поможет нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но и залечить сердечные раны. Ведь ему пришлось так обмануться в миссис Стэплтон, к которой он питал такие искренние и глубокие чувства! Это его больше всего и угнетает.

Теперь мне остается рассказать, какую роль сыграла она в этой мрачной истории. Я не сомневаюсь, что Стэплтон совершенно подчинил ее своему влиянию. Чем это объяснить? Любила она его, или боялась, или и то и другое? Ведь эти чувства вполне совместимы. Во всяком случае, он действовал наверняка. Миссис Стэплтон согласилась выдать себя за его сестру, по стать прямой пособни-

цей убийства все же отказалась паотрез, и тут ему пришлось убедиться, что его власть над ней не безгранична. Она не раз пыталась предупредить сэра Генри о грозящей ему опасности, но делала это так, чтобы не подвести мужа. Стэплтон, по-видимому, был способен на ревность, и, когда баронет начал проявлять нежные чувства к даме своего сердца, Стэплтон не выдержал, хотя это входило в его планы, и выдал в бешеной вспышке всю страстность своей натуры, до тех пор тщательно скрываемую. Тем не менее он продолжал поощрять ухаживания сэра Генри, рассчитывая, что тот будет частым гостем в Меррипит-хаусе и рано или поздно попадется ему в лапы. Но в самую решительную минуту жена взбунтовалась. Она прослышала о гибели беглого каторжника и узнала, что в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти к обеду, собаку перевели в сарай во дворе. Последовала бурная сцена. Миссис Стэплтон назвала мужа преступником и впервые услышала от него, что у нее есть соперница. Былая преданность уступила место ненависти. Стэплтон понял, что жена его выдаст, и связал ее, чтобы она не могла предостеречь сэра Генри. Все его расчеты основывались на том, что, узнав о смерти баронета, в графстве вспомнят о проклятии, тяготеющем над родом Баскервильей, а тогда он снова добьется от жепы повиновения и заставит ее молчать. Стэплтон и тут просчитался. Его судьба была решена и без нашего вмешательства. Женщина, в жилах которой течет испанская кровь, не простила бы ему измены...

Вот и все, дорогой мой Уотсон. А если вам нужен более подробный отчет об этом из ряда вон выходящем деле, то мне придется заглянуть в свои записи. Но я, кажется, ничего существенного не упустил.

— Неужели Стэплтон надеялся, что сэр Генри тоже умрет от страха при виде этого пугала?

— Собака была совершенно дикая, кроме того, он держал ее впроголодь. Если б сэр Генри не умер на месте, то, во всяком случае, такое страшное зрелище могло бы парализовать его силы и он не оказал бы никакого сопротивления.

— Да, пожалуй. Теперь остается только один вопрос. Если бы Стэплтон доказал свои права на владение Баскервиль-холлом, как бы ему удалось объяснить тот факт, что он, наследник, жил под чужим именем да еще так близко от поместья? Неужели это не возбудило бы подозрений?

— На этот вопрос я вряд ли смогу вам ответить: вы

слишком многого от меня требует. Моя сфера деятельности — прошлое и настоящее. Что человек собирается делать в будущем — это я не берусь решать. По словам миссис Стэплтон, ее супруг думал об этом не раз. Он мог найти три выхода. Первый: уехать в Южную Америку, установить там свою личность в британском консульстве и затребовать наследство оттуда, не приезжая в Англию. Второй: проделать все это в Лондоне, предварительно изменив себя до неузнаваемости. И третий: выдать за наследника подставное лицо, снабдив его всеми необходимыми документами, а себе выговорить за это известную часть доходов. Зная Стэплтона, мы можем не сомневаться, что тот или иной выход из положения был бы пайден.

А теперь, друг мой, обратимся мыслями к предметам более приятным. Несколько недель такого тяжелого труда дают нам право на свободный вечер. Я взял ложу в оперу. Вы слушали де Рецке в «Гугенотах»? Так вот, будьте любезны собраться в течение получаса. Если успеете, мы заедем по дороге к Марцини и не торопясь пообедаем там.

РАССКАЗЫ

СЕРЕБРЯНЫЙ

— Боюсь, Уотсон, что мне придется ехать,— сказал как-то за завтраком Холмс.

— Ехать? Куда?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Я не удивился. Меня куда больше удивляло, что Холмс до сих пор не принимает участия в расследовании этого из ряда вон выходящего дела, о котором говорила вся Англия. Весь вчерашний день мой приятель ходил по комнате из угла в угол, сдвинув брови и низко опустив голову, то и дело набивая трубку крепчайшим черным табаком и оставаясь абсолютно глухим ко всем моим вопросам и замечаниям. Свежие номера газет, присылаемые нашим почтовым агентом, Холмс бегло просматривал и бросал в угол. И все-таки, несмотря на его молчание, я знал, что занимает его. В настоящее время в центре внимания публики было только одно, что могло бы дать достаточно пищи его аналитическому уму,— таинственное исчезновение фаворита, который должен был участвовать в скачках на кубок Уэссекса, и трагическое убийство его тренера. И когда Холмс вдруг объявил мне о своем намерении ехать в Кингс-Пайленд, то есть туда, где разыгралась трагедия, то я ничуть не удивился,— я ждал этого.

— Я был бы счастлив поехать с вами, если, конечно, не буду помехой,— сказал я.

— Мой дорогой Уотсон, вы сослужите мне большую службу, если поедете. И я уверен, что вы не даром потратите время, ибо случай этот, судя по тому, что уже известно, обещает быть исключительно интересным. Едем сейчас в Паддингтон, мы еще успеем на ближайший поезд. По дороге я расскажу вам подробности. Да, захватите, пожалуйста, ваш превосходный полевой бинокль, он может пригодиться.

Вот так и случилось, что спустя час после нашего разговора мы уже сидели в куше первого класса, и поезд мчал нас в направлении Эксетера. Худое сосредоточенное лицо моего друга в надвинутом на лоб дорожном картузе склонилось над пачкой газет, которыми Холмс запасся на Паддингтонском вокзале. Наконец — Рединг к тому времени остался уже далеко позади — он сунул последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

— А мы хорошо едем, — заметил он, взглядывая то на часы, то в окно. — Делаем пятьдесят три с половиной мили в час.

— Я не заметил ни одного дистанционного столбика.

— И я тоже. Но расстояние между телеграфными столбами по этой дороге шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость ничего не стоит. Вам, конечно, известны подробности убийства Джона Стрэкера и исчезновения Серебряного?

— Только те, о которых сообщалось в «Телеграф» и в «Кроникл».

— Это один из случаев, когда искусство логически мыслить должно быть использовано для тщательного анализа и отбора уже известных фактов, а не для поисков новых. Трагедия, с которой мы столкнулись, так загадочна и необычна и связана с судьбами стольких людей, что полиция буквально погибает от обилия версий, догадок и предположений. Трудность в том, чтобы выделить из массы измышлений и домыслов досужих толкователей и репортеров несомненные, непереложные факты. Установив исходные факты, мы начнем строить, основываясь на них, нашу теорию и попытаемся определить, какие моменты в данном деле можно считать узловыми. Во вторник вечером я получил две телеграммы — от хозяина Серебряного полковника Росса и от инспектора Грегори, которому поручено дело. Оба просят моей помощи.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — А сейчас уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

— Я допустил ошибку, милый Уотсон. Боюсь, со мной это случается гораздо чаще, чем думают люди, знающие меня только по вашим запискам. Я просто не мог поверить, что лучшего скакуна Англии можно скрывать так долго, да еще в таком пустынном краю, как Северный Дартмур. Вчера я с часу на час ждал сообщения, что лошадь нашли и что ее похититель — убийца Джона Стрэкера. Но прошел день, прошла почта, и единственное, что

прибавилось к делу, — это арест Фицроя Симпсона. Я понял, что пора действовать. И все-таки у меня такое ощущение, что вчерашний день не прошел зря.

— У вас уже есть версия?

— Нет, но я выделил самые существенные факты. Сейчас я вам изложу их. Ведь лучший способ добраться до сути дела — рассказать все его обстоятельства кому-то другому. К тому же вы вряд ли сможете мне помочь, если не будете знать, чем мы сейчас располагаем.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и чертя для наглядности по ладони тонким длинным пальцем, стал излагать мне события, заставившие нас предпринять это путешествие.

— Серебряный, — начал он, — сын Самоцвета и Отрады и ничем не уступает своему знаменитому отцу. Сейчас ему пять лет. Вот уже три года, как его счастливому обладателю, полковнику Россу, достаются на скачках все призы. Когда произошло несчастье, Серебряный считался первым фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него делались три к одному. Он был любимец публики и еще ни разу не подвел своих почитателей. Даже если с ним бежали лучшие лошади Англии, на него всегда ставили огромные суммы. Понятно поэтому, что есть много людей, в интересах которых не допустить появления Серебряного у флага в будущий вторник. Это, конечно, прекрасно понимали в Кингс-Пайленде, где находится трепировочная конюшня полковника Росса. Фаворита строжайше охраняли. Его тренером был Джон Стрэкер, прослуживший у полковника двенадцать лет, из которых пять лет он был жокеем, пока не стал слишком тяжел для положенного веса. Обязанности свои он всегда выполнял образцово и был преданным слугой. У него было трое помощников, потому что конюшня маленькая — всего четыре лошади. Ночью один конюх дежурил в конюшне, а другие спали на сеновале. Все трое — абсолютно надежные парни. Джон Стрэкер жил с женой в небольшом коттедже, ярдах в двухстах от конюшни. Платил ему полковник хорошо, детей у них нет, убирает в доме и стряпает служанка. Местность вокруг Кингс-Пайленда пустынная, только к северу на расстоянии полумили каким-то подрядчиком из Тавистока выстроено несколько вилл для больных и просто желающих подышать целебным дартмурским воздухом. Сам Тависток находится на западе, до него две мили, а по другую сторону равнины, тоже на расстоянии двух миль, расположен

Кейплтоп — усадьба лорда Бэкуотера, где также имеется конюшня. Лошадей там больше, чем в Кингс-Пайленде; управляющим служит Сайлес Браун. Вокруг на много миль тянутся поросшие кустарником пустоши, совершенно необитаемые, если не считать цыган, которые время от времени забредают сюда. Вот обстановка, в которой в ночь с понедельника на вторник разыгралась драма.

Накапуне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, а в девять часов конюшню заперли. Двое конюхов пошли в домик тренера, где их в кухне накормили ужином, а третий — Нэд Хантер — остался дежурить в конюшне. В начале десятого служанка — ее зовут Эдит Бакстер — понесла ему ужин — баранину с чесночным соусом. Никакого питья она не взяла, потому что в конюшне имеется кран, а пить что-нибудь, кроме воды, ночному сторожу не разрешается. Девушка зажгла фонарь, — уже стемнело, а тропинка к конюшне шла сквозь заросли дрока. Ярдах в тридцати от конюшни перед Эдит Бакстер возник из темноты человек и крикнул, чтобы она подождала. В желтом свете фонаря она увидела мужчину — по виду явно джентльмена — в сером твидовом костюме и фуражке, в гетрах и с тяжелой тростью в руках. Он был очень бледен и сильно нервничал. Лет ему, она решила, тридцать — тридцать пять.

«Вы не скажете мне, где я нахожусь? — спросил он девушку. — Я уж решил, что придется ночевать в поле, и вдруг увидел свет вашего фонаря».

— «Вы в Кингс-Пайленде, возле конюшни полковника Росса», — отвечала ему девушка.

«Неужели? Какая удача! — воскликнул он. — Один из конюхов, кажется, всегда ночует в конюшне, да? А вы, наверное, несете ему ужин? Вы ведь не такая гордая, правда, и не откажетесь от нового платья?»

Он вынул из кармана сложенный листок бумаги.

«Передайте это сейчас конюху, и у вас будет самое нарядное платье, какое только можно купить за деньги».

Волпение незнакомца испугало девушку, она бросилась к оконцу, через которое всегда подавала конюху ужин. Оно было уже открыто, Хантер сидел возле за столиком. Только служанка открыла рот, чтобы рассказать ему о случившемся, как незнакомец снова оказался рядом.

«Добрый вечер, — проговорил он, заглядывая в окошко. — У меня к вам дело».

Девушка клянется, что, произнося эти слова, он сжимал в руке какую-то бумажку.

«Какое у вас ко мне может быть дело?» — сердито спросил колюх.

«Дело, от которого и вам может кое-что перепасть. Две ваши лошади, Серебряный и Баярд, участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Ответьте мне на несколько вопросов, и я не останусь в долгу. Правда, что вес, который несет Баярд, позволяет ему обойти Серебряного на сто ярдов в забеге на пять фёрлонгов и что вы сами ставите на него?»

«Ах, вот вы кто! — закричал колюх. — Сейчас я покажу вам, как мы встречаем шпионов!»

Он побежал спустить собаку. Служанка бросилась к дому, но на бегу оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Когда через минуту Хантер выскочил из конюшни с собакой, то его уже не было, и, хотя они обежали все здания и пристройки, никаких следов не обнаружили.

— Стойте! — перебил я Холмса. — Когда колюх выбежал с собакой во двор, он оставил дверь конюшни открытой?

— Прекрасно, Уотсон, прекрасно! — улыбнулся мой друг. — Это обстоятельство показалось мне столь существенным, что я вчера даже запросил об этом Дартмур телеграммой. Так вот, дверь колюх запер. А окошко, оказывается, очень узкое, человек сквозь него не пролезет. Когда другие конюхи вернулись после ужина, Хантер послал одного рассказать обо всем тренеру. Стрэкер встревожился, но большого значения случившемуся как будто не придал. Впрочем, смутная тревога все-таки не оставляла его, потому что, проснувшись в час ночи, миссис Стрэкер увидела, что муж одевается. Он объяснил ей, что беспокоится за лошадей и хочет посмотреть, все ли в порядке. Она умоляла его не ходить, потому что начался дождь, — она слышала, как он стучит в окно, — но Стрэкер накинул плащ и ушел. Миссис Стрэкер проснулась снова в семь утра. Муж еще не возвращался. Она поспешно оделась, кликнула служанку и пошла в конюшню. Дверь была отворена, Хантер сидел, уронив голову на стол, в состоянии полного беспмятства, денник фаворита пуст, нигде никаких следов тренера. Немедленно разбудили ночевавших на сеновале конюхов. Ребята они молодые, спят крепко, ночью никто ничего не слышал. Хантер был, по всей видимости, под действием какого-то очень сильного наркотика. Так как толку

от него добиться было нельзя, обе женщины оставили его отсыпаться, а сами побежали искать пропавших. Они все еще надеялись, что тренер из каких-то соображений вывел жеребца на раннюю прогулку. Поднявшись на бугор за коттеджем, откуда было хорошо видно кругом, они не заметили никаких следов фаворита, зато в глаза им бросилась одна вещь, от которой у них сжалось сердце в предчувствии беды.

Примерно в четверти мили от конюшни па куст дрока был брошен плащ Стрэкера, и ветерок трепал его полы. Подбежав к кусту, женщины увидели за ним небольшой овражек и на дне его труп несчастного тренера. Голова была разможжена каким-то тяжелым предметом, на бедре рана — длинный тонкий порез, нанесенный, без сомнения, чем-то чрезвычайно острым. Все говорило о том, что Стрэкер отчаянно защищался, потому что его правая рука сжимала маленький нож, по самую рукоятку в крови, а левая — красный с черным шелковый галстук, тот самый галстук, который, по словам служанки, был на незнакомце, появившемся накануне вечером у конюшни. Очнувшись, Хантер подтвердил, что это действительно галстук незнакомца. Он также не сомневался, что незнакомец подсыпал ему чего-то в баранину, когда стоял у окна, и в результате конюшня осталась без сторожа. Что касается пропавшего Серебряного, то многочисленные следы в грязи, покрывавшей дно роковой впадины, указывали на то, что он был тут во время борьбы. Но затем он исчез. И хотя за сведения о нем полковник Росс предлагает огромное вознаграждение и все кочующие по Дартмуру цыгане допрошены, до сих пор о Серебряном нет ни слуху ни духу. И, наконец, вот еще что: анализ остатков ужина Хантера показал, что в еду была подсыпана большая доза опиума, между тем все остальные обитатели Кнингс-Пайленда ели в тот вечер то же самое блюдо, и ничего дурного с ними не произошло. Вот основные факты, очищенные от наслоения домыслов и догадок, которыми обросло дело. Теперь я расскажу вам, какие шаги предприняла полиция. Инспектор Грегори, которому поручено дело, — человек энергичный. Одарен он природой еще и воображением, он мог бы достичь вершин сыскного искусства. Прибыв на место происшествия, он очень быстро нашел и арестовал человека, на которого, естественно, падало подозрение. Найти его не составило большого труда, потому что он хорошо известен в округе. Имя его — Фицрой Симпсон. Он хорошего рода, получил

прекрасное образование, но все свое состояние проиграл на скачках. Последнее время жил тем, что мирно занимался букмекерством в спортивных лондонских клубах. В его записной книжке обнаружили несколько пари до пяти тысяч фунтов против фаворита. Когда его арестовали, он признался, что приехал в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингс-Пайленда и о втором фаворите, жеребце Беснечном, находящемся на попечении Сайлеса Брауна в кейплтонской конюшне. Он и не пытался отрицать, что в понедельник вечером был в Кингс-Пайленде, однако уверяет, что ничего дурного не замышлял, хотел только получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и не смог объяснить, как галстук оказался в руке убитого. Мокрая одежда Симпсона доказывала, что ночью он попал под дождь, а его суковатая трость вполне могла быть тем самым оружием, которым тренеру были нанесены эти ужасные раны. С другой стороны, на нем самом нет ни царапины, а ведь окровавленный нож Стрэкера — неопровержимое доказательство того, что, по крайней мере, один из напавших на него бандитов пострадал. Вот, собственно, и все, и, если вы сможете мне помочь, Уотсон, я буду очень вам признателен.

Я с огромным интересом слушал Холмса, изложившего мне обстоятельства этого дела со свойственной ему ясностью и последовательностью. Хотя все факты были мне уже известны, я не мог установить между ними ни связи, ни зависимости.

— А не может ли быть, — предположил я, — что Стрэккер сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается повреждение лобных долей головного мозга?

— Вполне возможно, — сказал Холмс. — Если так, то обвиняемый лишается одной из главных улик, свидетельствующих в его пользу.

— И все-таки, — продолжал я, — я никак не могу понять гипотезу полиции.

— Боюсь, в этом случае против любой гипотезы можно выдвинуть очень веские возражения. Насколько я понимаю, полиция считает, что Фидрой Симпсон подсыпал опиум в ужин Хантера, отпер конюшню ключом, который он где-то раздобыл, и увел жеребца, намереваясь, по всей видимости, похитить его. Уздечки в конюшне не нашли — Симпсон, вероятно, падел ее на лошадь. Оставив дверь незапертой, он повел ее по тропинке через пустошь, и тут

его встретил или догнал тренер. Началась драка. Симпсон проломил тренеру череп тростью, сам же не получил и царапины от ножичка Стрэкера, которым тот пытался защищаться. Потом вор увел лошадь и где-то ее спрятал, или, может быть, лошадь убежала, пока они дрались, и теперь бродит где-то по пустоши. Вот как представляет происшедшее полиция, и, как ни маловероятна эта версия, все остальные кажутся мне еще менее вероятными. Как только мы прибудем в Дартмур, я проверю ее,— иного способа сдвинуться с мертвой точки я не вижу.

Начинало вчереть, когда мы подъехали к Тавистоку — маленькому городку, лежащему в самом центре обширного Дартмурского плоскогорья, точно яблоко па щите. На платформе нас встретили высокий блондин с львиной гривой, пышной бородой и острым взглядом голубых глаз и невысокий элегантно одетый джентльмен, энергичный, с небольшими холеными баками и моноклем. Это были инспектор Грегори, чье имя приобретало все большую известность в Англии, и знаменитый спортсмен и охотник полковник Росс.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс,— сказал полковник, здороваясь.— Инспектор сделал все возможное, но, чтобы отомстить за гибель несчастного Стрэкера и найти Серебряного, я хочу сделать и невозможное.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил Холмс.

— Увы, результаты расследования пока оставляют желать лучшего,— сказал инспектор.— Вы, конечно, хотите поскорей увидеть место происшествия. Поэтому едем, пока не стемнело, а поговорим по дороге. Коляска нас ждет.

Через минуту удобное, изящное ландо катило нас по улицам старинного живописного городка. Инспектор Грегори увлеченно делился с Холмсом своими мыслями и соображениями; Холмс молчал, время от времени задавая ему вопросы. Полковник Росс в разговоре участия не принимал, он сидел, откинувшись на спинку сиденья, скрестив руки на груди и надвинув шляпу на лоб. Я с интересом прислушивался к разговору двух детективов: версию, которую излагал сейчас Грегори, я уже слышал от Холмса в поезде.

— Петля вот-вот затянется вокруг шеи Фицроя Симпсона,— заключил Грегори.— Я лично считаю, что преступник он. С другой стороны, нельзя не признать, что все улики против него косвенные и что новые факты могут опровергнуть наши выводы.

— А нож Стрэкера?

— Мы склонились к мнению, что Стрэкер сам себя ранил, падая.

— Мой друг Уотсон высказал такое же предположение по пути сюда. Если так, это обстоятельство оборачивается против Симпсона.

— Разумеется. У него не нашли ни пожа, ни хотя бы самой пустяковой царапины на теле. Но улики против него, конечно, очень сильные. Он был в высшей степени заинтересован в исчезновении фаворита; никто, кроме него, не мог отравить конюха, ночью он попал где-то под проливной дождь, он был вооружен тяжелой тростью, и, наконец, его галстук был зажат в руке покойного. Улик, по-моему, достаточно, чтобы начать процесс.

Холмс покачал головой.

— Неглупый защитник не оставит от доводов обвинения камня на камне, — заметил он. — Зачем Симпсону нужно было выводить лошадь из конюшни? Если он хотел что-то с ней сделать, почему не сделал этого там? А ключ — разве у него нашли ключ? В какой аптеке продали ему порошок опиума? И наконец, где Симпсон, человек впервые появившийся в Дартмур, мог спрятать лошадь, да еще такую, как Серебряный? Кстати, что он говорит о бумажке, которую просил служанку передать конюху?

— Говорит, это была банкнота в десять фунтов. В его кошельке действительно такую банкноту нашли. Что касается всех остальных ваших вопросов, ответить на них вовсе не так сложно, как вам кажется. Симпсон в этих краях не впервые, — летом он дважды приезжал в Тависток. Опиум он скорее всего привез из Лондона. Ключ, отперев конюшню, выкинул. А лошадь, возможно, лежит мертвая в одной из заброшенных шахт.

— Что он сказал о галстукe?

— Признался, что галстук его, но утверждает, что потерял его где-то в тот вечер. Но тут выяснилось еще одно обстоятельство, которое как раз и может объяснить, почему он увел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

— Мы установили, что примерно в миле от места убийства ночевал в ночь с понедельника на вторник табор цыган. Утром они снялись и ушли. Так вот, если предположить, что у Симпсона с цыганами был сговор, то напрашивается вывод, что именно к ним он и вел коня, когда его

повстречал трепер, и что сейчас Серебряный у них, не так ли?

— Вполне вероятно.

— Плоскогорье сейчас прочесывается в поисках этих цыган. Кроме того, я осмотрел все конюшни и сараи в радиусе десяти миль от Тавистока.

— Тут ведь поблизости есть еще одна конюшня, где содержат скаковых лошадей?

— Совершенно верно, и это обстоятельство ни в коем случае не следует упускать из виду. Поскольку их жеребец Беспечный — второй претендент на кубок Уэссекса, исчезновение фаворита было его владельцу тоже очень выгодно. Известно, что, во-первых, кейплтонский тренер Сайлес Браун заключил несколько крупных пари на этот забег и что, во-вторых, дружбы с беднягой Стрэкером он никогда не водил. Мы, конечно, осмотрели его конюшню, но не обнаружили ничего, указывающего на причастность кейплтонского тренера к преступлению.

— И ничего, указывающего на связь Симпсона с кейплтонской конюшней?

— Абсолютно ничего.

Холмс уселся поглубже, и разговор прервался.

Через несколько минут экипаж наш остановился возле стоящего у дороги хорошенького домика из красного кирпича, с широким выступающим карнизом. За ним, по ту сторону загона, виднелось строение под серой черепичной крышей. Вокруг до самого горизонта тянулась волнистая равнина, буро-золотая от желтеющего папоротника, только далеко на юге подымались островерхие крыши Тавистока да к западу от нас стояло рядом несколько домиков кейплтонской конюшни. Мы все выпрыгнули из коляски, а Холмс так и остался сидеть, глядя прямо перед собой, поглощенный какими-то своими мыслями. Только когда я тронул его за локоть, он вздрогнул и стал вылезать.

— Простите меня, — обратился он к полковнику Россу, который глядел на моего друга с недоумением, — простите меня, я задумался.

По блеску его глаз и волнению, которое он старался скрыть, я догадался, что он близок к разгадке, хотя и не представлял себе хода его мыслей.

— Вы, наверное, хотите первым делом осмотреть место происшествия, мистер Холмс? — предположил Грегори.

— Мне хочется побыть сначала здесь и уточнить несколько деталей. Стрэкера потом принесли сюда, не так ли?

— Да, он лежит сейчас наверху.

— Он служил у вас несколько лет, полковник?

— Я всегда был им очень доволен.

— Карманы убитого, вероятно, осмотрели, инспектор?

— Все вещи в гостиной. Если хотите, можете взглянуть.

— Да, благодарю вас.

В гостиной мы сели вокруг стоящего посреди комнаты стола. Инспектор отпер сейф и разложил перед нами его содержимое: коробка восковых спичек, огарок свечи длиной в два дюйма, трубка из корня вереска, кожаный кисет и в нем пол-унции плиточного табаку, серебряные часы на золотой цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый наконечник для карандаша, какие-то бумаги, нож с ручкой из слоновой кости и очень тонким негнувшимся стальным лезвием, на котором стояла марка «Вайс и К^о, Лондон».

— Очень интересный нож, — сказал Холмс, внимательно разглядывая его. — Судя по засохшей крови, это и есть тот самый нож, который нашли в руке убитого. Что вы о нем скажете, Уотсон? Такие ножи по вашей части.

— Это хирургический инструмент, так называемый катарактальный нож.

— Так я и думал. Тончайшее лезвие, предназначенное для тончайших операций. Не странно ли, что человек, отправляющийся защищаться от воров, захватил его с собой — особенно если учесть, что нож не складывается?

— На кончик был надет кусочек пробки, мы его нашли возле трупа, — объяснил инспектор. — Жена Стрэкера говорит: нож лежал у них несколько дней на комодe, и, уходя ночью, Стрэкер взял его с собой. Оружие не ахти какое, но, вероятно, ничего другого у него под рукой в тот момент не было.

— Вполне возможно. Что это за бумаги?

— Три оплаченных счета за сено. Письмо полковника Росса с распоряжениями. А это счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов от портнихи, мадам Лезерье с Бонд-стрит, на имя Уильяма Дербишира. Миссис Стрэкер говорит, что Дербишир — приятель ее мужа и что время от времени письма для него приходили на их адрес.

— У миссис Дербишир весьма дорогие вкусы, — заметил Холмс, просматривая счет. — Двадцать две гинеи за один туалет многовато. Ну что ж, тут как будто все, теперь отправимся на место преступления.

Мы вышли из гостиной, и в этот момент стоящая в ко-

ридоре женщина шагнула вперед и тронула инспектора за рукав. На ее бледном, худом лице лежал отпечаток пережитого ужаса.

— Нашли вы их? Поймали? — Голос ее сорвался.

— Пока нет, миссис Стрэкер. Но вот только что из Лондона приехал мистер Холмс, и мы надеемся с его помощью пайти преступников.

— По-моему, мы с вами не так давно встречались, миссис Стрэкер, — помните, в Плимуте, на банкете? — спросил Холмс.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь.

— В самом деле? А мне показалось, это были вы. На вас было стального цвета шелковое платье, отделанное страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого платья, сэр!

— А-а, значит, я обознался. — И, извинившись, Холмс последовал за инспектором во двор.

Несколько минут ходьбы по тропинке среди кустов привели нас к овражку, в котором нашли труп. У края его рос куст дрока, на котором в то утро миссис Стрэкер и служанка заметили плащ убитого.

— Ветра в понедельник ночью как будто не было, — сказал Холмс.

— Ветра — нет, но шел сильный дождь.

— В таком случае плащ не был заброшен ветром на куст, его кто-то положил туда.

— Да, он был аккуратно сложен.

— А знаете, это очень интересно! На земле много следов. Я вижу, с понедельника здесь побывало немало народу.

— Мы вставали только на рогожу. Она лежала вот здесь, сбоку.

— Превосходно.

— В этой сумке ботинок, который был в ту ночь на Стрэкере, ботинок Фицроя Симпсона и подкова Серебряного.

— Дорогой мой инспектор, вы превзошли самого себя! Холмс взял сумку, спустился в яму и подвинул рогожу ближе к середине. Потом улегся на нее и, подперев руками подбородок, принялся внимательно изучать истоптанную глину.

— Ага! — вдруг воскликнул он. — Это что?

Холмс держал в руках восковую спичку, покрытую таким слоем грязи, что с первого взгляда ее можно было приять за сучок.

— Не представляю, как я проглядел ее, — с досадой сказал инспектор.

— Ничего удивительного! Спичка была втоптана в землю. Я заметил ее только потому, что искал.

— Как! Вы знали, что найдете здесь спичку?

— Я не исключал такой возможности.

Холмс вытащил ботинки из сумки и стал сравнивать подошвы со следами на земле. Потом он выбрался из овражка и пополз, раздвигая кусты.

— Боюсь, больше никаких следов нет, — сказал инспектор. — Я все здесь осмотрел самым тщательным образом. В радиусе ста ярдов.

— Ну что ж, — сказал Холмс, — я не хочу быть пезевкливым и не стану еще раз все осматривать. Но мне бы хотелось, пока не стемнело, побродить немного по долине, чтобы лучше ориентироваться здесь завтра. Подкову я возьму себе в карман на счастье.

Полковник Росс, с некоторым нетерпением следивший за спокойными и методичными действиями Холмса, взглянул на часы.

— А вы, инспектор, пожалуйста, пойдите со мной. Я хочу с вами посоветоваться. Меня сейчас волнует, как быть со списками участников забега. По-моему, наш долг перед публикой — вычеркнуть оттуда имя Серебряного.

— Ни в коем случае! — решительно возразил Холмс. — Пусть остается.

Полковник поклонился.

— Я чрезвычайно благодарен вам за совет, сэр. Когда закончите свою прогулку, найдете нас в домике несчастного Стрэкера, и мы вместе вернемся в Тависток.

Они направились к дому, а мы с Холмсом медленно пошли вперед. Солнце стояло над самыми крышами кейптонской копышны; перед нами полого спускалась к западу равнина, то золотистая, то красновато-бурая от осенней ежевики и папоротника. Но Холмс, погруженный в глубокую задумчивость, не замечал прелести пейзажа.

— Вот что, Уотсон, — промолвил он наконец, — мы пока оставим вопрос, кто убил Стрэкера и будем думать, что произошло с лошадью. Предположим, Серебряный в момент преступления или немного позже ускакал. Но куда? Лошадь очень привязана к человеку. Предоставленный самому себе, Серебряный мог вернуться в Кингс-Пайленд или убежать в Кейптон. Что ему делать одному в поле? И уж, конечно, кто-нибудь да увидел бы его там. Теперь

цыгане, — зачем им было красть его? Они чуть что прослышат — спешат улизнуть: полиции они боятся хуже чумы. Надежды продать такую лошадь, как Серебряный, у них нет. Украсть ее — большой риск, а выгоды — никакой. Это вне всякого сомнения.

— Где же тогда Серебряный?

— Я уже сказал, что он или вернулся в Кингс-Пайленд, или поскакал в Кейплтон. В Кингс-Пайленде его нет. Значит, он в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, куда она нас приведет. Земля здесь, как заметил инспектор, высохла и стала тверже камня, но местность слегка понижается к Кейплтону, и в той ложине почью в понедельник, наверно, было очень сыро. Если наше предположение правильно, Серебряный скакал в этом направлении, и там нужно искать его следы.

Беседуя, мы быстро шли вперед и через несколько минут спустились в ложину. Холмс попросил меня обойти ее справа, а сам взял левее, но не успел я сделать и пяти — десяти шагов, как он закричал мне и замахал рукой. На мягкой глине у его ног виднелся отчетливый конский след. Холмс вынул из кармана подкову, которая как раз пришла по отпечатку.

— Вот что значит воображение, — улыбнулся Холмс. — Единственное качество, которого недостает Грегори. Мы представили себе, что могло бы произойти, стали проверять предположение, и оно подтвердилось. Идем дальше.

Мы перешли хлюпающее под ногами дно ложинки и с четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Снова начался небольшой уклон, и снова мы увидели следы, потом они исчезли и появились только через полмили, совсем близко от Кейплтона. Увидел их первым Холмс — он остановился и с торжеством указал на них рукой. Рядом с отпечатками копыт на земле виднелись следы человека.

— Сначала лошадь была одна! — вырвалось у меня.

— Совершенно верно, сначала лошадь была одна. Стойте! А это что?

Двойные следы человека и лошади резко повернули в сторону Кингс-Пайленда. Холмс свистнул. Мы пошли по следам. Он не подымал глаз от земли, но я повернул голову вправо и с изумлением увидел, что эти же следы шли и в обратном направлении.

— Один ноль в вашу пользу, Уотсон, — сказал Холмс, когда я указал ему на них, — теперь нам не придется де-

дать крюк, который привел бы нас туда, где мы стоим. Пойдемте по обратному следу.

Нам не пришлось идти далеко. Следы кончились у асфальтовой дорожки, ведущей к воротам Кейплтона. Когда мы подошли к ним, нам навстречу выбежал конюх.

— Идите отсюда! — закричал он. — Нечего вам тут делать!

— Позвольте только задать вам один вопрос, — сказал Холмс, засовывая указательный и большой пальцы в карман жилета. — Если я приду завтра в пять часов утра повидать вашего хозяина мистера Сайлеса Брауна, это будет не слишком рано?

— Скажете тоже «рано», сэр. Мой хозяин подымается ни свет ни заря. Да вот он и сам, поговорите с ним. Нет-нет, сэр, он прогонит меня, если увидит, что я беру у вас деньги. Лучше потом.

Только Шерлок Холмс опустил в карман полкроны, как из калитки выскочил немолодой мужчина свирепого вида с хлыстом в руке и закричал:

— Это что такое, Даусон? Сплетничаете, да? У вас дела, что ли, нет? А вы какого черта здесь шляется?

— Хочу побеседовать с вами, дорогой мой сэр. Всего десять минут, — нежнейшим голосом проговорил Холмс.

— Некогда мне беседовать со всякими проходимцами! Здесь не место посторонним! Убирайтесь, не то я сейчас спущу на вас собаку!

Холмс нагнулся к его уху и что-то прошептал. Мистер Браун вздрогнул и покраснел до корней волос.

— Ложь! — закричал он. — Гнусная, наглая ложь!

— Отлично! Ну что же, будем обсуждать это прямо здесь, при всех, или вы предпочитаете пройти в дом?

— Ладно, идемте, если хотите.

Холмс улыбнулся.

— Я вернусь через пять минут, Уотсон. К вашим услугам, мистер Браун.

Вернулся он, положим, через двадцать пять минут, и, пока я его ждал, теплые краски вечера погасли. Тренер тоже вышел с Холмсом, и меня поразила происшедшая с ним перемена: лицо у него стало пепельно-серое, лоб покрылся каплями пота, хлыст прыгал в трясущихся руках. Куда девалась наглая самоуверенность этого человека! Он семенил за Холмсом, как побитая собака.

— Я все сделаю, как вы сказали, сэр. Все ваши указания будут выполнены, — повторял он.

— Вы знаете, чем грозит слушание. — Холмс повернул к нему голову, и тот съежился под его взглядом.

— Что вы, что вы, сэр! Доставлю к сроку. Сделать все, как было раньше?

Холмс на минуту задумался, потом рассмеялся:

— Не надо, оставьте, как есть. Я вам напишу. И смотрите, без плутовства, иначе...

— О, верьте мне, сэр, верьте!

— Берегите как зеницу ока.

— Да, сэр, можете на меня положиться, сэр.

— Думаю, что могу. Завтра получите от меня указания.

И Холмс отвернулся, не замечая протянутой ему дрожащей руки. Мы зашагали к Кингс-Пайленду.

— Такой великолепной смеси наглости, трусости и подлости, как у мистера Сайлеса Брауна, я давно не встречал, — сказал Холмс, устало шагая рядом со мной по склону.

— Значит, лошадь у него?

— Он сначала на дыбы взвился, отрицая все. Но я так подробно описал ему утро вторника, шаг за шагом, что он поверил, будто я все видел собственными глазами. Вы, конечно, обратили внимание на необычные, как будто обрубленные носки у следов и на то, что на нем были именно такие ботинки. Кроме того, для простого слуги это был бы слишком дерзкий поступок... Я рассказал ему, как он, встав по обыкновению первым и выйдя в загон, увидел в поле незнакомую лошадь, как он пошел к ней и, не веря собственным глазам, увидел у нее на лбу белую отметину, из-за которой она и получила свою кличку — Серебряный, и как сообразил, что судьба отдает в его руки единственного соперника той лошади, на которую он поставил большую сумму. Потом я рассказал ему, что первым его побуждением было отвести Серебряного в Кингс-Пайленд, но тут дьявол стал нашептывать ему, что так легко увести лошадь и спрятать, пока не кончатся скачки, и тогда он повернул к Кейплтону и укрыл ее там. Когда он все это услышал, он стал думать только о том, как спасти собственную шкуру.

— Да ведь конюшню осматривали!

— Ну, этот старый барышник обведет вокруг пальца кого угодно.

— А вы не боитесь оставлять лошадь в его руках? Он же с ней может что-нибудь сделать, ведь это в его интересах.

— Нет, мой друг, он в самом деле будет беречь ее как зеницу ока. В его интересах вернуть ее целой и невредимой. Это единственное, чем он может заслужить прощение.

— Полковник Росс не произвел на меня впечатления человека, склонного прощать врагам!

— Дело не в полковнике Росс. У меня свои методы, и я рассказываю ровно столько, сколько считаю нужным, — в этом преимущество моего неофициального положения. Не знаю, заметили вы или нет, Уотсон, но полковник держался со мной немного свысока, и мне хочется слегка позабавиться. Не говорите ему ничего о Серебряном.

— Конечно, не скажу, раз вы не хотите.

— Но все это пустяки по сравнению с вопросом, кто убил Джона Стрэкера.

— Вы сейчас им займетесь?

— Напротив, мой друг, мы с вами вернемся сегодня почным поездом в Лондон.

Слова Холмса удивили меня. Мы пробыли в Дартмуре всего несколько часов, он так успешно начал распутывать клубок и вдруг хочет все бросить. Я ничего не понимал. До самого дома тренера мне не удалось вытянуть из Холмса ни слова. Полковник с инспектором дожидались нас в гостиной.

— Мой друг и я возвращаемся ночным поездом в Лондон, — заявил Холмс. — Приятно было подышать прекрасным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а полковник скривил губы в презрительной усмешке.

— Значит, вы сложили оружие. Считаете, что убийцу несчастного Стрэкера арестовать невозможно, — сказал он.

— Боюсь, это сопряжено с очень большими трудностями. — Холмс пожал плечами. — Но я совершенно убежден, что во вторник ваша лошадь будет бежать, и прошу вас предупредить жокея, чтобы он был готов. Могу я взглянуть на фотографию мистера Джона Стрэкера?

Инспектор извлек из кармана конверт и вынул оттуда фотографию.

— Дорогой Грегори, вы предупреждаете все мои желания! Если позволите, господа, я оставлю вас на минуту, мне нужно задать вопрос служанке Стрэкеров.

— Должен признаться, ваш лондонский советчик меня разочаровал, — с прямолинейной резкостью сказал полковник Росс, как только Холмс вышел из комнаты. — Не вижу, чтобы с его приездом дело подвинулось хоть на шаг.

— По крайней мере, вам дали слово, что ваша лошадь будет бежать,— вмешался я.

— Слово-то мне дали,— пожал плечами полковник.— Я предпочел бы лошадь, а не слово.

Я открыл было рот, чтобы защитить своего друга, но в эту минуту он вернулся.

— Ну вот, господа,— заявил он,— я готов ехать.

Один из конюхов открыл дверцу коляски. Холмс сел рядом со мной и вдруг перегнулся через борт и тронул конюха за рукав.

— У вас есть овцы, я вижу,— сказал он.— Кто за ними ходит?

— Я, сэр.

— Вы не замечали, с ними в последнее время ничего не случилось?

— Да нет, сэр, как будто ничего, только вот три овцы начали хромать, сэр.

Холмс засмеялся, потирая руки, чем-то очень довольный.

— Неплохо придумано, Уотсон, очень неплохо! — Он незаметно подтолкнул меня локтем.— Грегори, позвольте рекомендовать вашему вниманию странную эпидемию, поразившую овец. Поехали.

Лицо полковника Росса по-прежнему выражало лишь то, какое невысокое мнение составил он о талантах моего друга, зато инспектор так и встрепенулся.

— Вы считаете это обстоятельство важным? — спросил он.

— Чрезвычайно важным.

— Есть еще какие-то моменты, на которые вы советовали бы мне обратить внимание?

— На странное поведение собаки в ночь преступления.

— На поведение собаки? Но она никак себя не вела!

— Это-то и странно,— сказал Холмс.

Четыре дня спустя мы с Холмсом снова сидели в поезде, мчащемся в Винчестер, где должен был разыгрываться кубок Уэссекса. Полковник Росс ждал нас, как и было условлено, в своем экипаже четверкой у вокзала на площади. Мы поехали за город, где был беговой круг. Полковник был мрачен, держался в высшей степени холодно.

— Никаких известий о моей лошади до сих пор нет,— заявил он.

— Надеюсь, вы ее узнаете, когда увидите?

Полковник вспыхнул:

— Я могу описать вам одну за другой всех лошадей, участвовавших в скачках за последние двадцать лет. Моего фаворита, с его отметиной на лбу и белым пятном на правой передней бабке, узнает каждый ребенок!

— А как ставки?

— Происходит что-то непонятное. Вчера ставили пятнадцать к одному, утром разрыв начал быстро сокращаться, не знаю, удержатся ли сейчас на трех к одному.

— Хм,— сказал Холмс,— сомнений нет, кто-то что-то провонял.

Коляска подъехала к ограде, окружающей главную трибуну. Я взял афишу и стал читать:

«ПРИЗ УЭССЕКСА

Жеребцы четырех и пяти лет. Дистанция 1 миля 5 ферлонгов. 50 фунтов подписных. Первый приз — 1000 фунтов. Второй приз — 300 фунтов. Третий приз — 200 фунтов.

1. Негр — владелец Хит Ньютон; наездник — красный шлем, песочный камзол.

2. Боксер — владелец полковник Уордлоу; наездник — оранжевый шлем, камзол васильковый, рукава черные.

3. Беспечный — владелец лорд Бэкуотер; наездник — шлем и рукава камзола желтые.

4. Серебряный — владелец полковник Росс; наездник — шлем черный, камзол красный.

5. Хрусталь — владелец герцог Балморел; наездник — шлем желтый, камзол черный с желтыми полосами.

6. Озорник — владелец лорд Синглфорд; наездник — шлем фиолетовый, рукава камзола черные.

— Мы вычеркнули Баярда, пашу вторую лошадь, которая должна была бежать, полагаясь на ваш совет,— сказал полковник.— Но что это? Фаворит сегодня Серебряный?

— Серебряный — пять к четырем! — неслось с трибун.— Серебряный — пять к четырем! Беспечный — пятнадцать к пяти! Все остальные пять к четырем!

— Лошади на старте! — закричал я.— Смотрите, все шесть!

— Все шесть! Значит, Серебряный бежит! — воскликнул полковник в сильнейшем волнении.— Но я не вижу его. Моих цветов пока нет.

— Вышло только пятеро. Вот, наверное, он,— сказал я, и в эту минуту из падока крупной рысью выбежал великоколенный гнедой жеребец и пронесся мимо нас. На наезднике были цвета полковника, известные всей Англии.

— Это не моя лошадь! — закричал полковник Росс. — На пей нет ни единого белого пятнышка! Объясните, что происходит, мистер Холмс!

— Посмотрим, как он возьмет,— невозмутимо сказал Холмс. Несколько минут он не отводил бинокля от глаз... — Прекрасно! Превосходный старт! — вдруг воскликнул он. — Вот они, смотрите, поворачивают!

Из коляски нам было хорошо видно, как лошади вышли на прямой участок круга. Они шли так кучно, что всех их, казалось, можно накрыть одной попоной, но вот на половине прямой желтый цвет лорда Бакуотера вырвался вперед. Однако ярдах в тридцати от того места, где стояли мы, жеребец полковника обошел Беспечного и оказался у финиша на целых шесть корпусов впереди. Хрусталь герцога Балморела с большим отрывом пришел третьим.

— Как бы там ни было, кубок мой,— прошептал полковник, проводя ладонью по глазам. — Убейте меня, если я хоть что-нибудь понимаю. Вам не кажется, мистер Холмс, что вы уже достаточно долго мистифицируете меня?

— Вы правы, полковник. Сейчас вы все узнаете. Пойдемте поглядим на лошадь все вместе. Вот он,— продолжал Холмс, входя в падок, куда впускали только владельцев лошадей и их друзей. — Стоит лишь потереть ему лоб и бабку спиртом — и вы узнаете Серебряного.

— Что?

— Ваша лошадь попала в руки мошенника, я нашел ее и взял на себя смелость выпустить на поле в том виде, как ее сюда доставили.

— Дорогой сэр, вы совершили чудо! Лошадь в великолепной форме. Никогда в жизни она не шла так хорошо, как сегодня. Приношу вам тысячу извинений за то, что усомнился в вас. Вы оказали мне величайшую услугу, вернув жеребца. Еще большую услугу вы мне окажете, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

— Я его нашел,— спокойно сказал Холмс.

Полковник и я в изумлении раскрыли глаза.

— Нашли убийцу! Так где же он?

— Он здесь.

— Здесь! Где же?

— В настоящую минуту я имею честь паходиться в его обществе.

Полковник вспыхнул.

— Я понимаю, мистер Холмс, что многим обязап вам, но эти слова я могу воспринять только как чрезвычайно неудачную шутку или как оскорбление.

Холмс расхохотался.

— Ну что вы, полковник, у меня и в мыслях не было, что вы причастны к преступлению! Убийца собственной персоной стоит у вас за спиной.

Он шагнул вперед и положил руку па лоснящуюся холку скакуна.

— Убийца — лошадь! — в один голос вырвалось у нас с полковником.

— Да, лошадь. Но вину Серебряного смягчает то, что он совершил убийство из самозащиты и что Джон Стрэкер был совершенно недостоин вашего доверия. Но отложим подробный рассказ до более подходящей минуты. В следующем забеге я надеюсь немного выиграть.

Возвращаясь вечером того дня домой в купе пульмановского вагона, мы не заметили, как поезд привез нас в Лондон,— с таким интересом слушали мы с полковником рассказ о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью и как Холмс разгадал тайну.

— Должен признаться,— говорил Холмс,— что все версии, которые я составил на основании газетных сообщений, оказались ошибочными. А ведь можно было, даже исходя из них, нащупать вехи, если бы не ворох подробностей, которые газеты спешили обрушить на головы читателей. Я приехал в Девоншир с уверенностью, что преступник — Фицрой Симпсон, хоть и понимал, что улики против него очень неубедительны. Только когда мы подъехали к домику Стрэкера, я осознал важность того обстоятельства, что на ужин в тот вечер была баранина под чесночным соусом. Вы, вероятно, помните мою рассеянность — все вышли из коляски, а я продолжал сидеть, ничего не замечая. Так я был поражен, что чуть было не прошел мимо столь очевидной улики.

— Признаться,— прервал его полковник,— я и сейчас не понимаю, при чем здесь эта баранина.

— Она была первым звеном в цепочке моих рассуждений. Порошок опиума вовсе не безвкусен, а запах его не

то чтобы неприятен, но достаточно силен. Если его подсыпать в пищу, человек сразу почувствует и скорее всего есть не станет. Чесночный соус — именно то, что может заглушить запах опиума. Вряд ли можно найти какую-нибудь зависимость между появлением Фицроя Симпсона в тех краях именно в тот вечер с бараниной под чесночным соусом на ужин в семействе Стрэкеров. Остается предположить, что он случайно захватил с собой в тот вечер порошок опиума. Но такая случайность относится уже к области чудес. Так что этот вариант исключен. Значит, Симпсон оказывается вне подозрения, зато в центр внимания попадают Стрэкер и его жена — единственные люди, кто мог выбрать на ужин баранину с чесноком. Опиум подсыпали конюху прямо в тарелку, потому что все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели то же самое блюдо без всяких последствий. Кто-то подсыпал опиум, пока служанка не видела. Кто же? Тогда я вспомнил, что собака молчала в ту ночь. Как вы догадываетесь, эти два обстоятельства теснейшим образом связаны. Из рассказа о появлении Фицроя Симпсона в Кингс-Пайленде явствовало, что в конюшне есть собака, но она почему-то не залаяла и не разбудила спящих на сеновале конюхов, когда в конюшню кто-то вошел и увел лошадь. Несомненно, собака хорошо знала ночного гостя. Я уже был уверен — или, если хотите, почти уверен, — что ночью в конюшню вошел и увел Серебряного Джон Стрэкер. Но какая у него была цель? Явно бесчестная, иначе зачем ему было усыплять собственного помощника? Однако что он задумал? Этого я еще не понимал. Известно немало случаев, когда тренеры ставят большие суммы против своих же лошадей через подставных лиц и с помощью какого-нибудь мошенничества не дают им выиграть. Иногда они подкупают жокея, и тот придерживает лошадь, иногда прибегают к более хитрым и верным приемам. Что хотел сделать Стрэкер? Я надеялся, что содержимое его карманов поможет в этом разобраться. Так и случилось. Вы помните, конечно, тот странный нож, который нашли в руке убитого, нож, которым человек, находясь в здравом уме, никогда бы не воспользовался в качестве оружия, будь то для защиты или для нападения. Это был, как подтвердил наш доктор Уотсон, хирургический инструмент для очень тонких операций. В ту ночь им и должны были проделать одну из таких операций. Вы, разумеется, полковник, знаете, — ведь вы опытный лошади-ник, — что можно проколоть сухожилие на ноге лошади

так искусно, что на коже не останется никаких следов. Лошадь после такой операции будет слегка хромотать, а все припишут хромоту ревматизму или чрезмерным тренировкам, но никому и в голову не придет заподозрить здесь чей-то злой умысел.

— Негодяй! Мерзавец! — вскричал полковник.

— Почувствовав укол пожа, такой горячий жеребец, как Серебряный, взвился бы и разбудил своим криком и мертвого. Нужно было проделать операцию подальше от людей, вот почему Джон Стрэкер и увел Серебряного в поле.

— Я был слеп, как крот! — горячился полковник. — Ну, конечно, для того-то ему и понадобилась свеча, для того-то он и зажигал спичку.

— Несомненно. А осмотр его вещей помог мне установить не только способ, которым он намеревался совершить преступление, но и причины, толкнувшие его на это. Вы, полковник, как человек, хорошо знающий жизнь, согласитесь со мной, что довольно странно носить у себя в бумажнике чужие счета. У всех нас хватает собственных забот. Из этого я заключил, что Стрэкер вел двойную жизнь. Счет показал, что в деле замешана женщина, вкусы которой требуют денег. Как ни щедро вы платите своим слугам, полковник, трудно представить, чтобы они могли платить по двадцать гиней за туалет для своей любовницы. Я незаметно расспросил миссис Стрэкер об этом платье и, удостоверившись, что она его в глаза не видела, записал адрес портнихи. Я был уверен, что, когда покажу ей фотографию Стрэкера, таинственный Дербишир развеется, как дым. Теперь уже клубок стал разматываться легко. Стрэкер завел лошадь в овраг, чтобы огня свечи не было видно. Симпсон, убегая, потерял галстук, Стрэкер увидел его и для чего-то подобрал, может быть, хотел завязать лошади ногу. Спустившись в овраг, он чиркнул спичкой за крупом лошади, но испуганное внезапной вспышкой животное, почувствовавшее к тому же опасность, рванулось прочь и случайно ударило Стрэкера копытом в лоб. Стрэкер, несмотря на дождь, уже успел спрятать плащ, — операция ведь предстояла тонкая. Падая от удара, он поранил себе бедро. Мой рассказ убедителен?

— Невероятно! — воскликнул полковник. — Просто невероятно! Вы как будто все видели собственными глазами!

— И последнее, чтобы поставить точки над *i*. Мне пришлось в голову, что такой осторожный человек, как Стрэкер,

не взялся бы за столь сложную операцию, не попрактиковавшись предварительно. На ком он мог практиковаться в Кингс-Пайленде? Я увидел овец в загоне, спросил конюха, не случилось ли с ними чего в последнее время. Его ответ в точности подтвердил мое предположение. Я даже сам удивился.

— Теперь я понял все до конца, мистер Холмс!

— В Лондоне я зашел к портнихе и показал ей фотографию Стрэкера. Она сразу же узнала его, сказала, что это один из ее постоянных клиентов и зовут его мистер Дербишир. Жена у него большая модница и обожает дорогие туалеты. Не сомневаюсь, что он влез по уши в долги и решил на преступление именно из-за этой женщины.

— Вы не объяснили только одного, — сказал полковник, — где была лошадь?

— Ах, лошадь... Она убежала, и ее приютил один из ваших соседей. Думаю, мы должны проявить к нему снисхождение. Мы сейчас проезжаем Клэпем, не так ли? Значит, до вокзала Виктории минут десять. Если вы зайдете к нам выкурить сигару, полковник, я с удовольствием дополню свой рассказ интересующими вас подробностями.

ЖЕЛТОЕ ЛИЦО

Вполне естественно, что я, готовя к изданию эти короткие очерки, в основу которых легли те многочисленные случаи, когда своеобразный талант моего друга побуждал меня жадно выслушивать его отчет о какой-нибудь необычной драме, а порой и самому становиться ее участником, что я при этом чаще останавливаюсь на его успехах, чем на неудачах. Я поступаю так не в заботе о его репутации, нет: ведь именно тогда, когда задача ставила его в тупик, он особенно удивлял меня своей энергией и многогранностью дарования. Я поступаю так по той причине, что там, где Холмс терпел неудачу, слишком часто оказывалось, что и никто другой не достиг успеха, и тогда рассказ оставался без развязки. Временами, однако, случалось и так, что мой друг заблуждался, а истина все же бывала раскрыта. У меня записано пять-шесть случаев этого рода, и среди них наиболее яркими и занимательными представляются два — дело о втором пятне и та история, которую я собираюсь сейчас рассказать.

Шерлок Холмс редко когда занимался тренировкой ради тренировки. Немного найдется людей, в большей мере способных к напряжению всей своей мускульной силы, и в своем весе он был бесспорно одним из лучших боксеров, каких я только знал; но в бесцельном напряжении телесной силы он видел напрасную трату энергии, и его, бывало, с места не сдвинешь, кроме тех случаев, когда дело касалось его профессии. Вот тогда он бывал совершенно неутомим и неотступен, хотя, казалось бы, для этого требовалась постоянная и неослабная тренировка; но, правда, он всегда соблюдал крайнюю умеренность в еде и в своих привычках был до строгости прост. Он не был привержен ни к каким порокам, а если изредка и прибегал к кокаину, то разве что в порядке протеста против однообразия жизни, когда загадочные случаи становились редки и газеты не предлагали ничего интересного.

Как-то ранней весной он был в такой расслабленности, что пошел со мною днем прогуляться в парк. На вязах только еще пробивались первые хрупкие зеленые побеги,

а клейкие копьевидные почки каштанов уже пачали разворачиваться в пятиперстные листики. Два часа мы прохаживались вдвоем, большей частью молча, как и пристало двум мужчинам, превосходно знающим друг друга. Было около пяти, когда мы вернулись на Бейкер-стрит.

— Разрешите доложить, сэр, — сказал наш мальчик-лакеей, открыв нам дверь. — Тут приходил один джентльмен, спрашивал вас, сэр.

Холмс посмотрел на меня с упреком.

— Вот вам и погуляля среди дня! — сказал он. — Так он ушел, этот джентльмен?

— Да, сэр.

— Ты не предлагал ему зайти?

— Предлагал, сэр, он заходил и ждал.

— Долго он ждал?

— Полчаса, сэр. Очень был беспокойный джентльмен, сэр, он все расхаживал, пока был тут, притопывал ногой. Я ждал за дверью, сэр, и мне все было слышно. Наконец он вышел в коридор и крикнул: «Что же, он так никогда и не придет, этот человек?» Это его точные слова, сэр. А я ему: «Вам только надо подождать еще немного». — «Так я, — говорит, — подожду на свежем воздухе, а то я просто задыхаюсь! Немного погодя зайду еще раз». — С этим он встал и ушел, и, что я ему ни говорил, его никак было не удержать.

— Хорошо, хорошо, ты сделал что мог, — сказал Холмс, проходя со мной в нашу общую гостиную. — Как все-таки досадно получилось, Уотсон! Мне позарез нужно какое-нибудь интересное дело, а это, видно, такое и есть, судя по нетерпению джентльмена. Эге! Трубка на столе не ваша! Значит, это он оставил свою. Хорошая старая трубка из корня вереска с длинным чубуком, какой в табачных магазинах именуется янтарным. Хотел бы я знать, сколько в Лондоне найдется чубуков из настоящего янтара! Иные думают, что признаком служит муха. Возникла, знаете, целая отрасль промышленности — вводить поддельную муху в поддельный янтарь. Он был, однако, в сильном расстройстве, если забыл здесь свою трубку, которой явно очень дорожит.

— Откуда вы знаете, что он очень ею дорожит? — спросил я.

— Такая трубка стоит новая семь с половиной шиллингов. А между тем она, как вы видите, дважды побывала в

починке: один раз чинилась деревянная часть, другой — интарная. Починка, заметьте, оба раза стоила дороже самой трубки — здесь в двух местах перехвачено серебряным кольцом. Человек должен очень дорожить трубкой, если предпочитает дважды чинить ее, вместо того чтобы купить за те же деньги новую.

— Что-нибудь еще? — спросил я, видя, что Холмс вертит трубку в руке и задумчиво, как-то по-своему ее разглядывает. Он высоко поднял ее и постукивал по ней длинным и тонким указательным пальцем, как мог бы профессор, читая лекцию, постукивать по кости.

— Трубки бывают обычно очень интересны, — сказал он. — Ничто другое не заключает в себе столько индивидуального, кроме, может быть, часов да шнурков на ботинках. Здесь, впрочем, указания не очень выраженные и не очень значительные. Владелец, очевидно, крепкий человек с отличными зубами, левша, неаккуратный и не должен наводить экономию.

Мой друг бросал эти сведения небрежно, как бы вскользь, но я видел, что он скопил на меня взгляд, проверяя, слежу ли я за его рассуждением.

— Вы думаете, человек не стеснен в деньгах, если он курит трубку за семь шиллингов? — спросил я.

— Он курит grosvenорскую смесь по восемь пенсов унция, — ответил Холмс, побарабанив по головке трубки и выбив на ладонь немного табаку. — А ведь можно и за половину этой цены купить отличный табак — значит, ему не приходится наводить экономию.

— А прочие пункты?

— Он имеет привычку прикуривать от лампы и газовой горелки. Вы видите, что трубка с одного боку сильно обуглилась. Спичка этого, конечно, не наделала бы. С какой стати станет человек, разжигая трубку, держать спичку сбоку? А вот прикурить от лампы вы не сможете, не опалив головки. И опалена она с правой стороны. Отсюда я вывожу, что ее владелец левша. Попробуйте сами прикурить от лампы и посмотрите, как, естественно, будучи правой, вы поднесете трубку к огню левой ее стороной. Иногда вы, может быть, сделаете и наоборот, но не будете так поступать из раза в раз. Эту трубку постоянно подносили правой стороной. Далее, смотрите, он прогрыз интарную насковзь. Это может сделать только крепкий, энергичный человек, да еще с отличными зубами. Но, кажется, я слы-

шу на лестнице его шаги, так что нам будет что рассмотреть поинтересней трубки.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и в комнату вошел высокий молодой человек. На нем был отличный, но не броский темно-серый костюм, и в руках он держал коричневую фетровую шляпу с широкими полями. Выглядел он лет на тридцать, хотя на самом деле был, должно быть, старше.

— Извините,— начал он в некотором смущении.— Полагаю, мне бы следовало постучать. Да, конечно, следовало... Понимаете, я несколько расстроен, тем и объясняется...— Он провел рукой по лбу, как делает человек, когда он сильно не в себе, и затем не сел, а скорее упал на стул.

— Я вижу, что вы ночи две не спали,— сказал Холмс в спокойном, сердечном тоне.— Это изматывает человека больше, чем работа, и даже больше, чем наслаждение. Разрешите спросить, чем могу вам помочь?

— Мне нужен ваш совет, сэр. Я не знаю, что мне делать, все в моей жизни пошло прахом.

— Вы хотели бы воспользоваться моими услугами сыщика-консультанта?

— Не только. Я хочу услышать от вас мнение рассудительного человека... и человека, знающего свет. Я хочу понять, что мне теперь делать дальше. Я так надеюсь, что вы что-то мне посоветуете.

Он не говорил, а выпаливал резкие, отрывочные фразы, и мне казалось, что говорить для него мучительно и что он все время должен превозмогать себя усилием воли.

— Дело это очень щепетильное,— продолжал он.— Никто не любит говорить с посторонними о своих семейных делах. Ужасно, знаете, обсуждать поведение своей жены с людьми, которых ты видишь в первый раз. Мне противно, что я вынужден это делать! Но я больше не в силах терпеть, и мне нужен совет.

— Мой милый мистер Грэнт Манро...— начал Холмс.

Наш гость вскочил со стула.

— Как! — вскричал он.— Вы знаете мое имя?

— Если вам желательно сохранять инкогнито,— сказал с улыбкой Холмс,— я бы вам посоветовал отказаться от обыкновения проставлять свое имя на подкладке шляпы или уж держать ее тульей к собеседнику. Я как раз собирался объяснить вам, что мы с моим другом выслушали в этой комнате немало странных тайн и что мы имели счастье ввести мир во многие встревоженные души. Надеюсь,

нам удастся сделать то же и для вас. Я попрошу вас, поскольку время может оказаться дорого, не тянуть и сразу изложить факты.

Наш гость опять провел рукой по лбу, как будто исполнить эту просьбу ему было до боли тяжело. По выражению его лица и по каждому жесту я видел, что он сдержанный, замкнутый человек, склонный скорее прятать свои раны, нежели чванливо выставлять их напоказ. Потом он вдруг взмахнул стиснутым кулаком, как бы отметаая прочь всю сдержанность, и начал:

— Факты эти таковы, мистер Холмс. Я женатый человек, и женат я три года. Все это время мы с женой искренне любили друг друга и были очень счастливы в нашей брачной жизни. Никогда у нас не было ни в чем разлада — ни в мыслях, ни в словах, ни на деле. И вот в этот понедельник между нами вдруг возник барьер: я открываю, что в ее жизни и в ее мыслях есть что-то, о чем я знаю так мало, как если б это была не она, а та женщина, что метет улицу перед нашим домом. Мы сделались чужими, и я хочу знать, почему.

Прежде, чем рассказывать дальше, я хочу, чтобы вы твердо знали одно, мистер Холмс: Эффи любит меня. На этот счет пусть у вас не будет никаких сомнений. Она любит меня всем сердцем, всей душой и никогда не любила сильнее, чем теперь. Я это знаю, чувствую. Этого я не желаю обсуждать. Мужчина может легко различить, любит ли его женщина. Но между нами легла тайна, и не пойдет у нас по-прежнему, пока она не разъяснится.

— Будьте любезны, мистер Манро, излагайте факты, — сказал Холмс с некоторым нетерпением.

— Я сообщу вам, что мне известно о прошлой жизни Эффи. Она была вдовой, когда мы с нею встретились, хотя и совсем молодою — ей было двадцать пять. Звали ее тогда миссис Хеброн. В юности она уехала в Америку, и жила она там в городе Атланте, где и вышла замуж за этого Хеброна, адвоката с хорошей практикой. У них был ребенок, но потом там вспыхнула эпидемия желтой лихорадки и унесла обоих — мужа и ребенка. Я видел сам свидетельство о смерти мужа. После этого Америка ей опротивела, она вернулась на родину и стала жить с теткой, старой девицей, в Мидлсексе, в городе Пиннере. Пожалуй, следует упомянуть, что муж не оставил ее без средств: у нее был небольшой капитал — четыре с половиной тысячи фунтов, которые он так удачно поместил, что она получала в среднем

семь процентов. Она прожила в Пиннере всего полгода, когда я встретился с пей. Мы полюбили друг друга и через несколько недель поженились.

Сам я веду торговлю хмелем, и, так как мой доход составляет семь-восемь сотен в год, мы живем не нуждаясь, снимаем виллу в Норбери за восемьдесят фунтов в год. У нас там совсем по-дачному, хоть это и близко от города. Рядом с нами, цемного дальше по шоссе, гостиница и еще два дома, прямо перед нами — поле, а по ту сторону его — одинокий коттедж; и, помимо этих домов, никакого жилья ближе, чем на полпути до станции. Выпадают такие месяцы в году, когда дела держат меня в городе, но летом я бываю более или менее свободен, и тогда мы с женою в нашем загородном домике так счастливы, что лучшего и желать нельзя. Говорю вам, между нами пикогда не было никаких размолвок, пока не началась эта проклятая история.

Одну вещь я вам должен сообщить, прежде чем стану рассказывать дальше. Когда мы поженились, моя жена перевела на меня свое состояние — в сущности, вопреки моей воле, потому что я понимаю, как неудобно это может обернуться, если мои дела пойдут под уклон. Но так она захотела, и так было сделано. И вот шесть недель тому назад она вдруг говорит мне:

«Джек, когда ты брал мои деньги, ты сказал, что когда бы они мне ни понадобились, мне довольно будет просто попросить».

«Конечно, — сказал я, — они твои».

«Хорошо, — сказала она, — мне нужно сто фунтов».

Я опешил — я думал, ей понадобилось на новое платье или что-нибудь в этом роде.

«Зачем тебе вдруг?» — спросил я.

«Ах, — сказала она шаловливо, — ты же говорил, что ты только мой банкир, а банкиры, знаешь, никогда не спрашивают».

«Если тебе в самом деле пужны эти деньги, ты их, конечно, получишь», — сказал я.

«Да, в самом деле нужны».

«И ты мне не скажешь, на что?»

«Может быть, когда-нибудь и скажу, но только, Джек, не сейчас».

Пришлось мне этим удовольствоваться, хотя до сих пор у нас никогда не было друг от друга никаких секретов. Я выписал ей чек и больше об этом деле не думал. Может

быть, оно и не имеет никакого отношения к тому, что произошло потом, но я посчитал правильным рассказать вам о нем.

Так вот, как я уже упоминал, неподалеку от нас стоит коттедж. Нас от него отделяет только поле, но, чтобы добраться до него, надо сперва пройти по шоссе, а потом свернуть по проселку. Сразу за коттеджем славный сосновый борок, я люблю там гулять, потому что среди деревьев всегда так приятно. Коттедж последние восемь месяцев стоял пустой, и было очень жаль, потому что это прекрасный двухэтажный домик с крыльцом на старинный манер и живописью вокруг. Я, бывало, останавливался перед этим коттеджем и думаю, как мило можно бы в нем устроиться.

Так вот в этот понедельник вечером я пошел погулять в свой любимый борок, когда на проселке мне встретился возвращающийся пустой фургон, а на лужайке возле крыльца я увидел груды ковров и разных вещей. Было ясно, что коттедж наконец кто-то снял. Я прохаживался мимо, останавливался, как будто от нечего делать, — стою, оглядываю дом, любопытствуя, что за люди поселились так близко от нас. И вдруг вижу в одном из окон второго этажа чье-то лицо, уставившееся прямо на меня.

Не знаю, что в нем было такого, мистер Холмс, только у меня мороз пробежал по спине. Я стоял в отдалении, так что не мог разглядеть черты, но было в этом лице что-то неестественное, нечеловеческое. Такое создалось у меня впечатление. Я быстро подошел поближе, чтобы лучше разглядеть следившего за мной. Но едва я приблизился, лицо вдруг скрылось — и так внезапно, что оно, показалось мне, нырнуло во мрак комнаты. Я постоял минут пять, думая об этой истории и стараясь разобраться в своих впечатлениях. Я не мог даже сказать, мужское это было лицо или женское. Больше всего меня поразило его цвет. Оно было мертвенно-желтое с лиловыми тенями и какое-то застывшее, отчего и казалось таким жутко неестественным. Я до того расстроился, что решил узнать немного больше о новых жильцах. Я подошел и постучался в дверь, и мне тут же открыла худая высокая женщина с неприветливым лицом.

«Чего вам надо?» — спросила она с шотландским акцентом.

«Я ваш сосед, вою из того дома, — ответил я, кивнув на нашу виллу. — Вы, я вижу, только что приехали, я и подумал, не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен».

«Эге! Когда попадобитесь, мы сами вас попросим», — сказала она и хлопнула дверью у меня перед носом.

Рассердясь на такую грубость, я повернулся и пошел домой. Весь вечер, как ни старался я думать о другом, я не мог забыть призрака в окне и ту грубую женщину. Я решил ничего жене не рассказывать — она нервная, впечатлительная женщина, и я не хотел делиться с нею неприятным переживанием. Все же перед сном я как бы невзначай сказал ей, что в коттедже появились жильцы, на что она ничего не ответила.

Я вообще сплю очень крепко. В семье у нас постоянно шутили, что ночью меня пушкой не разбудишь; но почему-то как раз в эту ночь — потому ли, что я был немного возбужден своим маленьким приключением, или по другой причине, не знаю, — только спал я не так крепко, как обычно. Я смутно сознавал сквозь сон, что в комнате что-то происходит, и понемногу до меня дошло, что жена стоит уже в платье и потихоньку надевает пальто и шляпу. Мои губы шевельнулись, чтобы пробормотать сквозь сон какие-то слова педоумения или упрека за эти несвоевременные сборы, когда, вдруг приоткрыв глаза, я посмотрел на ее озабоченное свечой лицо, и у меня отнялся язык от изумления. Никогда раньше я не видел у нее такого выражения лица — я даже и не думал, что ее лицо может быть таким. Она была мертвенно-бледна, дышала учащенно и, застегивая пальто, украдкой косилась на кровать, чтобы проверить, не разбудила ли меня. Потом, решив, что я все-таки сплю, она бесшумно выскользнула из комнаты, и секундой позже раздался резкий скрип, какой могли произвести только петли парадных дверей. Я приподнялся в постели, потер кулаком о железный край кровати, чтобы убедиться, что это не сон. Потом я достал часы из-под подушки. Они показывали три пополуночи. Что на свете могло понадобиться моей жене в этот час на шоссе́йной дороге?

Я просидел так минут двадцать, перебирая это все в уме и стараясь подыскать объяснение. Чем больше я думал, тем это дело представлялось мне необычайней и необъяснимей. Я еще ломал над ним голову, когда опять послышался скрип петель внизу, и затем по лестнице раздались ее шаги.

«Господи, Эффи, где это ты была?» — спросил я, как только она вошла.

Она задрожала и вскрикнула, когда я заговорил, и этот сдавленный крик и дрожь напугали меня больше, чем все

остальное, потому что в них было что-то невыразимо впопыхатое. Моя жена всегда была женщиной прямого и открытого нрава, но я похолодел, когда увидел, как она украдкой пробирается к себе же в спальню и дрожит оттого, что муж заговорил с ней.

«Ты не спишь, Джек? — вскрикнула она с первным смешком. — Смотри, а я-то думала, тебя ничем не разбудишь».

«Где ты была?» — спросил я строго.

«Так, понятно, что это тебя удивляет, — сказала она, и я видел, что пальцы ее дрожат, расстегивая пальто. — Я и сама не припомню, чтобы когда-нибудь прежде делала такую вещь. Понимаешь, мне вдруг стало душно, и меня прямо-таки неодолимо потянуло подышать свежим воздухом. Право, мне кажется, у меня был бы обморок, если бы я не вышла на воздух. Я постояла несколько минут в дверях, и теперь я совсем отдышалась».

Рассказывая мне эту историю, она ни разу не поглядела в мою сторону, и голос был у нее точно не свой. Мне стало ясно, что она говорит неправду. Я ничего не сказал в ответ и уткнулся лицом в стенку с чувством дурноты и с тысячью ядовитых подозрений и сомнений в голове. Что скрывает от меня жена? Где она побывала во время своей странной прогулки? Я чувствовал, что не найду покоя, пока этого не узнаю, и все-таки мне претило спрашивать дальше после того, как она уже раз солгала. До конца ночи я каплял и ворочался с боку на бок, строя догадку за догадкой, одна другой невероятнее.

Назавтра мне нужно было ехать в город, но я был слишком взбудоражен и даже думать не мог о делах. Моя жена была, казалось, расстроена не меньше, чем я, и по ее быстрым вопросительным взглядам, которые она то и дело бросала на меня, я видел: она поняла, что я не поверил ее объяснению, и прикидывает, как ей теперь быть. За первым завтраком мы едва обменялись с ней двумя-тремя словами, затем я сразу вышел погулять, чтобы собраться с мыслями на свежем утреннем воздухе.

Я дошел до Хрустального Дворца, просидел там целый час в парке и вернулся в Норбери в начале второго. Случилось так, что на обратном пути мне пужно было пройти мимо коттеджа, и я остановился на минутку посмотреть, не покажется ли опять в окошке то странное лицо, что глядело на меня накануне. Я стою и смотрю, и вдруг — образите себе мое удивление, мистер Холмс, — дверь открывается, и выходит моя жена!

Я онемел при виде ее, но мое волнение было ничто перед тем, что отразилось на ее лице, когда глаза наши встретились. В первую секунду она как будто хотела шмыгнуть обратно в дом; потом, поняв, что всякая попытка спрятаться будет бесполезна, она подошла ко мне с побелевшим лицом и с испугом в глазах, не вязавшимся с ее улыбкой.

«Ах, Джек,— сказала она,— я заходила сейчас туда спросить, не могу ли я чем-нибудь помочь нашим новым соседям. Что ты так смотришь на меня, Джек? Ты на меня сердись?»

«Так! — сказал я. — Значит, вот куда ты ходила ночью?»

«Что ты говоришь!» — закричала она.

«Ты ходила туда. Я уверен. Кто эти люди, что ты должна павенцать их в такой час?»

«Я не бывала там раньше».

«Как ты можешь утверждать вот так заведомую ложь? — закричал я. — У тебя и голос меняется, когда ты это говоришь. Когда у меня бывали от тебя секреты? Я сейчас же войду в дом и узнаю, в чем дело».

«Нет, ист, Джек, ради бога!» — У нее осекся голос, она была сама не своя от волнения. Когда же я подошел к дверям, она судорожно схватила меня за рукав и с неожиданной силой оттащила прочь.

«Умоляю тебя, Джек, не делай этого, — кричала она. — Клянусь, я все тебе расскажу когда-нибудь, но если ты сейчас войдешь в коттедж, ничего из этого не выйдет, кроме горя». — А потом, когда я попробовал ее отпихнуть, она прижалась ко мне с иступленной мольбой.

«Верь мне, Джек! — кричала она. — Поверь мне на этот только раз! Я никогда не дам тебе повода пожалеть об этом. Ты знаешь, я не стала бы ничего от тебя скрывать иначе, как ради тебя самого. Дело идет о всей нашей жизни. Если ты сейчас пойдешь со мной домой, все будет хорошо. Если ты влочишься в этот коттедж, у нас с тобой все будет испорчено».

Она говорила так убежденно, такое отчаяние чувствовалось в ее голосе и во всей манере, что я остановился в нерешительности перед дверью.

«Я поверю тебе на одном условии — и только на одном, — сказал я наконец, — с этой минуты между нами никаких больше тайн! Ты вольна сохранить при себе свой секрет, но ты обещаешь мне, что больше не будет ночных хождений в гости, ничего такого, что нужно от меня скрывать. Я согласен простить то, что уже в прошлом, если ты

даешь мне слово, что в будущем ничего похожего не повторится».

«Я знала, что ты мневеришь,— сказала она и вздохнула с облегчением.— Все будет, как ты пожелаешь. Уйдем же, ах, уйдем от этого дома!» — Все еще цепко держась за мой рукав, она увела меня прочь от коттеджа.

Я оглянулся на ходу — из окна на втором этаже за нами следило то желтое, мертвенное лицо. Что могло быть общего у этой твари и моси жены? И какая могла быть связь между Эффи и той простой грубой женщиной, которую я видел накануне? Даже странно было спрашивать, и все-таки я знал, что у меня не будет спокойно на душе, покуда я не разрешу загадку.

Два дня после этого я сидел дома и моя жена как будто честно соблюдала наш уговор; во всяком случае, насколько мне было известно, она даже не выходила из дому. Но на третий день я получил прямое доказательство, что ее торжественного обещания было недостаточно, чтобы пересилить то тайное воздействие, которое отвлекало ее от мужа и долга.

В тот день я поехал в город, но вернулся поездом не три тридцать шесть, как обычно, а пораньше — поездом два сорок. Когда я вошел в дом, наша служанка вбежала в переднюю с перепуганным лицом.

«Где хозяйка?» — спросил я.

«А она вышла погулять», — ответила девушка.

В моей голове сейчас же зародились подозрения. Я побежал наверх удостовериться, что ее и в самом деле нет дома. Наверху я случайно посмотрел в окно и увидел, что служанка, с которой я только что разговаривал, бежит через поле напрямик к коттеджу. Я, конечно, сразу понял, что все это означает: моя жена пошла туда и попросила служанку вызвать ее, если я вернусь. Дрожая от бешенства, я сбежал вниз и помчался туда же, решив раз и навсегда положить конец этой истории. Я видел, как жена со служанкой бежали вдвоем по проселку, но я не стал их останавливать. То темное, что омрачало мою жизнь, затаилось в коттедже. Я дал себе слово: что бы ни случилось потом, но тайна не будет больше тайной. Подойдя к дверям, я даже не постучался, а прямо повернул ручку и ворвался в коридор.

На первом этаже было тихо и мирно. В кухне носившийся на огне котелок, и большая черная кошка лежала, свернувшись клубком, в корзинке; но нигде и следа той

женщины, которую я видел в прошлый раз. Я кидаюсь из кухни в комнату — и там никого. Тогда я взбежал по лестнице и убедился, что и в верхних двух комнатах пусто и пет никого. Во всем доме ни души! Мебель и картины были самого пошлого, грубого пошиба, кроме как в одной-единственной комнате — той, в окне которой я видел то странное лицо. Здесь было уютно и изящно, и мои подозрения разгорелись яростным, злым огнем, когда я увидел, что там стоит на камине карточка моей жены: всего три месяца тому назад она по моему настоянию снялась во весь рост, и это была та самая фотография!

Я пробыл в доме довольно долго, пока не убедился, что там и в самом деле пет никого. Потом я ушел, и у меня было так тяжело на сердце, как никогда в жизни. Жена встретила меня в передней, когда я вернулся домой, но я был так оскорблен и рассержен, что не мог с ней говорить, и пронесся мимо нее прямо к себе в кабинет.

Она, однако, вошла следом за мной, не дав мне даже времени закрыть дверь.

«Мне очень жаль, что я нарушила обещание, Джек, — сказала она, — но если бы ты знал все обстоятельства, ты, я уверена, простил бы меня».

«Так расскажи мне все», — говорю я.

«Я не могу, Джек, не могу!» — закричала она.

«Пока ты мне не скажешь, кто живет в коттедже и кому это ты подарила свою фотографию, между нами больше не может быть никакого доверия», — ответил я и, вырвавшись от нее, ушел из дому.

— Это было вчера, мистер Холмс, и с того часа я ее не видел и не знаю больше ничего об этом странном деле. В первый раз легла между нами тень, и я так потрясен, что не знаю, как мне теперь вернее всего поступить. Вдруг сегодня утром меня осенило, что если есть на свете человек, который может дать мне совет, так это вы, и вот я поспешил к вам и безоговорочно отдаюсь в ваши руки. Если я что-нибудь изложил неясно, пожалуйста, спрашивайте. Но только скажите скорей, что мне делать, потому что я больше не в силах терпеть эту муку.

Мы с Холмсом с неослабным вниманием слушали эту необыкновенную историю, которую он нам рассказывал отрывисто, надломленным голосом, как говорят в минуту сильного волнения. Мой товарищ сидел некоторое время молча, подперев подбородок рукой и весь уйдя в свои мысли.

— Скажите, — спросил он наконец, — вы могли бы сказать под присягой, что лицо, которое вы видели в окне, было лицом человека?

— Оба раза, что я его видел, я смотрел на него издали, так что сказать это наверное я никак не могу.

— И, однако же, оно явно произвело на вас неприятное впечатление.

— Его цвет казался неестественным, и в его чертах была странная неподвижность. Когда я подходил ближе, оно как-то рывком исчезало.

— Сколько времени прошло с тех пор, как жена попросила у вас сто фунтов?

— Почти два месяца.

— Вы когда-нибудь видели фотографию ее первого мужа?

— Нет, в Атланте вскоре после его смерти произошел большой пожар, и все ее бумаги сгорели.

— Но все-таки у нее оказалось свидетельство о его смерти. Вы сказали, что вы его видели.

— Да, она после пожара выправила дубликат.

— Вы хоть раз встречались с кем-нибудь, кто был с ней знаком в Америке?

— Нет.

— Она когда-нибудь заговаривала о том, чтобы съездить туда?

— Нет.

— Не получала оттуда писем?

— Насколько мне известно, — нет.

— Благодарю вас. Теперь я хотел бы немножко подумать об этом деле. Если коттедж оставлен навсегда, у нас могут возникнуть некоторые трудности; если только на время, что мне представляется более вероятным, то это значит, что жильцов вчера предупредили о вашем приходе, и они успели скрыться, — тогда, возможно, они уже вернулись, и мы все это легко выясним. Я вам посоветую: возвращайтесь в Норбери и еще раз осмотрите снаружи коттедж. Если вы убедитесь, что он обитаем, не врываются сами в дом, а только дайте телеграмму мне и моему другу. Получив ее, мы через час будем у вас, а там мы очень скоро дознаемся, в чем дело.

— Ну, а если в доме все еще никого нет?

— В этом случае я приеду завтра, и мы с вами обсудим, как быть. До свидания, и главное — не волнуйтесь,

пока вы не узнали, что вам в самом деле есть из-за чего волноваться.

— Боюсь, дело тут скверное, Уотсон,— сказал мой товарищ, когда, проводив мистера Грэнт Манро до дверей, он вернулся в наш кабинет.— Как оно вам представляется?

— Грязная история,— сказал я.

— Да. И подоплекой здесь шантаж, или я жестоко ошибаюсь.

— А кто шантажист?

— Не иначе, как та тварь, что живет в единственной уютной комнате коттеджа и держит у себя эту фотографию на камине. Честное слово, Уотсон, есть что-то очень завлекательное в этом мертвенном лице за окном, и я бы никак не хотел прохлопать этот случай.

— Есть у вас своя гипотеза?

— Пока только первая пометка. Но я буду очень удивлен, если она окажется неверной. В коттедже — первый муж этой женщины.

— Почему вы так думаете?

— Чем еще можно объяснить ее безумное беспокойство, как бы туда не вошел второй? Факты, как я их читаю, складываются примерно так. Женщина выходит в Америке замуж. У ее мужа обнаруживаются какие-то нестерпимые свойства, или, скажем, его поражает какая-нибудь скверная болезнь — он оказывается прокаженным или душевнобольным. В конце концов она сбегает от него, возвращается в Англию, меняет имя и начинает, как ей думается, строить жизнь сызнова. Она уже три года замужем за другим и полагает себя в полной безопасности — мужу она показала свидетельство о смерти какого-то другого человека, чье имя она и приняла, — как вдруг ее местопребывание становится известно ее первому мужу или, скажем, какой-нибудь не слишком разборчивой женщине, связавшейся с больным. Они пишут жене и грозятся приехать и вывести ее на чистую воду. Она просит сто фунтов и пробует откупиться от них. Они все-таки приезжают, и, когда муж в разговоре с женой случайно упоминает, что в коттедже поселились новые жильцы, она по каким-то признакам догадывается, что это ее преследователи. Она ждет, пока муж заснет, и затем кидается их уговаривать, чтоб они уехали. Ничего не добившись, она на другой день с утра отпрашивается к ним опять, и муж, как он нам это рассказал, встречает ее в ту минуту, когда она выходит от них. Тогда она обещает ему больше туда не ходить, но через

два дня, не устояв перед надеждой навсегда избавиться от страшных соседей, она предпринимает новую попытку, прихватив с собою фотографию, которую, возможно, они вытребовали у нее. В середине переговоров прибегает служанка с сообщением, что хозяин уже дома, и тут же, понимая, что он пойдет сейчас прямо в коттедж, выпроваживает его обитателей через черный ход — вероятно, в тот сосновый борок, о котором здесь упоминалось. Муж приходит — и застаёт жилище пустым. Я, однако ж, буду крайне удивлен, если он и сегодня найдет его пустым, когда выйдет вечером в рекогносцировку. Что вы скажете об этой гипотезе?

— В ней все предположительно.

— Зато она увязывает все факты. Когда нам станут известны новые факты, которые не уложатся в наше построение, тогда мы успеем ее пересмотреть. В ближайшее время мы ничего не можем начать, пока не получим новых известий из Норбери.

Долго нам ждать не пришлось. Телеграмму принесли, едва мы отпили чай. «В коттедже еще живут,— гласила она.— Опять видел в окне лицо. Приду встречать к поезду семь ноль-ноль и до вашего прибытия ничего предпринимать не стану».

Когда мы вышли из вагона, Грэнт Манро ждал нас на платформе, и при свете станционных фонарей нам было видно, что он очень бледен и дрожит от волнения.

— Они еще там, мистер Холмс,— сказал он, ухватив моего друга за рукав.— Я, когда шел сюда, видел в коттедже свет. Теперь мы с этим покончим раз и навсегда.

— Какой же у вас план? — спросил мой друг, когда мы пошли по темной, обсаженной деревьями дороге.

— Я силой вломлюсь в дом и увижу сам, кто там есть. Вас двоих я попросил бы быть при этом свидетелями.

— Вы твердо решились так поступить, несмотря на предостережения вашей жены, что для вас же лучше не раскрывать ее тайну?

— Да, решился.

— Что ж, вы, пожалуй, правы. Правда, какова бы она ни была, лучше неопределенности и подозрений. Предлагаю отправиться сразу же. Конечно, пред лицом закона мы этим поставим себя в положение виновных, но, я думаю, стоит пойти на риск.

Ночь была очень темная, и начал сеять мелкий дождик, когда мы свернули с шоссе на узкий, в

глубоких колеях проселок, пролегший между двух рядов живой изгороди. Мистер Грэнт Манро в нетерпении чуть не бежал, и мы, хоть и спотыкаясь, старались не отстать от него.

— Это огни моего дома,— сказал он угрюмо, указывая на мерцающий сквозь деревья свет,— а вот коттедж, и сейчас я в него войду!

Проселок в этом месте сворачивал. У самого поворота стоял домик. Желтая полоса света на черной земле перед нами показывала, что дверь приоткрыта, и одно окно на втором этаже было ярко освещено. Мы поглядели и увидели движущееся по шторе темное пятно.

— Она там, эта тварь! — закричал Грэнт Манро.— Вы видите сами, что там кто-то есть. За мной, и сейчас мы все узнаем!

Мы подошли к двери, но вдруг из черноты выступила женщина и встала в золотой полосе света, падавшего от лампы. В темноте я не различал ее лица, но ее протянутые руки выражали мольбу.

— Ради бога, Джек, остановись! — закричала она.— У меня было предчувствие, что ты придешь сегодня вечером. Не думай ничего дурного, дорогой! Поверь мне еще раз, и тебе никогда не придется пожалеть об этом.

— Я слишком долго верил тебе, Эффи! — сказал он строго.— Пусти! Я все равно войду. Я и мои друзья, мы решили покончить с этим раз и навсегда.

Он отстранил ее, и мы, не отставая, последовали за ним. Едва он распахнул дверь, прямо на него выбежала пожилая женщина и попыталась застучать ему дорогу, но он оттолкнул ее, и мгновением позже мы все трое уже поднимались по лестнице. Грэнт Манро влетел в освещенную комнату второго этажа, а за ним и мы.

Комната была уютная, хорошо обставленная, на столе горели две свечи и еще две на камине. В углу, согнувшись над письменным столом, сидела маленькая девочка. Ее лицо, когда мы вошли, было повернуто в другую сторону, мы разглядели только, что она в красном платье и длинных белых перчатках. Когда она живо кинулась к нам, я вскрикнул от ужаса и неожиданности. Она обратила к нам лицо самого странного мертвенного цвета, и его черты были лишены всякого выражения. Мгновением позже загадка разрешилась. Холмс со смехом провел рукой за ухом девочки, маска соскочила, и угольно-черная негрятяпочка засверкала всеми своими белыми зубками, весело смеясь

пад нашим удивленным видом. Разделяя ее веселье, громко засмеялся и я, но Гронт Манро стоял, выкатив глаза и схватившись рукой за горло.

— Боже! — закричал он. — Что это значит?

— Я скажу тебе, что это значит, — объявила женщина, вступая в комнату с гордой решимостью на лице. — Ты вынуждаешь меня открыть тебе мою тайну, хоть это и кажется мне неразумным. Теперь давай вместе решать, как нам с этим быть. Мой муж в Атланте умер. Мой ребенок остался жив.

— Твой ребенок!

Она достала спрятанный на груди серебряный медальон.

— Ты никогда не заглядывал внутрь.

— Я думал, что он не открывается.

Она нажала пружину, и передняя створка медальона отскочила. Под ней был портрет мужчины с поразительно красивым и тонким лицом, хотя его черты являли безошибочные признаки африканского происхождения.

— Это Джон Хеброн из Атланты, — сказала женщина, — и не было на земле человека благородней его. Выйдя за него, я оторвалась от своего народа, но, пока он был жив, я ни разу ни на минуту не пожалела о том. Нам не повезло — наш единственный ребенок пошел не в мой род, а больше в его. Это нередко так бывает при смешанных браках, и маленькая Люси куда черней, чем был ее отец. Но черная или белая, она моя родная, моя дорогая маленькая девочка, и мама очень любит ее! — Девочка при этих словах подбежала к ней и зарылась личиком в ее платье.

— Я оставила ее тогда в Америке, — продолжала женщина, — только по той причине, что она еще не совсем поправилась и перемена климата могла повредить ее здоровью. Я отдала ее на попечение преданной шотландки, нашей бывшей служанки. У меня и в мыслях не было отступать от своего ребенка. Но, когда я встретила тебя на своем пути, когда я тебя полюбила, Джек, я не решилась рассказать тебе про своего ребенка. Да простит мне бог, я побоялась, что потеряю тебя, и у меня не хватило мужества все рассказать. Мне пришлось выбирать между вами, и по слабости своей я отвернулась от родной моей девочки. Три года я скрывала от тебя ее существование, но я переносилась с пьяней и знала, что с девочкой все хорошо. Однако в последнее время у меня появилось неодолимое желание увидеть своего ребенка. Я боролась с ним, но напрасно.

И хотя я знала, что это рискованно, я решилась на то, чтоб девочку привезли сюда — пусть хоть на несколько недель. Я послала няне сто фунтов и дала ей указания, как вести себя здесь в коттедже, чтобы она могла сойти просто за соседку, к которой я не имею никакого отношения. Я очень боялась и поэтому не велела выводить ребенка из дому в дневные часы. Дома мы всегда прикрываем ей личико и руки: вдруг кто-нибудь увидит ее в окно, и пойдет слух, что по соседству появился черный ребенок. Если бы я меньше остерегалась, было бы куда разумней, но я сходила с ума от страха, как бы не дошла до тебя правда.

Ты первый и сказал мне, что в коттедже кто-то поселился. Мне бы подождать до утра, но я не могла уснуть от волнения, и наконец я вышла потихоньку, зная, как крепко ты спишь. Но ты увидел, что я выходила, и с этого начались все мои беды. На другой день мне пришлось отдаться на твою милость, и ты из благородства не стал допытываться. Но на третий день, когда ты ворвался в коттедж с парадного, няня с ребенком едва успели убежать через черный ход. И вот сегодня ты все узнал, и я спрашиваю тебя: что с нами будет теперь — со мной и с моим ребенком? — Она сжала руки и ждала ответа.

Две долгих минуты Грэнт Манро не нарушал молчания, и, когда он ответил, это был такой ответ, что мне и сейчас приятно его вспомнить. Он поднял девочку, поцеловал и затем, держа ее на одной руке, протянул другую жене и повернулся к двери.

— Нам будет удобней поговорить обо всем дома, — сказал он. — Я не очень хороший человек, Эффи, но, кажется мне, все же не такой дурной, каким ты меня считала.

Мы с Холмсом проводили их до поворота, и, когда мы вышли на проселок, мой друг дернул меня за рукав.

— Полагаю, — сказал он, — в Лондоне от нас будет больше пользы, чем в Норбери.

Больше он ни слова не сказал об этом случае вплоть до поздней ночи, когда, взяв зажженную свечу, он повернулся к двери, чтобы идти в свою спальню.

— Уотсон, — сказал он, — если вам когда-нибудь покажется, что я слишком полагаюсь на свои способности или уделяю случаю меньше старания, чем он того заслуживает, пожалуйста, шепните мне на ухо: «Норбери», — и вы меня чрезвычайно этим обяжете.

ОБРЯД ДОМА МЕСГРЕЙВОВ

В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность: хотя в своей умственной работе он был точнейшим и аккуратнейшим из людей, а его одежда всегда отличалась не только опрятностью, но даже изысканностью, во всем остальном это было самое беспорядочное существо в мире, и его привычки могли свести с ума любого человека, живущего с ним под одной кровлей.

Не то чтобы я сам был безупречен в этом отношении. Сумбурная работа в Афганистане, еще усилившая мое врожденное пристрастие к кочевой жизни, сделала меня более безалаберным, чем это позволительно для врача. Но все же моя неаккуратность имеет известные границы, и, когда я вижу, что человек держит свои сигары в ведерке для угля, табак — в носке персидской туфли, а письма, которые ждут ответа, прикалывает перочинным ножом к деревянной доске над камином, мне, право же, начинает казаться, будто я образец всех добродетелей. Кроме того, я всегда считал, что стрельба из пистолета, бесспорно, относится к такого рода развлечениям, которыми можно заниматься только под открытым небом. Поэтому, когда у Холмса появлялась охота стрелять и он, усевшись в кресло с револьвером и патронташем, начинал украшать противоположную стену патриотическим вензелем «V. R.»¹, выводя его при помощи пуль, я особенно остро чувствовал, что это занятие отнюдь не улучшает ни воздух, ни внешний вид нашей квартиры.

Комнаты наши были вечно полны странных предметов, связанных с химией или с какой-нибудь уголовщиной, и эти реликвии постоянно оказывались в самых неожиданных

¹ V. R.— Victoria Regina — королева Виктория (лат.)

ных местах, например, в масле, а то и в еще менее подходящем месте. Однако больше всего мучили меня бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно если они были связаны с делами, в которых он когда-либо принимал участие, но вот разобрать свои бумаги и привести их в порядок — на это у него хватало мужества не чаще одного или двух раз в год. Где-то в своих бессвязных записках я, кажется, уже говорил, что приливы кипучей энергии, которые помогали Холмсу в замечательных расследованиях, прославивших его имя, сменялись у него периодами безразличия, полного упадка сил. И тогда он по целым дням лежал на диване со своими любимыми книгами, лишь изредка поднимаясь, чтобы поиграть на скрипке. Таким образом, из месяца в месяц бумаг накапливалось все больше и больше, и все углы были загромождены пачками рукописей. Жечь эти рукописи ни в коем случае не разрешалось, и никто, кроме их владельца, не имел права распоряжаться ими.

В один зимний вечер, когда мы сидели вдвоем у камина, я отважился намекнуть Холмсу, что, поскольку он кончил вносить записи в свою памятную книжку, пожалуй, не грех бы ему потратить часок-другой на то, чтобы придать пашей квартире более жилой вид. Он не мог не признать справедливости моей просьбы и с довольно унылой физиономией поплелся к себе в спальню. Вскоре он вышел оттуда, волоча за собой большой жестяной ящик. Поставив его посреди комнаты и усевшись перед ним на стул, он откинул крышку. Я увидел, что ящик был уже на одну треть заполнен пачками бумаг, перевязанных красной тесьмой.

— Здесь немало интересных дел, Уотсон, — сказал он, лукаво посматривая на меня. — Если бы вы знали, что лежит в этом ящике, то, пожалуй, попросили бы меня извлечь из нее кое-какие бумаги, а не укладывать туда новые.

— Так это отчеты о ваших прежних делах? — спросил я. — Я не раз жалел, что у меня нет записей об этих давних случаях.

— Да, мой дорогой Уотсон. Все они происходили еще до того, как у меня появился собственный биограф, вздумавший прославить мое имя.

Мягкими, ласкающими движениями он вынимал одну пачку за другой.

— Не все дела кончились удачей, Уотсон, — сказал он, — но среди них есть несколько прелюбопытных голово-

ломок. Вот, например, отчет об убийстве Тэрлтона. Вот дело Вамбери, виноторговца, и происшествие с одной русской старухой. Вот странная история алюминиевого костыля. Вот подробный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А это... вот это действительно прелестно.

Он сунул руку на самое дно ящика и вытащил деревянную коробочку с выдвижной крышечкой, похожую на те, в каких продаются детские игрушки. Оттуда он вынул измятый листок бумаги, медный ключ старинного фасона, деревянный колышек с привязанным к нему мотком бечевки и три старых, заржавленных металлических кружка.

— Ну что, друг мой, как вам правятся эти сокровища? — спросил он, улыбаясь недоумению, написанному на моем лице.

— Любопытная коллекция.

— Очень любопытная. А история, которая с пей связана, покажется вам еще любопытнее.

— Так у этих реликвий есть своя история?

— Больше того, они сами — история.

— Что вы хотите этим сказать?

Шерлок Холмс разложил все эти предметы на краю стола, уселся в свое кресло и стал разглядывать их блестящими от удовольствия глазами.

— Это все, — сказал он, — что я оставил себе на память об одном деле, связанном с «Обрядом дома Месгрейвов».

Холмс не раз упоминал и прежде об этом деле, но мне все не удавалось добиться от него подробностей.

— Как бы мне хотелось, чтобы вы рассказали об этом случае! — попросил я.

— И оставил весь этот хлам неубранным? — насмешливо возразил он. — А как же ваша любовь к порядку? Впрочем, я и сам хочу, чтобы вы приобщили к своим летописям это дело, потому что в нем есть такие детали, которые делают его уникальным в хронике уголовных преступлений не только Англии, но и других стран. Коллекция моих маленьких подвигов была бы неполной без описания этой весьма оригинальной истории...

Вы, должно быть, помните, как происшествие с «Глорией Скотт» и мой разговор с тем несчастным стариком, о судьбе которого я вам рассказывал, впервые натолкнули меня на мысль о профессии, ставшей потом делом всей моей жизни. Сейчас мое имя стало широко известно. Не только публике, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов.

Но даже и тогда, когда мы только что познакомились с вами — в то время я занимался делом, которое вы увековечили под названием «Этюд в багровых тонах», — у меня уже была довольно значительная, хотя и не очень прибыльная практика. И вы не можете себе представить, Уотсон, как трудно мне приходилось вначале и как долго я ждал успеха.

Когда я впервые приехал в Лондон, я поселился на Моптегю-стрит, совсем рядом с Британским музеем, и там я жил, заполняя свой досуг — а его было у меня даже чересчур много — изучением всех тех отраслей знания, какие могли бы мне пригодиться в моей профессии. Время от времени ко мне обращались за советом — преимущественно по рекомендации бывших товарищей-студентов, потому что в последние годы моего пребывания в университете там немало говорили обо мне и моем методе. Третье дело, по которому ко мне обратились, было дело «Дома Месгрейвов», и тот интерес, который привлекала к себе эта цепь странных событий, а также те важные последствия, какие имело мое вмешательство, и явились первым шагом на пути к моему нынешнему положению.

Реджинальд Месгрейв учился в одном колледже со мной, и мы были с ним в более или менее дружеских отношениях. Он не пользовался особенной популярностью в нашей среде, хотя мне всегда казалось, что высокомерие, в котором его обвиняли, было лишь попыткой прикрыть крайнюю застенчивость. По наружности это был типичный аристократ: тонкое лицо, нос с горбинкой, большие глаза, небрежные, но изысканные манеры. Это и в самом деле был отпрыск одного из древнейших родов королевства, хотя и младшей его ветви, которая еще в шестнадцатом веке отделилась от северных Месгрейвов и обосновалась в Западном Суссексе, а замок Харлстон — резиденция Месгрейвов — является, пожалуй, одним из самых старинных зданий графства. Казалось, дом, где он родился, оставил свой отпечаток на внешности этого человека, и когда я смотрел на его бледное, с резкими чертами лицо и горделивую осанку, мне всегда невольно представлялись серые башенные своды, решетчатые окна и все эти благородные остатки феодальной архитектуры. Время от времени нам случалось беседовать, и, помнится, всякий раз он живо интересовался моими методами наблюдений и выводов.

Мы не виделись года четыре, и вот однажды утром он явился ко мне на Моптегю-стрит. Изменился он мало, одет

был прекрасно — он всегда был темного фраптоват — и сохранил спокойное изящество, отличавшее его и прежде.

«Как поживаете, Месгрейв?» — спросил я после того, как мы обменялись дружеским рукопожатием.

«Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца, — сказал он. — Это случилось около двух лет назад. Разумеется, мне пришлось тогда взять на себя управление Харлстонским поместьем. Кроме того, я депутат от своего округа, так что человек я занятый. А вы, Холмс, говорят, решили применить на практике те выдающиеся способности, которыми так удивляли нас в былые времена?»

«Да, — ответил я, — теперь я пытаюсь зарабатывать на хлеб с помощью собственной смекалки».

«Очень рад это слышать, потому что ваш совет был бы сейчас просто драгоценен для меня. У нас в Харлстоне произошли странные вещи, и полиции не удалось ничего выяснить. Это настоящая головоломка».

Можете себе представить, с каким чувством я слушал его, Уотсон. Ведь случай, тот самый случай, которого я с таким жгучим нетерпением ждал в течение этих месяцев бездействия, наконец-то, казалось мне, был передо мной. В глубине души я всегда был уверен, что могу добиться успеха там, где другие потерпели неудачу, и теперь мне представлялась возможность испытать самого себя.

«Расскажите мне все подробности!» — вскричал я.

Реджинальд Месгрейв сел против меня и закурил папиросу.

«Надо вам сказать, — начал он, — что, хоть я и не женат, мне приходится держать в Харлстоне целый штат прислуги. Замок очень велик, выстроен он крайне.bestолково и потому нуждается в постоянном присмотре. Кроме того, у меня есть заповедник, и в сезон охоты на фазанов в доме обычно собирается большое общество, что тоже требует немало слуг. Всего у меня восемь горничных, повар, дворецкий, два лакея и мальчуган на посылаках. В саду и при конюшнях имеются, конечно, свои рабочие».

Из этих людей дольше всех прослужил в нашей семье Брантон, дворецкий. Когда отец взял его к себе, он был молодым школьным учителем без места, и вскоре благодаря своему сильному характеру и энергии он сделался незаменимым в нашем доме. Это рослый, красивый мужчина с великолепным лбом, и, хотя он прожил у нас лет около двадцати, ему и сейчас не больше сорока. Может показаться странным, что при такой привлекательной наружности

и необычайных способностях — он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах — он так долго удовлетворялся своим скромным положением, но, видимо, ему жилось хорошо, и он не строился ни к каким переменам. Харлстонский дворецкий всегда обращал на себя внимание всех наших гостей.

Но у этого совершенства есть один недостаток: он немного донжуан, и, как вы понимаете, в нашей глуши ему не слишком трудно играть эту роль.

Все шло хорошо, пока он был женат, но, когда его жена умерла, он стал доставлять нам немало хлопот. Правда, несколько месяцев назад мы уж было успокоились и решили, что все опять наладится: Брантон обручился с Рэчел Хауэлз, нашей младшей горничной. Однако вскоре он бросил ее ради Дженет Треджелис, дочери старшего егеря. Рэчел — славная девушка, но очень горячая и неуравновешенная, как все вообще уроженки Уэльса. У нее началось воспаление мозга, и она слегла, но потом выздоровела и теперь ходит — вернее, ходила до вчерашнего дня — как тень; у нее остались одни глаза.

Такова была наша первая драма в Харлстоне, но вторая быстро изгладила ее из нашей памяти, тем более что этой второй предшествовало еще одно большое событие: дворецкий Брантон был с позором изгнан из нашего дома.

Вот как это произошло. Я уже говорил вам, что Брантон очень умен, и, как видно, именно ум стал причиной его гибели, ибо в нем проснулось жадное любопытство к вещам, не имевшим к нему никакого отношения. Мне и в голову не приходило, что оно может завести его так далеко, но случай открыл мне глаза.

Как я уже говорил, наш дом выстроен очень бестолково: в нем множество всяких ходов и переходов. На прошлой неделе — точнее, в прошлый четверг ночью — я никак не мог уснуть, потому что по глупости выпил после обеда чашку крепкого черного кофе. Промучавшись до двух часов ночи и почувствовав, что все равно не засну, я наконец встал и зажег свечу, чтобы продолжить чтение начатого романа. Но оказалось, что книгу я забыл в бильярдной, поэтому, накинув халат, я отправился за нею.

Чтобы добраться до бильярдной, мне надо было спуститься на один лестничный пролет и пересечь коридор, ведущий в библиотеку и в оружейную. Можете вообразить себе мое изумление, когда, войдя в этот коридор, я увидел слабый свет, падавший из открытой двери библиотеки! Пе-

род тем как лечь в постель, я сам погасил там лампу и закрыл дверь. Разумеется, первой моей мыслью было, что и нам забрались воры. Стены всех коридоров в Харлестоне украшены старинным оружием — это военные трофеи моих предков. Схватив с одной из стен алебарду, я поставил свечу на пол, прокрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь библиотеки.

Дворецкий Брантон, совершенно одетый, сидел в кресле. На коленях у него был разложен лист бумаги, похожий на географическую карту, и он смотрел на него в глубокой задумчивости. Остолбенев от изумления, я не шевелился и наблюдал за ним из темноты. Комната была слабо освещена огарком свечи. Вдруг Брантон встал, подошел к бюро, стоявшему у стены, отпер его и выдвинул один из ящичков. Вынув оттуда какую-то бумагу, он снова сел на прежнее место, положил ее на стол возле свечи, разгладил и стал внимательно рассматривать. Это спокойное изучение наших фамильных документов привело меня в такую ярость, что я не выдержал, шагнул вперед, и Брантон увидел, что я стою в дверях. Он вскочил, лицо его позеленело от страха, и он поспешно сунул в карман похожий на карту лист бумаги, который только что изучал.

«Отлично! — сказал я. — Вот как вы оправдываете наше доверие! С завтрашнего дня вы уволены».

Он поклонился с совершенно подавленным видом и проскользнул мимо меня, не сказав ни слова. Огарок остался на столе, и при его свете я разглядел бумагу, которую Брантон вынул из бюро. К моему изумлению, оказалось, что это не какой-нибудь важный документ, а всего лишь копия с вопросов и ответов, произносимых при выполнении одного оригинального старинного обряда, который называется у нас «Обряд дома Месгрейвов». Вот уже несколько веков каждый мужчина из нашего рода, достигнув совершеннолетия, выполняет известный церемониал, который представляет интерес только для членов нашей семьи или, может быть, для какого-нибудь археолога — как вообще вся наша геральдика, — но никакого практического применения иметь не может.

— К этой бумаге мы еще вернемся, — сказал я Месгрейву.

— Если вы полагаете, что это действительно необходимо... — с некоторым колебанием ответил мой собеседник. — Итак, я продолжаю изложение фактов. Замкнув бюро ключом, который оставил Брантон, я уже собрался

было уходить, как вдруг с удивлением увидел, что дворецкий вернулся и стоит передо мной.

«Мистер Месгрейв,— вскричал он голосом, хриплым от волнения,— я не вынесу бесчестья! Я человек маленький, но гордость у меня есть, и бесчестье убьет меня. Смерть моя будет на вашей совести, сэр, если вы доведете меня до отчаяния! Умоляю вас, если после того, что случилось, вы считаете невозможным оставить меня в доме, дайте мне месяц сроку, чтобы я мог сказать, будто ухожу добровольно. А быть изгнанным на глазах у всей прислуги, которая так хорошо меня знает,— нет, это выше моих сил!»

«Вы не стоите того, чтобы с вами особенно церемонились, Брантон,— ответил я.— Ваш поступок просто возмутителен. Но так как вы столько времени прослужили в нашей семье, я не стану подвергать вас публичному позору. Однако месяц — это слишком долго. Можете уйти через неделю и под каким хотите предлогом».

«Через неделю, сэр? — вскричал он с отчаянием.— О, дайте мне хотя бы две недели!»

«Через неделю,— повторил я,— и считайте, что с вами обошлись очень мягко».

Низко опустив голову, он медленно побрел прочь, совершенно уничтоженный, а я погасил свечу и пошел к себе.

В течение двух следующих дней Брантон самым тщательным образом выполнял свои обязанности. Я не напоминал ему о случившемся и с любопытством ждал, что он придумает, чтобы скрыть свой позор. Но на третий день он, вопреки обыкновению, не явился ко мне за приказами. После завтрака, выходя из столовой, я случайно увидел горничную Рэчел Хауэлз. Как я уже говорил вам, она только недавно оправилась после болезни и сейчас была так бледна, у нее был такой изнуренный вид, что я даже пожурил ее за то, что она начала работать.

«Напрасно вы встали с постели,— сказал я.— Примитесь за работу, когда немного окрепнете».

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что я подумал, уж не подействовала ли болезнь на ее рассудок.

«Я уже окрепла, мистер Месгрейв»,— ответила она.

«Посмотрим, что скажет врач,— возразил я.— А пока что бросьте работу и идите вниз. Кстати, скажите Брантону, чтобы он зашел ко мне».

«Дворецкий пропал»,— сказала она.

«Пропал?! То есть как пропал?»

«Пропал. Никто не видел его. В комнате его нет. Он пропал, да-да, пропал!»

Она прислонилась к стене и начала истерически хохотать, а я, напуганный этим внезапным припадком, подбежал к колокольчику и позвал на помощь. Девушку увели в ее комнату, причем она все еще продолжала хохотать и рыдать, я же стал расспрашивать о Брантоне. Сомнения не было: он исчез. Постель его оказалась нетронутой, и никто не видел его с тех пор, как он ушел к себе накануне вечером. Однако трудно было бы себе представить, каким образом он мог выйти из дому, потому что утром и окна и двери оказались запертыми изнутри. Одежда, часы, даже деньги Брантона — все было в его комнате, все, кроме черной пары, которую он обыкновенно носил. Не хватало также комнатных туфель, но сапоги были налицо. Куда же мог уйти ночью дворецкий Брантон и что с ним случилось?

Разумеется, мы обыскали дом и все службы, но нигде не обнаружили его следов. Повторяю, наш дом — это настоящий лабиринт, особенно самое старое крыло, теперь уже необитаемое, но все же мы обыскали каждую комнату и даже чердаки. Все наши поиски оказались безрезультатными. Мне просто не верилось, чтобы Брантон мог уйти из дому, оставив все свое имущество, но ведь все-таки он ушел, и с этим приходилось считаться. Я вызвал местную полицию, но ей не удалось что-либо обнаружить. Накануне шел дождь, и осмотр лужаек и дорожек вокруг дома ни к чему не привел. Так обстояло дело, когда новое событие отвлекло наше внимание от этой загадки.

Двое суток Рэчел Хауэлз провела в горячечном бреду и истерических припадках. Она была так плоха, что приходилось на ночь приглашать к ней сиделку. На третью ночь после исчезновения Брантона сиделка, увидев, что больная спокойно заснула, тоже задремала в своем кресле. Проснувшись рано утром, она увидела, что кровать пуста, окно открыто, а пациентка исчезла. Меня тотчас разбудили, я взял с собой двух лакеев и отправился на поиски пропавшей. Мы легко определили, в какую сторону она убежала: начиная от окна по газону шли следы, которые кончались у пруда рядом с посыпанной гравием дорожкой, выводившей из наших владений. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины; вы можете себе представить, какое чувство охватило нас, когда мы увидели, что

отпечатки ног бедной безумной девушки обрывались у самой воды. Разумеется, мы немедленно вооружились баграми и принялись разыскивать тело утопленницы, но не нашли его. Зато мы извлекли на поверхность другой, совершенно неожиданный предмет. Это был полотняный мешок, набитый обломками старого, заржавленного, потерявшего цвет металла и какими-то тусклыми осколками не то гальки, не то стекла. Кроме этой странной добычи, мы не нашли в пруду решительно ничего и, несмотря на все наши вчерашние поиски и расспросы, так ничего и не узнали ни о Рэчел Хауэлз, ни о Ричарде Брантоне. Местная полиция совершенно растерялась, и теперь последняя моя надежда на вас».

Можете себе представить, Уотсон, с каким интересом выслушал я рассказ об этих необыкновенных событиях, как хотелось мне связать их в единое целое и отыскать путеводную нить, которая привела бы к разгадке!

Дворецкий исчез. Горничная исчезла. Прежде горничная любила дворецкого, но потом имела основания возненавидеть его. Она была уроженка Уэльса, натура необузданная и страстная. После исчезновения дворецкого она была крайне возбуждена. Она бросила в пруд мешок с весьма странным содержимым. Каждый из этих фактов заслуживал внимания, но ни один из них не объяснял сути дела. Где я должен был искать пачало этой запутанной цепи событий? Ведь предомыслием было лишь последнее ее звено...

«Месгрейв,— сказал я,— мне необходимо видеть документ, изучение которого ваш дворецкий считал настолько важным, что даже пошел ради него на риск потерять место».

«В сущности, этот наш обряд — чистейший вздор,— ответил он,— и единственное, что его оправдывает,— это его древность. Я захватил с собой копию вопросов и ответов на случай, если бы вам вздумалось взглянуть на них».

Он протянул мне тот самый листок, который вы видите у меня в руках, Уотсон. Этот обряд нечто вроде экзамена, которому должен был подвергнуться каждый мужчина из рода Месгрейвов, достигший совершеннолетия. Сейчас я прочитаю вам вопросы и ответы в том порядке, в каком они записаны здесь:

«Кому это принадлежит?

Тому, кто ушел.

Кому это будет принадлежать?

Тому, кто придет.

В каком месяце это было?

В известом, начиная с первого.

Где было солнце?

Над дубом.

Где была тень?

Под вязом.

Сколько надо сделать шагов?

На север — десять и десять, на восток — пять и пять, на юг — два и два, на запад — один и один и потом вниз.

Что мы отдадим за это?

Все, что у нас есть.

Ради чего отдадим мы это?

Во имя долга.

«В подлиннике нет даты,— заметил Месгрейв,— по судя по его орфографии, он относится к середине семнадцатого века. Боюсь, впрочем, что он мало поможет нам в раскрытии нашей тайны».

«Зато он ставит перед нами вторую загадку,— ответил я,— еще более любопытную. И возможно, что, разгадав ее, мы тем самым разгадаем и первую. Надеюсь, что вы не обидитесь на меня, Месгрейв, если я скажу, что ваш дворецкий, по-видимому, очень умный человек и обладает большей проницательностью и чутьем, чем десять поколений его господ».

«Признаться, я вас не понимаю,— ответил Месгрейв.— Мне кажется, что эта бумажка не имеет никакого практического значения».

«А мне она кажется чрезвычайно важной именно в практическом отношении, и, как видно, Брантон был того же мнения. По всей вероятности, он видел ее и до той ночи, когда вы застали его в библиотеке».

«Вполне возможно. Мы никогда не прятали ее».

«По-видимому, на этот раз он просто хотел освежить в памяти ее содержание. Насколько я понял, он держал в руках какую-то карту или план, который сравнивал с манускриптом и немедленно сунул в карман, как только увидел вас?»

«Совершенно верно. Но зачем ему мог понадобиться наш старый семейный обряд и что означает весь этот вздор?»

«Полагаю, что мы можем выяснить это без особого труда,— ответил я.— С вашего позволения, мы первым же по-

ездом отправимся с вами в Суссекс и разберемся в деле уже на месте».

Мы прибыли в Харлстон в тот же день. Вам, наверно, случалось, Уотсон, видеть изображение этого знаменитого древнего замка или читать его описание, поэтому я скажу лишь, что он имеет форму буквы «L», причем длинное крыло его является более современным, а короткое — более древним, так сказать, зародышем, из которого и выросло все остальное. Над низкой массивной дверью в центре старинной части высечена дата «1607», но знатоки единодушно утверждают, что деревянные балки и каменная кладка значительно старше. В прошлом веке чудовищно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили наконец владельцев выстроить новое крыло, и старое теперь служит лишь кладовой и погребом, а то и вовсе пустует. Вокруг здания великолепный парк с прекрасными старыми деревьями. Озеро же или пруд, о котором упоминал мой клиент, находится в конце аллеи, в двухстах ярдах от дома.

К этому времени у меня уже сложилось твердое убеждение, Уотсон, что тут не было трех отдельных загадок, а была только одна и что, если бы мне удалось проникнуть в смысл обряда Месгрейвов, это дало бы мне ключ к тайне исчезновения обоих — и дворецкого Брантона, и горничной Хауэлз. На это я и направил все силы своего ума. Почему Брантон так стремился проникнуть в суть этой старинной формулы? Очевидно, потому, что он увидел в ней нечто ускользнувшее от внимания всех поколений родовитых владельцев замка — нечто такое, из чего он надеялся извлечь какую-то личную выгоду. Что же это было и как это могло отразиться на дальнейшей судьбе дворецкого?

Когда я прочитал бумагу, мне стало совершенно ясно, что все цифры относятся к какому-то определенному месту, где спрятано то, о чем говорится в первой части документа, и что, если бы мы нашли это место, мы оказались бы на верном пути к раскрытию тайны — той самой тайны, которую предки Месгрейвов сочли нужным облечь в столь своеобразную форму. Для начала поисков нам даны были два ориентира: дуб и вяз. Что касается дуба, то тут не могло быть никаких сомнений. Прямо перед домом, слева от дороги, стоял дуб, дуб-патриарх, одно из великолепнейших деревьев, какие мне когда-либо приходилось видеть.

«Он уже существовал, когда был записан ваш «обряд»?» — спросил я Месгрейва.

«По всей вероятности, этот дуб стоял здесь еще во времена завоевания Англии норманнами, — ответил он. — Он имеет двадцать три фута в обхвате».

Таким образом, один из пужных мне пунктов был выяснен.

«Есть у вас здесь старые вязы?» — спросил я.

«Был один очень старый, подальше отсюда, но десять лет назад в него ударила молния, и пришлось срубить его под корень».

«Но вы знаете то место, где он рос прежде?»

«Ну, конечно, знаю».

«А других вязов поблизости нет?»

«Старых нет, а молодых очень много».

«Мне бы хотелось взглянуть, где он рос».

Мы приехали в двуколке, и мой клиент сразу, не заходя в дом, повез меня к тому месту на лужайке, где когда то рос вяз. Это было почти на полпути между дубом и домом. Пока что мои поиски шли успешно.

«По всей вероятности, сейчас уже невозможно определить высоту этого вяза?» — спросил я.

«Могу вам ответить сию же минуту: в нем было шестьдесят четыре фута».

«Как вам удалось узнать это?» — воскликнул я с удивлением.

«Когда мой домашний учитель задавал мне задачи по тригонометрии, они всегда были построены на измерениях высоты. Поэтому я еще мальчиком измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье».

Вот это была неожиданная удача! Нужные мне сведения пришли ко мне быстрее, чем я мог рассчитывать.

«А скажите, пожалуйста, ваш дворецкий никогда не задавал вам такого же вопроса?» — спросил я.

Реджинальд Месгрейв взглянул на меня с большим удивлением.

«Теперь я припоминаю, — сказал он, — что несколько месяцев назад Брантон действительно спрашивал меня о высоте этого дерева. Кажется, у него вышел какой-то спор с грумом».

Это было превосходное известие, Уотсон. Значит, я был на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно уже заходило, и я рассчитал, что меньше чем через час оно окажется как раз над ветвями старого дуба. Итак, одно условие, унося-

зутое в документе, будет выполнено. Что касается тени от вяза, то речь шла, очевидно, о самой дальней ее точке — в противном случае указателем направления избрали бы не тень, а ствол. И, следовательно, теперь мне нужно было определить, куда падал конец тени от вяза в тот момент, когда солнце оказывалось прямо над дубом...

— Это, как видно, было нелегким делом, Холмс? Ведь вяза-то уже не существовало.

— Конечно. Но я знал, что если Брантон мог это сделать, то смогу и я. А, кроме того, это было не так уж трудно. Я пошел вместе с Месгрейвом в его кабинет и вырезал себе вот этот колышек, к которому привязал длинную веревку, сделав на ней узелки, отмечающие каждый ярд. Затем я связал вместе два удилица, что дало мне шесть футов, и мы с моим клиентом отправились обратно к тому месту, где когда-то рос вяз. Солнце как раз касалось в эту минуту вершины дуба. Я воткнул свой шест в землю, отметил направление тени и измерил ее. В ней было девять футов.

Дальнейшие мои вычисления были совсем уж несложны. Если палка высотой в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево высотой в шестьдесят четыре фута отбросит тень в девяносто шесть футов, и направление той и другой, разумеется, будет совпадать. Я отмерил это расстояние. Оно привело меня почти к самой стене дома, и я воткнул там колышек. Вообразите мое торжество, Уотсон, когда в двух дюймах от колышка я увидел в земле конусообразное углубление! Я понял, что это была отметина, сделанная Брантоном при его измерении, и что я продолжаю идти по его следам.

От этой исходной точки я начал отсчитывать шаги, предварительно определив с помощью карманного компаса, где север, где юг. Десять шагов и еще десять (очевидно, имелось в виду, что каждая нога делает поочередно по десять шагов) в северном направлении повели меня параллельно стене дома, и, отсчитав их, я снова отметил место своим колышком. Затем я тщательно отсчитал пять и пять шагов на восток, потом два и два — к югу, и они привели меня к самому порогу старой двери. Оставалось сделать один и один шаг на запад, но тогда мне пришлось бы пройти эти шаги по выложенному каменными плитами коридору. Неужели это и было место, указанное в документе?

Никогда в жизни я не испытывал такого горького раз-

очарования, Уотсон. На минуту мне показалось, что в мои вычисления вкралась какая-то существенная ошибка. Заходящее солнце ярко освещало своими лучами пол коридора, и я видел, что эти старые, избитые серые каменные плиты были плотно спаяны цементом и, уж конечно, не сдвигались с места в течение многих и многих лет. Нет, Грантон не прикасался к ним, это было ясно. Я постучал по полу в нескольких местах, но звук получался одинаковый повсюду, и не было никаких признаков трещины или щели. К счастью, Месгрейв, который начал вникать в смысл моих действий и был теперь не менее взволнован, чем я, вынул документ, чтобы проверить мои расчеты.

— И вниз! — вскричал он. — Вы забыли об этих словах: «и вниз».

Я думал, это означало, что в указанном месте надо будет копать землю, но теперь мне сразу стало ясно, что я ошибся.

— Так, значит, у вас внизу есть подвал? — воскликнул я.

— Да, и он ровесник этому дому. Скорее вниз, через эту дверь!

По винтовой каменной лестнице мы спустились вниз, и мой спутник, чиркнув спичкой, зажег большой фонарь, стоявший на бочке в углу. В то же мгновение мы убедились, что попали туда, куда нужно, и что кто-то недавно побывал здесь до нас.

В этом подвале хранились дрова, по поленья, которые, как видно, покрывали прежде весь пол, теперь были отодвинуты к стенкам, освободив пространство посередине. Здесь лежала широкая и тяжелая каменная плита с заржавленным железным кольцом в центре, а к кольцу был привязан плотный клетчатый шарф.

«Черт возьми, это шарф Грантона! — вскричал Месгрейв. — Я не раз видел этот шарф у него на шее. Но что он мог здесь делать, этот негодяй?»

По моей просьбе были вызваны два местных полицмейстера, и в их присутствии я сделал попытку приподнять плиту, ухватившись за шарф. Однако я лишь слегка пошевелил ее, и только с помощью одного из констеблей мне удалось немного сдвинуть ее в сторону. Под плитой зияла черная яма, и все мы заглянули в нее. Месгрейв, стоя на коленях, опустил свой фонарь вниз.

Мы увидели узкую квадратную камеру глубиной около семи футов, шириной и длиной около четырех. У стены

стоял низкий, окованный медью деревянный сундук с откинутой крышкой; в замочной скважине торчал вот этот самый ключ — забавный и старомодный. Снаружи сундук был покрыт толстым слоем пыли. Сырость и черви до того изъели дерево, что оно поросло плесенью даже изнутри. Несколько металлических кружков, таких же, какие вы видите здесь,— должно быть, старинные монеты — валялись на дне. Больше в нем не было ничего.

Однако в первую минуту мы не смотрели на старый сундук — глаза наши были прикованы к тому, что находилось рядом. Какой-то мужчина в черном костюме сидел па корточках, опустив голову на край сундука и обхватив его обеими руками. Лицо этого человека посинело и было искажено до неузнаваемости, но, когда мы приподняли его, Реджинальд Месгрейв по росту, одежде и волосам сразу узнал в нем своего пропавшего дворецкого. Брантон умер уже несколько дней назад, но на теле у него не было ни ран, ни кровоподтеков, которые могли бы объяснить его страшный конец. И когда мы вытащили труп из подвала, то оказались перед загадкой, пожалуй, не менее головоломной, чем та, которую мы только что разрешили...

Признаюсь, Уотсон, пока что я был обескуражен результатами моих поисков. Я предполагал, что стоит мне найти место, указанное в древнем документе, как все станет ясно само собой, но вот я стоял здесь, на этом месте, а разгадка тайны, так тщательно скрываемой семейством Месгрейвов, была, по-видимому, столь же далека от меня, как и раньше. Правда, я пролил свет на участь Брантона, но теперь мне предстояло еще выяснить, каким образом постигла его эта участь и какую роль сыграла во всем этом исчезнувшая женщина. Я присел на бочонок в углу и стал еще раз перебирать в уме все подробности случившегося...

Вы знаете мой метод в подобных случаях, Уотсон: я ставлю себя на место действующего лица и, прежде всего уяснив для себя его умственный уровень, пытаюсь вообразить, как бы я сам поступил при аналогичных обстоятельствах. В этом случае дело упрощалось: Брантон был человек пезаурядного ума, так что мне не приходилось припимать в расчет разницу между уровнем его и моего мышления. Он определил это место. Он убедился, что камень, закрывающий вход в подземелье, слишком тяжел для одного человека. Что он сделал потом? Он не мог прибегнуть к помощи людей посторонних. Ведь даже если бы на-

шелся человек, которому он мог бы довериться, пришлось бы отпирать ему наружные двери, а это было сопряжено со значительным риском. Удобнее было бы найти помощника внутри дома. Но к кому мог обратиться Брантон? Та девушка была когда-то предана ему. Мужчина, как бы скверно ни поступил он с женщиной, никогда не верит, что ее любовь окончательно потеряна для него. Очевидно, оказавшаяся Рэчел мелкие знаки внимания, Брантон попытался помириться с ней, а потом уговорил ее сделаться его сообщницей. Ночью они вместе спустились в подвал, и объединенными усилиями им удалось сдвинуть камень. До этой минуты их действия были мне так ясны, как будто я наблюдал их собственными глазами.

Но и для двух человек, особенно если один из них женщина, вероятно, это была нелегкая работа. Даже нам — мне и здоровенному полисмену из Суссекса — стоило немалых трудов сдвинуть эту плиту. Что же они сделали, чтобы облегчить свою задачу? Да, по-видимому, то же, что сделал бы и я на их месте. Тут я встал, внимательно осмотрел валявшиеся на полу дрова и почти сейчас же нашел то, что ожидал найти. Одно полено длиной около трех футов было обломано на конце, а несколько других сплюснены: видимо, они испытали на себе действие значительной тяжести. Должно быть, приподнимая плиту, Брантон и его помощница вводили эти поленья в щель, пока отверстие не расширилось настолько, что в него уже можно было проникнуть, а потом подперли плиту еще одним поленом, поставив его вертикально, так что оно вполне могло обломаться на нижнем конце — ведь плита давила на него всем своим весом. Пока что все мои предположения были как будто вполне обоснованы.

Как же должен был я рассуждать дальше, чтобы полностью восстановить картину ночной драмы? Ясно, что в яму мог забраться только один человек, и, конечно, это был Брантон. Девушка, должно быть, ждала наверху. Брантон отпер сундук и передал ей его содержимое (это было очевидно, так как ящик оказался пустым), а потом... что же произошло потом?

Быть может, жажда мести, тлеющая в душе этой пылкой женщины, разгорелась ярким пламенем, когда она увидела, что ее обидчик — а обида, возможно, была гораздо сильнее, чем мы могли подозревать, — находится теперь в ее власти. Случайно ли упало полено и каменная плита замуровала Брантона в этом каменном гробу? Если так,

Рэчел вивовна в том, что умолчала о случившемся. Или она намеренно вышибла подпорку и сама захлопнула ловушку? Так или иначе, но я словно видел перед собой эту женщину: прижимая к груди найденное сокровище, она летела вверх по ступенькам винтовой лестницы, убегая от настигавших ее заглушенных стонов и отчаянного стука в каменную плиту, под которой задышался ее неверный возлюбленный.

Вот в чем была разгадка ее бледности, ее возбуждения, приступов истерического смеха на следующее утро. Но что же все-таки было в сундуке? Что сделала девушка с его содержимым? Несомненно, это были те самые обломки старого металла и осколки камней, которые она при первой же возможности бросила в пруд, чтобы скрыть следы своего преступления...

Минут двадцать я сидел неподвижно, в глубоком раздумье. Месгрейв, очень бледный, все еще стоял, раскачивая фонарь, и глядел вниз, в яму.

«Это монеты Карла Первого¹, — сказал он, протягивая мне несколько кружочков, вынутых из сундука. — Видите, мы правильно определили время возникновения нашего «обряда».

«Пожалуй, мы найдем еще кое-что, оставшееся от Карла Первого! — вскричал я, вспомнив вдруг первые два вопроса документа. — Покажите-ка мне содержимое мешка, который вам удалось выудить в пруду».

Мы поднялись в кабинет Месгрейва, и он разложил передо мной обломки. Взглянув на них, я понял, почему Месгрейв не придавал им никакого значения: металл был почти черен, а камешки бесцветны и тусклы. Но я потерял один из них о рукав, и он засверкал, как искра, у меня на ладони. Металлические части имели вид двойного обруча, но они были погнуты, перекручены и почти потеряли свою первоначальную форму.

«Вы, конечно, помните, — сказал я Месгрейву, — что партия короля главенствовала в Англии даже и после его смерти. Очень может быть, что перед тем, как бежать, ее члены спрятали где-нибудь самые ценные вещи, намереваясь вернуться за ними в более спокойные времена».

«Мой предок, сэр Ральф Месгрейв, занимал видное по-

¹ Карл I (1600—1649) — английский король (1625—1649), казнен 30 января 1649 года во время английской буржуазной революции.

ложение при дворе и был правой рукой Карла Второго¹ во время его скитаний».

«Ах, вот что! — ответил я. — Прекрасно. Это дает нам последнее, недостающее звено. Поздравляю вас, Месгрейв! Вы стали обладателем — правда, при весьма трагических обстоятельствах — одной реликвии, которая представляет огромную ценность и сама по себе, и как историческая редкость».

«Что же это такое?» — спросил он, странно взволнованный.

«Не более не менее, как древняя корона английских королей».

«Корона?!»

«Да, корона. Вспомните, что говорится в документе: «Кому это принадлежит?» «Тому, кто ушел». Это было написано после казни Карла Первого. «Кому это будет принадлежать?» «Тому, кто придет». Речь шла о Карле Втором, чье восшествие на престол уже предвиделось в то время. Итак, вне всяких сомнений, эта измятая и бесформенная диадема венчала головы королей из династии Стюартов».

«Но как же она попала в пруд?»

«А вот на этот вопрос не ответишь в одну минуту».

И я последовательно изложил Месгрейву весь ход моих предположений и доказательств. Сумерки сгустились, и луна уже ярко сияла в небе, когда я кончил свой рассказ.

«Но интересно, почему же Карл Второй не получил обратно свою корону, когда вернулся?» — спросил Месгрейв, снова засовывая в полотняный мешок свою реликвию.

«О, тут вы поднимаете вопрос, который мы с вами вряд ли сможем когда-либо разрешить. Должно быть, тот Месгрейв, который был посвящен в тайну, оставил перед смертью своему преемнику этот документ в качестве руководства, но совершил ошибку, не объяснив ему его смысла. И с этого дня вплоть до нашего времени документ переходил от отца к сыну, пока наконец не попал в руки человека, который сумел вырвать его тайну, но поплатился за это жизнью...»

Такова история «Обряда дома Месгрейвов», Уотсон. Корона и сейчас находится в Харлстоно, хотя владельцам замка пришлось немало похлопотать и заплатить юридам

¹ Карл II (1630—1685) — английский король (1660—1685), сын Карла I.

ную сумму денег, пока они не получили официального разрешения оставить ее у себя. Если вам вздумается взглянуть на нее, они, конечно, с удовольствием ее покажут, стоит вам только назвать мое имя.

Что касается той женщины, она бесследно исчезла. По всей вероятности, она покинула Англию и унесла в заморские края память о своем преступлении.

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

В течение долгого времени Шерлок Холмс сидел, согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варилось что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную тощую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком.

— Итак, Уотсон,— сказал он внезапно,— вы ведь не собираетесь вкладывать свои сбережения в южноафриканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычайным способностям Холмса, это внезапное вторжение в мои мысли было совершенно необъяснимым.

— Как, черт возьми, вы об этом узнали? — спросил я.

Он повернулся на стуле, держа в руке дымящуюся пробирку, и его глубоко сидящие глаза удовлетворенно заблестели.

— Признайтесь, Уотсон, что вы совершенно сбиты с толку,— сказал он.

— Признаюсь.

— Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

— Почему?

— Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

— Уверен, что не скажу.

— Видите ли, дорогой мой Уотсон...— Он укрепил пробирку на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращающегося к аудитории.— Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произве-

дут опеломляющее, хотя и ложное впечатление. Взглянув на впадинку между большим и указательным пальцами вашей левой руки, мне было совсем нетрудно заключить, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

— Но я не вижу никакой связи между этими двумя обстоятельством!

— Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером мы вернулись из клуба, впадинка между указательным и большим пальцами на вашей левой руке была выпачкана мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном; в-четвертых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южноафриканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в южноафриканские бумаги.

— До чего просто! — воскликнул я.

— Конечно, — сказал он, слегка уязвленный, — всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют. А вот вам задача, еще не решенная. Посмотрим, друг Уотсон, как вам удастся с ней справиться.

Он взял со стола листок бумаги, подал его мне и вернулся к своим опытам.

Я с изумлением увидел, что на листке начертаны какие-то бессмысленные иероглифы.

— Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок! — воскликнул я.

— Вы так думаете?

— Что же это может быть?

— Мистер Хилтон Кьюбитт из Ридлинг-Торн-Мэнора в Норфолке как раз и хотел бы знать, что это может быть. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Уотсон? Это, вероятно, он.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и через минуту к нам вошел высокий, румяный, чисто выбритый джентльмен. По его ясным глазам и цветущим щекам сразу было видно, что жизнь его протекала вдали от туманов Бейкер-

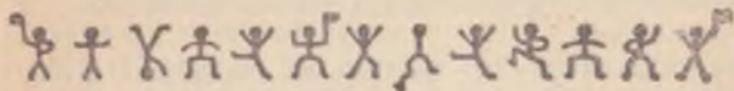
стрит. Казалось, он принес с собой дуновение крепкого, свежего ветра с восточного берега. Пожав нам руки, он уже собрался сесть, как вдруг взор его упал на листок с забавными значками, который я только что рассматривал и оставил на столе.

— Что вы об этом думаете, мистер Холмс? — воскликнул он. — Мне рассказывали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам ничего не найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить ее до моего приезда.

— Это действительно в высшей степени любопытный рисунок, — сказал Холмс. — С первого взгляда его можно принять за детскую шалость. Кто, казалось бы, кроме детей, мог нарисовать этих крошечных танцующих человечков? Почему вы придали столь важное значение такому пустяку?

— Да я и не придаю бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у нее ужас. Вот почему и решил разузнать, в чем дело.

Холмс приподнял бумажку, и лучи солнца озарили ее. Это был листок, вырванный из записной книжки. На нем были начертаны карандашом вот такие фигурки:

Внимательно рассмотрев листок, Холмс бережно сложил его и спрятал в бумажник.

— Это дело обещает много любопытного и необычайного, — сказал он. — Вы уже кое-что рассказали мне в своем письме, мистер Хилтон Кьюбитт, но я был бы очень вам признателен, если бы вы любезно согласились повторить свой рассказ, чтобы дать возможность послушать его моему другу, доктору Уотсону.

— Я плохой рассказчик, — сказал наш гость, пернатая и разжимая свои большие, сильные руки. — Если в моем рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну с того, что в прошлом году я женился... Но предварительно я должен сказать, что, хотя я человек небогатый, наш род живет в Ридлинг-Торпе уже в течение пяти столетий и считается

самым знатным родом во всем Норфолкском графстве. В прошлом году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рассел-сквере, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди, по фамилии Патрик, Илси Патрик. Мы с ней скоро подружились. Не прошло и месяца, как я полюбил ее самой пылкой любовью. Мы тихонько повенчались и уехали ко мне в Норфолк.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о ее прошлом и о ее семье. Но если бы вы увидели ее и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень прямодушна со мной, моя Илси, она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства, — говорила она, — я хочу позабыть о них. Я не желаю вспоминать прошлое, потому что это причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен верить моему слову и позволить умолчать обо всем, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжелым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться ее желанию, и сдержал свое слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки — на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нем не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни на одно мгновение не была спокойна. У нее теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то. Лучше бы она доверилась мне. Она бы узнала тогда, что я ей настоящий друг. Дело в том, мистер Холмс, что моя Илси не может солгать, и, какие бы тучи ни омрачали ее прошлое, ее вины в этом нет. Я скромный норфолкский сквайр, но нет в Англии человека, который больше дорожил бы фамильной честью. Илси знает это и знала до

вашей свадьбы. И она никогда бы не согласилась стать моей женой, если бы этот брак мог запятнать мою честь.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется, во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нарисованы мелом. И подумал, что это сделал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илси. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я пашел в саду на солнечных часах этот листок. Я показал его Илси, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живет как во сне, и глаза ее постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал этот листок. Я не мог обратиться к полиции, потому что там, несомненно, стали бы смеяться надо мной, а вы скажете мне, что делать. Я человек небогатый, но, если моей жене угрожает опасность, я готов истратить последний грош, чтобы защитить ее.

Славный он был, этот житель старой Англии, с простым, приятным лицом и большими синими глазами,— добрый, прямой и бесхитростный. Он любил свою жену и верил ей. Холмс выслушал его историю с глубоким вниманием, а потом задумался и долго молчал.

— Не думаете ли вы, мистер Кьюбитт,— сказал он наконец,— что лучше всего было бы вам напрямик обратиться к жене и попросить ее поделиться с вами своей тайной?

Хилтон Кьюбитт покачал своей большой головой:

— Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если захочет, она сама мне расскажет все. Если же она не захочет, я не стану насильно добиваться признания. Но у меня есть право все узнавать самому, и я этим правом воспользуюсь.

— В таком случае, я от всего сердца стану вам помогать. Скажите, не появлялись ли по соседству с вами какие-нибудь приезжие?

— Нет.

— Насколько я понимаю, вы живете в очень глухом захолустье. Появление всякого нового лица, вероятно, не может пройти незамеченным.

— Если бы новое лицо появилось в самом ближайшем соседстве, я, конечно, о нем услышал бы. Но неподалеку

эт нас есть несколько прибрежных деревушек с хорошими иляжами, и фермеры сдают комнаты приезжающим дачникам.

— В этих странных фигурках, бесспорно, заключен какой-то смысл. Если это произвольный рисунок, то нам его не разгадать, если же в нем есть система, — я не сомневаюсь, что мы проникнем в ее суть. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно следить за всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что вы не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Хилтон Кьюбитт. Если понадобится, я всегда готов выехать к вам и навестить ваш норфолкский дом.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивает из бумажника листок и подолгу разглядывает нарисованные на нем забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня:

— Вам бы лучше остаться дома, Уотсон.

— Почему?

— Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбитта. Помните Хилтона Кьюбитта и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь. Из его телеграммы я понял, что у него есть какие-то чрезвычайно важные новости.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш норфолкский сквайр примчался с вокзала прямо к нам. Вид у него был озабоченный и подавленный. Он взглянул на нас усталыми глазами, лоб его избороздили морщины.

— Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс, — сказал он, бессильно опускаясь в кресло. — Отвратительное состояние — чувствовать, что ты со всех сторон окружен какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые плетут вокруг тебя какую-то сеть, но еще нестер-

нимее видеть, как изо дня в день постепенно убивают твою жену! Она тает у меня на глазах.

— Сказала она вам хоть что-нибудь?

— Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется все мне рассказать, но не хватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал ее. Она часто заговаривает со мной о том, к какому старинному роду мы принадлежим, как нас уважают по всем графстве, как мы гордимся своей незапятнанной честью, и я всякий раз чувствую, что ей хочется еще что-то прибавить, однако она не договаривает и умолкает.

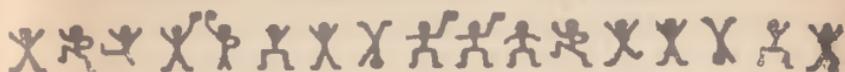
— А вы сами что-нибудь обнаружили?

— Я многое обнаружил, мистер Холмс. Я привез вам на исследование целую кучу свеженьких пляшущих человечков. И самое важное, я видел того...

— Того, кто нарисовал их?

— Да, я видел его за работой. Но позвольте мне все рассказать вам по порядку... Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашел новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

Он достал листок бумаги, развернул его и положил на стол. Вот какие пероглифы были изображены на нем:

— Превосходно! — сказал Холмс. — Превосходно! Продолжайте, пожалуйста.

— Срисовав человечков, я стер их с двери, но два дня спустя на той же двери появилась новая надпись.

Вот она:

Холмс потер руки и засмеялся от радости:

— Наш материал быстро разрастается, — сказал он.

— Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и

в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель. Я откровенно сказал ей, что хочу посмотреть, кто это занимается такими глупыми проделками. Она ответила мне, что все это — бессмысленная шутка, на которую не стоит обращать внимания.

«Если это так тебя раздражает, Хилтоп, давай поедem путешествовать — ты да я, никто не будет нас беспокоить».

«Как! Позволить какому-то шутнику выжить нас из собственного дома? — сказал я. — Да ведь все графство будет смеяться над нами!»

«Иди спать, — сказала она. — Мы потолкуем об этом утром».

Внезапно лицо ее так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы ее впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла темная согнутая фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперед, но жена судорожно обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в меня еще отчаяннее. Наконец мне удалось вырваться, но, когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисованы пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашел. Однако, как это ни удивительно, он безусловно находился где-то поблизости, так как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков.

— Вы их срисовали?

— Да. Их было очень немного. Вот они.

Опять он показал нам листок бумаги. Новый танец имел такой вид:

— Скажите, — спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован, — эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы отдельно?

— Они были нарисованы на нижней панели двери.

— Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбитт, продолжайте свой интересный рассказ.

— Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого прячущегося пегодия. Она уверяла, что боялась за меня. Сначала у меня возникло подозрение, что боялась она вовсе не за меня, а за него, так как я не сомневался, что ей известно, кто он такой и что означают его странные сигналы. Но голос моей жены и взгляд ее, мистер Холмс, обладают свойством рассеивать всякие подозрения, и теперь я уже не сомневаюсь, что она действительно боялась за меня... Вот все, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятаться в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они хорошенько бы вздули его, тогда он оставил бы нас в покое.

— Боюсь, что столь сложное дело не излечишь таким простым лекарством, — сказал Холмс. — Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

— Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

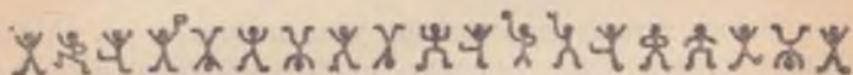
— Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Оставьте мне эти бумажки. Вскоре я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

Шерлок Холмс держался с обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбитта исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пляшущими человечками и углубился в какие-то сложные вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами. Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моем присутствии. Когда дело шло на лад, он начал напевать и насвистывать, когда же он заходил в туалет, то подолгу сидел с нахмуренным лбом и блуждающими глазами. Наконец, удовлетворенно вскрикнув, он вскочил со стула и привялся шагать взад и вперед по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

— Если мне ответят так, как я рассчитываю, ваша книга, Уотсон, обогатится описанием нового приключения,— сказал он.— Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Признаться, меня мучило любопытство, но я знал, что Холмс любит давать пояснения только тогда, когда сам находит это нужным, и терпеливо ждал, когда он соблаговолит поделиться со мной своим открытием.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо от Хилтона Кьюбитта. Он сообщал, что у него все спокойно; только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:

Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивленно и сердито. Лицо его стало напряженным и озабоченным.

— Мы позволили этому делу зайти слишком далеко,— сказал он.— Какие поезда отправляются в Норт-Уолшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

— Придется пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом,— сказал Холмс.— Наше присутствие там необходимо. А! Вот телеграмма, которую я ждал. Погодите минуточку, миссис Хадсон, быть может, понадобится послать ответ. Нет, все обстоит так, как я и ожидал. Эта телеграмма окончательно доказывает, что мы не вправе больше держать мистера Хилтона Кьюбитта в педении, потому что наш простодушный ворфолкский сквайр попал в чрезвычайно опасное положение.

Так оно и оказалось. Переходя к окончанию этой мрачной истории, показавшейся мне вначале такой вздорной и забавной, я заново переживаю весь тот ужас, который мне пришлось пережить тогда. Как бы я хотел иметь возмож-

ность сообщить читателям, что история эта кончилась ко всеобщему благополучию! Но книга моя — точная летопись фактов, и я вынужден проследить вплоть до мрачного конца всю страшную цепь событий, из-за которых через несколько дней об усадьбе Ридлинг-Торп-Мэнор заговорила вся Англия.

Едва мы успели выйти в Норт-Уоллеме и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

— Вы, вероятно, сыщики из Лондона? — спросил он.

Холмс взглянул на него с беспокойством.

— Почему вы так думаете?

— Потому что инспектор Мартин из Нориджа только что проехал. Или, быть может, вы врачи? Она еще жива. Возможно, вы еще успеете спасти ее... для виселицы.

Холмс нахмурился.

— Мы едем в Ридлинг-Торп-Мэнор, — сказал он, — но мы ничего не слышали о том, что там случилось.

— Страшное дело! — воскликнул начальник станции. — Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбитт, и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки. Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве! Все у нас так уважали его!

Не сказав ни слова, Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта. Не часто случалось мне видеть его в таком мрачном расположении духа. Он и раньше, в продолжение всей нашей поездки из Лондона испытывал какую-то тревогу, и я с самого начала заметил, с каким беспокойством просматривает он утренние газеты; теперь, когда внезапно оправдались самые худшие его опасения, он стал чернее тучи. Откинувшись назад, он угрюмо размышлял о чем-то.

А между тем мы проезжали по одной из самых любопытных местностей Англии. Все современное население этого края ютится в редко разбросанных домишках, по каждому шагу над зеленой равниной вздымаются огромные четырехугольные башни церквей, свидетельствуя о былой славе и былом процветании старой Восточной Англии.

Наконец за зеленым обрывом возникла лиловая полоса Немецкого моря, и кучер кнутом указал нам на две остроконечные крыши, торчащие из-за кущи деревьев.

— Вот Ридлинг-Торп-Мэнор, — сказал он.

Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним черный сарай, стоящий за тепписной площадкой, и солнечные

часы на пьедестале. Юркий человечек с нафабранными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из норфолкского полицейского управления. Он чрезвычайно удивился, услышав имя моего приятеля.

— Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нем в Лопдоне и прибыть сюда одновременно со мной?

— Я ехал, чтобы предупредить его.

— Следовательно, у вас есть сведения, которых мы не имеем. Ведь, по общему мнению, они жили очень дружно.

— У меня есть только те сведения, которые я получил от пляшущих человечков,— сказал Холмс.— Об этом я расскажу вам потом. Я опоздал, мне не удалось предотвратить трагедию... Ну что ж, пусть в таком случае те знания, которыми я обладаю, помогут совершиться правосудию. Угодно ли вам произвести следствие совместно со мною? Или вы предпочли бы, чтобы я действовал самостоятельно?

— Для меня большая честь работать вместе с вами, мистер Холмс,— с искренним чувством ответил инспектор.

— В таком случае я хотел бы, не откладывая, выслушать свидетелей и осмотреть то место, где было совершено преступление.

У инспектора Мартина было достаточно здравого смысла, чтобы позволить моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбитт и сообщил, что ее положение серьезно, но не безнадежно; однако в сознание она придет, вероятно, не скоро, так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила или в нее выстрелил кто-нибудь другой, он не решился дать определенный ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбитт убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то, что он выстрелил сначала в нее, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

— Вы трогали убитого? — спросил Холмс.

— Нет. Мы только подняли и унесли леди. Мы не могли оставить ее на полу в таком состоянии.

- Давно ли вы здесь, доктор?
- С четырех часов утра.
- Был ли здесь кто-нибудь, кроме вас?
- Да, был констебль.
- Вы что-нибудь здесь передвигали?
- Ничего.
- Вы поступили благоразумно. Кто вызвал вас?
- Горничная Сондерс.
- Она первая подняла тревогу?
- Она и миссис Кинг, кухарка.
- Где они теперь?
- Вероятно, на кухне.
- В таком случае начнем с того, что выслушаем их рассказ.

Старинный зал с высокими окнами, облицованный дубом, был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло; лицо его было сурово, горящий взгляд непреклонен. Я читал в его глазах решимость посвятить, если понадобится, жизнь тому, чтобы человек, которого ему не удалось спасти, был хотя бы отомщен. Страшное наше собрание состояло, кроме меня, из франтоватого инспектора Мартипа, старого, седобородого сельского врача и туповатого деревенского полисмена.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, на столе горела свеча. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мертв. Возле окна корчилась его жена, откинув голову к стене. Рана ее была ужасна — кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем с помощью конюха и его подручного они отнесли свою раненую хозяйку в ее комнату. Раскрытая постель указывала, что муж и жена собирались лечь спать. На ней было платье, на ее муже — халат, надетый поверх ночной сорочки. Между ними никогда не бывало ссор. Их все считали образцовой супружеской парой.

Вот главнейшие показания прислуги. Отнекая инспектору Маритону, обе женщины заявили, что все двери были заперты изнутри и что никому не удалось бы ускользнуть

из дома. Отвечая Холмсу, они вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат во втором этаже.

— Советую вам обратить самое серьезное внимание на этот факт,— сказал Холмс инспектору Мартину.— А теперь, по-моему, следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходящего в сад. Внимание наше прежде всего привлекло грузное тело несчастного сквайра, распростертое на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла в легком. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха. Сельский врач утверждал, что у миссис Кьюбитт были пятна пороха на лице, но не на руках.

— Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает все,— сказал Холмс.— Если только порох случайно не высыплется из плохо прилаженного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли... Теперь можно унести тело мистера Кьюбитта. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

— Для этого пришлось бы сделать серьезную операцию. Но в револьвере осталось еще четыре заряда. Выстрелов было два, ран тоже две, следовательно, судьбу каждой пули установить нетрудно.

— Это так только кажется,— сказал Холмс.— А что вы скажете относительно воп той пули, которая пробила край оконной рамы?

Он внезапно повернулся и своим длинным, тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

— Черт возьми! — воскликнул инспектор.— Как вам удалось это найти?

— Я нашел, потому что искал.

— Удивительно! — сказал сельский врач.— Вы совершенно правы, сэр; значит, был третий выстрел и, следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

— На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить,— сказал Шерлок Холмс.— Помните, инспектор Мартин, ко-

гда служапки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это пужно обратить внимание?

— Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

— Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время.

— Почему на короткое время?

— Потому что — взгляните сами — эта свеча только чуть-чуть оплыла с одной стороны.

— Верно, верпо! — воскликнул инспектор.

— Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришел к выводу, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашел след пули.

— Но каким же образом окно оказалось закрытым?

— Его закрыла женщина, закрыла инстинктивно. Закрыла и замерла... Но что это? А!

На столе кабинета лежала дамская сумочка — нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол ее содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перехваченных резинкой, и больше ничего.

— Возьмите, это будет фигурировать на суде, — сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с ее содержимым. — Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис Кинг, кухаркой... Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

— Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

— А не думаете ли вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

— Не могу в этом разобраться, сэр.

— Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор

Мартин, что в этой компании мы больше ничего не узнаем. Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном кабинета оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы с изумлением увидели, что цветы вытоптаны и на мягкой земле отчетливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень длинными и острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пес, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндр.

— Я так и думал! — сказал он. — Пистолет был с отражателем. Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы Холмса. Сперва он пробовал было отстаивать свое собственное мнение, но скоро пришел от Холмса в такой восторг, что полностью подчинился ему.

— Кого вы подозреваете? — спросил он.

— Я скажу вам позже. В этом деле есть несколько пунктов, которые я еще не в состоянии вам разъяснить. Я в своих открытиях зашел уже так далеко, что будет благодарнее, если я подожду еще немного, а потом объясню вам все сразу.

— Как вам угодно, мистер Холмс, лишь бы убийца не ушел от нас.

— У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные разъяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнется, нам удастся восстановить все происшествя этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли допросу, но никто из них не слышал о такой гостинице. Только подручный кофюха внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалеку от Ист-Рэстона, живет фермер по фамилии Элридж.

— Его ферма лежит в стороне от других?

— Далеко от других, сэр.

— И, вероятно, там еще не слышали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

— Вероятно, не слышали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

— Седлай коня, парень! — сказал он. — Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа.

Он вынул из кармана несколько бумажек с пляшущими человечками. Сев за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец он вручил подручному конюха записку, приказал ему передать ее непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть — он был написан неровным, неправильным почерком, несколько не похожим на обычный, четкий почерк Холмса. Записка была адресована мистеру Абу Слени, ферма Элридж, Ист-Рэстон в Норфолке.

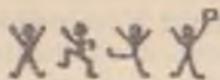
— Мне кажется, инспектор, — заметил Холмс, — что вам следует вызвать по телеграфу конвой, так как, если мои предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника. Мальчик, которого я посылаю с запиской, может заодно отправить и вашу телеграмму. Мы вернемся в город послеобеденным поездом, Уотсон, так как сегодня вечером мне необходимо закончить один любопытный химический опыт. А дело, которое привело нас сюда, быстро приближается к развязке.

Когда подручный конюха ускакал, Шерлок Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбитт, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво требовал самого точного исполнения этого приказа. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что все теперь сделается без нас, а нам остается только сидеть и поджидать, какая дичь попадет в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

— Я помогу вам провести этот час интересно и полезно, — сказал Холмс, пододвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков. — Перед вами, дорогой Уотсон, мне необходимо загладить свою вину: я так долго дразнил ваше любопытство. Для вас же, инспектор, все это будет великолепным профессиональным уроком. Прежде всего я должен рассказать вам о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбиттом на Бейкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что нам уже известно.

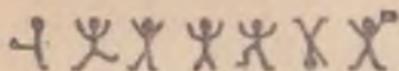
— Вот передо мною эти забавные рисунки, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором небольшого научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня — совершенная новость. Цель изобретателя системы заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто сообразит, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне пужен был свежий материал. Посетив меня во второй раз, мистер Хилтоп Кьюбитт передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в пей по было флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырех букв. Вот это слово:

Как видите, оно копчается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбитт эти послания, был, безусловно, близко с ней знаком. Вполне естественно, что он называет ее просто по имени. А имя ее состоит из четырех букв и копчается той же буквой, какой начинается: зовут ее Илси. Таким образом, я оказался обладателем трех букв: И, Л и С.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбитт по имени и, видимо, чего-то требует от нее. Чего он может от нее требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-

нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:

В нем семь букв: третья буква и последняя — И. Я предположил, что слово это «ПРИХОДИ», и сразу оказался обладателем еще пяти букв: П, Р, Х, О, Д. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом и что написала его миссис Кьюбитт. Вот оно:

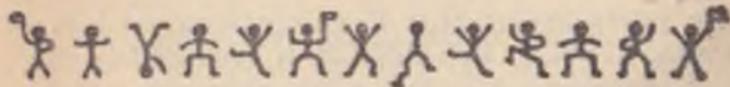

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

..И.О.Д.

Что же могла миссис Кьюбитт ответить на его просьбу прийти? Догадка осенила меня. Она ответила: «НИКОГДА».

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке. Вот она:

Если подставить под эту надпись уже известные нам буквы, получается:

..Д.С. А. СЛ.НИ

Предположим, что второе слово — «ЗДЕСЬ». В таком случае последнее слово — «СЛЕНИ». Это фамилия, чрезвычайно распространенная в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, — по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя «АБ». Теперь остается установить только первое слово фразы; оно

состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоимение «я». Итак, в первом послании написано: «Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ». Ну, а теперь у меня уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА». Мне пришло в голову, что «Элридж» — название дома или гостиницы, в которой живет человек, все это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчет о том, каким образом мой приятель разгадал тайну пляшущих человечков.

— Что же вы сделали дальше, сэр? — спросил инспектор.

— Так как имя «Аб» употребляется только в Америке и так как все дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени — американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим кроется какое-то преступление. Мое подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбитт с таким упорством скрывала от мужа свое прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбитт сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО.ОВЬСЯ К С.ЕР.И

Так я узнал буквы М и Т, которые до сих пор мне не попадались. «ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ!» Мерзавец от просьб перешел к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

— Большая честь — совместно с вами раскрывать преступление, — сказал инспектор почтительно. — Но, однако, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерет, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

— Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

— Откуда вы знаете?

— Удрать — это значит сознаться в своей вине.

— В таком случае давайте поедем и арестуем его.

— Я жду его сюда с минуты на минуту.

— Почему вы думаете, что он придет?

— Я написал ему и попросил прийти.

— Я не могу поверить этому, мистер Холмс! Неужели он придет потому, что вы попросили его? Не возбудит ли в нем подозрения ваше письмо и не попытается ли он скрыться?

— Все зависит от того, как составить письмо, — сказал Шерлок Холмс. — Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идет к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с черной жесткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно все вокруг принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

— Я полагаю, джентльмены, — спокойно сказал Холмс, — что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеет дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Целая минута прошла в тишине — одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась, и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надея наручники на его запястья.

Все было сделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он переводил с одного на другого взгляд своих блестящих черных глаз, потом горько рассмеялся.

— Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Я столкнулся с чьей-то железной волей... Однако меня вызвала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбитт... Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она могла вам заманить меня в эту ловушку?

— Миссис Хилтон Кьюбитт тяжело ранена и находится при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнесся по всему дому.

— Да вы с ума сошли! — заорал он яростно. — Он рапеп, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит мне бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на ее прекрасной голове. Возьмите свои слова обратно — эй, вы! Скажите, что она не рапена!

— Она была найдена тяжело рапенной возле своего мертвого мужа.

С глубоким стоном он опустилсЯ на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния:

— Мне печего скрывать от вас, джептльмены, — сказал он. — Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, — следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил ее. Я имел все права на нее. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на нее права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

— Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, — сурово сказал Холмс. — Она бежала из Америки в Англию, чтобы спрятаться от вас, и здесь вышла замуж за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали ее, превратили ее жизнь в ад, стараясь заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами... А вас она боялась и непавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слепи, за которые вам придется держать ответ.

— Если Илси умрет, мне все равно, что будет со мною, — сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

— Послушайте, мистер, — вскричал он, и глаза его недоверчиво блеснули, — а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди рапена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

— Ее написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

— Ее написали вы? На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал

бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать ее?

— То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим,— сказал Холмс.— Вот приближается кэб, в котором вас отправят в Норидж, мистер Слени. Но у вас есть еще возможность хоть немного исправить причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбитт сама была заподозрена в тяжком преступлении — убийстве своего мужа,— и что только мое присутствие здесь и добытые мною сведения спасли ее от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно неповинна в его трагической смерти.

— Так я и сделаю,— сказал американец.— Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребенком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарем. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрел буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илси узнала о некоторых наших делах и пришла в ужас, а так как у нее было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она бежала от нас в Лондон. Мы были помолвлены, и она вышла бы за меня замуж, если бы я переменял профессию. А так она не желала иметь со мной ничего общего. Мне удалось напасть на ее след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получил. Тогда я приехал сюда, и, так как она могла не получить моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я спял, тем хороша, что расположена в пижнем этаже, и я мог выходить из нее по почам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце ее будет разбито, если ее муж попадет в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж ее уйдет спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю ее в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал ее муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал через сад и услышал, как сзади захлопнули окно... Все это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слышал, пока ко мне не прискакал парень с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки...

Тем временем к дому подъехал кэб; в нем сидели два полисмена.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо.

— Пора ехать.

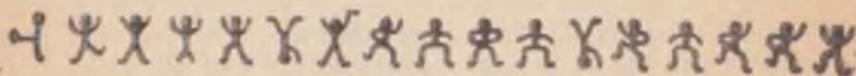
— Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

— Нет, она еще не очнулась... Мистер Шерлок Холмс, мне остается только надеяться, что, когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

— Попробуйте прочитать ее, Уотсон,— сказал он, улыбаясь.

На пей были парисованы вот такие пляшущие человечки:

— Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «ПРИХОДИТЕ НЕМЕДЛЕННО». Я не сомневался, что это приглашение приведет его сюда, ибо он будет убежден, что, кроме миссис Кьюбитт, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру... Мне кажется, я выполнил свое обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд

отходит в три сорок, и мы приедем на Вейкер-стрит как раз к обеду.

Еще несколько слов в заключение. Американец Аб Слели зимней сессией суда в Норидже был приговорен к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и то, что Хилтон Кьюбитт выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбитт мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она все еще вдова и что она посвятила свою жизнь заботам о бедных и управлению поместьем своего мужа.

СЛУЧАЙ В ИНТЕРНАТЕ

Наша скромная сцѣпа на Бейкер-стрит зпавала много драматическихъ эпизодовъ, но я не припомню ничего болѣе неожиданнаго и ошеломляющаго, чемъ первое появленіе на пей Торникрофта Хакстейбла, магистра искусствъ, доктора философіи и т. д. и т. п. Визитная карточка, казавшаяся слишкомъ маленькой для такого груза учѣныхъ степеней, опередила его на несколько секундъ; следомъ за пей появился и онъ самъ, человекъ рослый, солидный, величественный — олицетвореніе выдержки и твердости духа. И вотъ не успѣла дверь затвориться за нимъ, какъ онъ оперся руками о столъ, медленно оселъ на полъ и, потерявъ сознание, растянулся во весь свой могучій ростъ на медвежьей шкурѣ у насъ передъ каминомъ.

Мы вскочили съ мѣст и минуту молча, удивленно смотрѣли на этотъ внушительный обломокъ крушенія, занесенный къ намъ бурей, разыгравшейся гдѣ-то далеко, въ безбрежномъ океанѣ жизни. Потомъ Холмсъ быстро подсунулъ ему подушку подъ голову, а я поднесъ къ его губамъ рюмку коньяку. Полное блѣдное лицо незнакомца бороздили глубокіе морщины; подъ опухшими глазами лежали синеватые тени; уголки приоткрытаго рта были скорбно опущены; на двойномъ подбородкѣ проступала щетина. Видимо, онъ приехалъ издалека, такъ какъ воротничокъ и рубашка у него загрязнились, нечесанные волосы прядями падали на высокій, красивый лобъ. Передъ нами лежалъ человекъ, котораго постигла какая-то большая беда.

— Что съ нимъ, Уотсон? — спросилъ Холмсъ.

— Полный упадокъ сил... вероятно, отъ голода и усталости, — отвѣтилъ я, держа пальцы на его кисти, гдѣ тоненькой, еле ощутимой виточкой билась жизнь.

— Обратный проезд до Мэклтона. Это на севере Англии,— сказал Холмс, вынимая у него из карманка для часов железнодорожный билет.— Сейчас еще пет двенадцати. Раненько же ему пришлось выехать!

Припухшие веки гости дрогнули, и его серые глаза уставились на нас бессмысленным взглядом. Минутой позже он с трудом поднялся на ноги, весь красный от стыда.

— Простите меня, мистер Холмс. Этот обморок — следствие нервного потрясения. Нет, благодарю вас. Стакан молока с сухариком — и все пройдет. Мистер Холмс, я приехал сюда, чтобы увезти вас с собой. Мне казалось, что никакая телеграмма не даст вам должного представления о неотложности этого дела.

— Когда вы окончательно оправитесь...

— Я чувствую себя отлично. Просто не понимаю, что это со мной приключилось. Мистер Холмс, я прошу вас выехать в Мэклтон первым же поездом.

Холмс покачал головой.

— Мой коллега, доктор Уотсон, подтвердит вам, что мы с ним очень заняты. Мне поручили расследование пропажи документов Ферьера, а, кроме того, на днях начинается слушание дела об убийстве в Абергавенни. Выехать из Лондона меня может заставить только что-нибудь сверхважное.

— Сверхважное! — Наш гость воздел руки. — Неужели вы не слышали о похищении единственного сына герцога Холдернесса?

— Герцога Холдернесса? Бывшего министра?

— Да, да! Мы приложили все силы, чтобы это не попало в газеты, но во вчерашнем «Глобусе» уже промелькнули кое-какие слухи. Я так и думал, что до вас они тоже дошли.

Холмс протянул свою длинную, худую руку и снял с полки том энциклопедического справочника на букву «Х».

— «Холдернесс, шестой герцог, кавалер Ордена подвязки, член Тайного совета...» и так далее, до бесконечности. «Барон Боверли, граф Карлтон...» Боже мой, сколько титулов! «Председатель суда графства Хэллемшир (с 1900 г.). Женат на Эдит, дочери сэра Чарльза Эшлора (1888 г.). Единственный его сын и наследник лорд Солтайр. Владелец двухсот пятидесяти тысяч акров земли. Рудники в Лапкашире и Уэльсе. Адрес: Карлтон-хаустеррас; Холдернесс-холл, Хэллемшир; замок Карлтон, Бангор, Уэльс. Лорд Адмиралтейства (1872), министр...» Сло-

вом, человек известный, пожалуй, один из самых известных в нашей стране.

— Один из самых известных и, может быть, самых богатых. Насколько я знаю, мистер Холмс, вы далеко не ремесленник в своей области и сплошь и рядом беретесь за дело ради самого дела. Но разрешите вам сказать, что его светлость обещает вручить чек на пять тысяч фунтов тому, кто укажет местонахождение его сына, и дополнительную тысячу фунтов, если ему назовут похитителя или похитителей.

— Щедрое вознаграждение! — сказал Холмс. — Вотсон, пожалуй, мы с вами отправимся на север Англии вместе с доктором Хакстейблом. А вы, доктор, выпейте молока, и потом расскажите нам, что произошло, когда произошло, где произошло и, наконец, какое отношение имеет к этому доктор Торникрофт Хакстейбл, директор интерната под Мэклтеном, и почему он только через три дня после происшествия — о чем сужу по вашему небритому подбородку — обращается ко мне, веря в мои скромные способности.

Наш гость выпил стакан молока с сухариком и горячо, не упуская ни одной подробности, повел свой рассказ. Взгляд его сразу ожил, щеки порозовели.

— Должен вам доложить, джентльмены, что я основатель и директор школы-интерната под Мэклтеном. «Комментарии к Горацию» Хакстейбла, может быть, напомнят вам, с кем вы имеете дело. Мой интернат для мальчиков — несомненно, самое лучшее и самое привилегированное учебное заведение в Англии. Лорд Леверстоук, граф Блэкуотер, сэр Кэткарт Сомс — вот кто доверяет мне своих сыновей. Но вершины славы моя школа достигла три недели назад, когда лорд Холдернесс передал мне через своего секретаря, мистера Джеймса Уайлдера, что десятилетний лорд Солтайр, его единственный сын и наследник, будет учиться у меня в школе. Мог ли я думать тогда: вот прелюдия, за которой последует величайшее несчастье моей жизни!

Лорд Солтайр приехал первого мая, к началу летнего семестра. Этот очаровательный мальчик очень скоро освоился с нашими порядками. Должен заметить — и, надеюсь, никто не обвинит меня в нескромности, ибо умалчивать об этом было бы нелепо, — мальчику жилось дома не сладко. Ни для кого не секрет, что супружеская жизнь герцога оставляла желать много лучшего, и по взаимному соглашению супруги разъехались, причем герцогиня поселилась на юге Франции. Все это произошло совсем недавно, а сынов-

ние чувства мальчика, как нам стало известно, были всецело на стороне матери. Он затосковал после ее отъезда из Холдернесс-холла, и тогда герцог решил определить его ко мне в интернат. Через две недели маленький лорд Солтайр совсем обжился у нас и, судя по всему, чувствовал себя прекрасно.

Последний раз его видели вечером тринадцатого мая, то есть в понедельник. Отведенная ему комната была на втором этаже, а в большой смежной спали два других мальчика. Эти мальчики ничего не видели и не слышали ночью, следовательно, лорд Солтайр вышел из своей комнаты не через дверь. Окно у него было открыто, а стену в этом месте густо увивает плющ с очень толстыми побегами. Следов на земле мы не обнаружили, по можно не сомневаться, что он вылез в окно.

Беглеца хватились во вторник, в семь часов утра. Кровать его была не застелена. Перед уходом он оделся в пикольную форму — черную итонскую курточку и серые брюки. Ночью в комнату к нему никто не входил, а если бы оттуда доносились крики или звуки борьбы, Контер, старший из мальчиков в смежной спальне, разумеется, услышал бы шум, так как он спит чутко.

Как только исчезновение лорда Солтайра было обнаружено, я созвал весь интернат — мальчиков, учителей, слуг. И тут мы убедились, что лорд Солтайр бежал не один. Отсутствовал Хайдеггер — преподаватель немецкого языка. Комната Хайдеггера была в противоположном крыле второго этажа, но тоже выходила окнами на лужайку. Кровать и у него стояла неубранная, однако одеться как следует ему, видимо, не пришлось, потому что его рубашка и носки валялись на полу. Он вылез в окно и спустился вниз, цепляясь за побеги плюща, о чем свидетельствовали следы на земле. Его велосипеда, обычно стоявшего в небольшом сарае в конце лужайки, на месте не оказалось.

Хайдеггер поступил ко мне в школу два года назад с самыми лучшими рекомендациями, но человек он был молчаливый, хмурый и не пользовался особенной любовью ни среди школьников, ни среди учителей.

Сегодня у нас четверг, и со вторника мы не узнали ничего нового о беглеце. Разумеется, первое, что я сделал, — это поспешил съездить с Холдернесс-холлом. Поместье герцога находится всего в нескольких милях от школы, и у нас была надежда, что, затосковав по дому, лорд Солтайр вернулся к отцу, но там его не оказалось. Герцог страшно

взволнован, а что касается меня, так вы сами могли убедиться, до чего доводит человека тревога и чувство ответственности за своего питомца. Мистер Холмс, умоляю вас, не щадите своих сил! Это дело заслуживает того, чтобы вы отдались ему всецело.

Шерлок Холмс внимательно выслушал рассказ злопущного директора. Нахмуренные брови, глубокая складка между ними свидетельствовали о том, что он не нуждается в уговорах и положит все силы на расследование дела, которое, помимо своей серьезности, будило в нем его всегдашнюю любовь к задачам необычным и запутанным. Он вынул из кармана записную книжку и записал в ней что-то себе для памяти.

— Вы совершили большую ошибку, что не обратились ко мне сразу,— строго проговорил мой друг.— Это сильно осложнит расследование. Я, например, уверен, что и лужайка и плющ на стене могли бы о многом порассказать опытному глазу.

— Я тут ни при чем, мистер Холмс. Его светлость всеми силами старался избежать огласки. Он опасался, как бы его семейные неурядицы не стали предметом сплетен. Это ему всегда претило.

— А местные власти занимались расследованием бегства лорда Солтайра?

— Да, сэр, но — увы! — это ни к чему не привело. Сначала мы как будто попали на след беглецов — нам сообщили, что с нашей станции утренним поездом выехал какой-то молодой человек и с ним мальчик. Но вчера вечером их задержали в Ливерпуле, и ошибка сразу выяснилась. Вот тогда-то я уж совсем отчаялся и после бессонной ночи с первым же поездом выехал к вам.

— Как только полиция направилась по ложному следу, расследование дела на месте, вероятно, велось уже не так ретиво?

— Его попросту прекратили.

— Значит, три дня прошли впустую. Это возмутительно!

— Да, каюсь. Вы правы.

— А ведь загадку эту можно распутать. Я с удовольствием возьмусь за ваше дело. Скажите, вам удалось установить какую-нибудь связь между исчезнувшим мальчиком и учителем немецкого языка?

— Никакой связи между ними не было.

— Учитель преподавал у него в классе?

— Нет, и, насколько мне известно, он даже ни разу с ним не говорил.

— Страшно, очень страшно! Велосипед у мальчика был?

— Нет.

— А другие велосипеды все на месте?

— На месте.

— Вы в этом уверены?

— Совершенно уверен.

— Надеюсь, вы не думаете, что немец уехал глухой ночью на велосипеде с мальчиком на руках?

— Разумеется, нет.

— Тогда как вы все это объясняете?

— Может быть, они взяли велосипед для отвода глаз, припрятали его где-нибудь, а сами пошли пешком.

— Может быть. Но, согласитесь сами, это странный способ отвести глаза. Ведь в сарае стояли и другие велосипеды?

— Да.

— Не лучше ли ему было спрятать два велосипеда, если он хотел навести вас на мысль, что они уехали, а не ушли пешком?

— Да, вы правы.

— То-то и оно. Нет, эта теория никуда не годится. Но сама по себе пропажа велосипеда может послужить отправной точкой для дальнейшего расследования. В конце концов, это не такая вещь, которую легко спрятать или уничтожить. Еще один вопрос: кто-нибудь навещал мальчика накануне его бегства?

— Нет.

— Может быть, на его имя были письма?

— Да, одно письмо было.

— От кого?

— От его отца.

— Вы вскрываете почту своих учеников?

— Нет.

— Почему же вы думаете, что письмо пришло от его отца?

— Конверт был с гербом, и адрес написан угловатым почерком герцога. Кроме того, герцог сам вспомнил, что писал сыну.

— Когда мальчик получал письма до этого?

— Последние дни на его имя ничего не было.

— А из Франции ему писали?

— Ни разу.

— Вы, разумеется, понимаете, к чему я клоню. Либо лорда Солтайра увели силой, либо он убежал по собственной воле. Последняя гипотеза подсказывает, что мальчик не мог бы отважиться на такой поступок без воздействия извне. Если к нему никто не приходил, следовательно, воздействие оказывалось при помощи писем. Вот почему мне важно знать, кто были его корреспонденты.

— Вряд ли я могу тут чем-нибудь помочь вам. Насколько нам известно, ему писал только отец.

— И отцовское письмо пришло в день побега. Какие отношения были между отцом и сыном — хорошие, дружеские?

— Его светлость никого не удостаивает своей дружбой: он поглощен важными государственными делами. Вряд ли ему доступны обычные человеческие чувства. Но по-своему он относился к сыну неплохо.

— Однако сердцем мальчик был всецело на стороне матери?

— Да.

— Он сам так говорил?

— Нет.

— Кто же? Герцог?

— Ну, что вы! Конечно, нет!

— Так откуда вам это известно?

— Мне приходилось раз-другой беседовать с секретарем его светлости, мистером Джеймсом Уайлдером. Он и осведомил меня по секрету о настроении лорда Солтайра.

— Понятно. Кстати, последнее письмо герцога нашли в комнате мальчика уже после побега?

— Нет, он взял его с собой... Мистер Холмс, а не нора ли нам на вокзал?

— Сейчас я велю вызвать кэб. Через четверть часа мы будем к вашим услугам. Если вы собираетесь телеграфировать домой, мистер Хакстейбл, пусть там у вас думают, что розыски все еще ведутся в Ливерпуле. Ведь, кажется, ложные следы завели полицию именно туда? А я тем временем спокойно, без помех поработаю у самых дверей вашей школы, и, может быть, чутье не подведет двух таких старых ищеек, как ваш покорный слуга и Уотсон, и мы ухитримся кое-что разнюхать на месте.

Вечером на нас пахнуло бодрящим, холодным воздухом графства Дерби, где находилась знаменитая школа доктора Хакстейбла. Когда мы подъезжали к ней, было уже темно. На столе в передней лежала визитная карточка. Лакей

шеннул что-то директору, и тот, взволнованный, повернулся к нам.

— Герцог здесь, — сказал он. — Герцог и мистер Уайлдер ждут меня в кабинете. Пойдемте, джентльмены, я представлю вас.

Я, конечно, знал по фотографиям этого известнейшего государственного деятеля, но он оказался совсем не таким, как на портретах. На ковре у камина перед нами стоял изысканно одетый, величественной осанки человек с худым, узким лицом и как-то нелепо торчащим длинным крючковатым носом. Он был бледен как смерть, и эту бледность особенно подчеркивала его длинная ярко-рыжая борода, сквозь которую на белом жилете поблескивала золотая цепочка от часов. Бывший министр смотрел на нас ледяным взглядом. Рядом с ним стоял совсем еще молодой человек небольшого роста с подвижным, нервным лицом и умными голубыми глазами — как я догадался, его личный секретарь Уайлдер. Разговор начал он, и начал сразу, весьма решительным и даже едким тоном:

— Доктор Хакстейбл, я был у вас сегодня утром, но, к сожалению, опоздал и не мог воспрепятствовать вашей поездке в Лондон. Как мне сказали, вы отправились туда за мистером Холмсом с тем, чтобы поручить ему расследование этого дела. Его светлость удивлен, доктор Хакстейбл, что вы решились на такой шаг, не посоветовавшись предварительно с ним.

— Когда я узнал, что полицейские розыски ни к чему не привели...

— Его светлость далеко не убежден в этом.

— Но, мистер Уайлдер!..

— Как вам известно, доктор Хакстейбл, его светлость не хочет, чтобы это дело получило огласку. Он предпочел бы не посвящать в него лишних людей.

— Это легко исправить, — пробормотал перепуганный доктор. — Мистер Шерлок Холмс может выехать в Лондон утренним поездом.

— Не собираюсь, доктор, не собираюсь, — с вежливой улыбкой сказал Холмс. — Северный воздух так приятен и так благотворен для здоровья, что я решил провести несколько дней здесь, на равнине, а уж развлекаться буду как могу. Найду ли я пристанище под вашим кровом или в деревенской гостинице — это, разумеется, зависит только от вас.

Несчастный доктор был в полной растерянности, но тут ему на выручку поспешил звучный бас рыжебородого герцога, прозвучавший, точно гонг, которым сзывают к обеду.

— Мистер Уайлдер прав, доктор Хакстейбл, вам следовало бы посоветоваться со мной. Но, поскольку вы посвятили мистера Холмса во все это дело, с нашей стороны было бы неразумно отказываться от его помощи. Вам незачем идти в деревенскую гостиницу, мистер Холмс, я буду рад принять вас у себя в Холдернесс-холле.

— Премного благодарен, ваша светлость. Однако в интересах нашего дела, пожалуй, мне следует остаться здесь, на месте происшествия.

— Не стану вас неволить, мистер Холмс. Но если вам понадобятся какие-нибудь сведения от меня или мистера Уайлдера, мы к вашим услугам.

— Мне, вероятно, придется побывать в Холдернесс-холле,— сказал Холмс.— А сейчас, сэр, я только хотел бы знать, как бы объясняете таинственное исчезновение вашего сына.

— Затрудняюсь вам ответить, сэр.

— Простите, если я коснусь неприятной для вас темы. Но без этого нельзя. Не думаете ли вы, что тут замешана герцогиня?

Министр медлил с ответом.

— Нет, не думаю,— сказал он наконец.

— Тогда само собой напрашивается другое объяснение: может быть, мальчика похитили с тем, чтобы получить за него выкуп? Таких требований не было?

— Нет, сэр.

— Еще один вопрос, ваша светлость. Мне известно, что вы писали сыну в день его исчезновения.

— Нет, это было накануне.

— Совершенно верно. Но он получил ваше письмо в день побега?

— Да.

— Не было ли в этом письме чего-нибудь такого, что могло взволновать его или подать ему мысль о бегстве?

— Разумеется, нет, сэр!

— Письмо вы отправили сами?

За герцога раздраженно ответил секретарь:

— Его светлость не имеет обыкновения лично отправлять свою корреспонденцию. Это письмо было оставлено вместе с другими на столе в кабинете, и я все их положил в сумку для почты.

— Вы уверены, что среди других писем было и это?

— Да, я его видел.

— Сколько писем вы написали в тот день, ваша светлость?

— Не то двадцать, не то тридцать. У меня обширная переписка. Но, по-моему, мы несколько отклонились от существа дела.

— Нет, почему же! — сказал Холмс.

— Я сам посоветовал полиции направить поиски на юг Франции, — продолжал герцог. — Повторяю: и не думаю, чтобы герцогиня была способна толкнуть сына на такой чудовищный поступок, но он, при его упорстве, мог убежать к матери, тем более если тут не обошлось без подстрекательства и содействия этого немца. А теперь, доктор Хакстейбл, разрешите откланяться.

Я чувствовал, сколько еще вопросов есть у Холмса, но герцог сразу положил конец разговору. Утонченный аристократизм этого вельможи не позволял ему входить в обсуждение семейных дел с посторонним человеком, и он, видимо, боялся, что каждый новый вопрос бросит безжалостный свет на старательно затемненные уголки его жизни.

Сразу после ухода герцога и мистера Уайлдера мой друг с обычным для него рвением принялся за работу.

Тщательный осмотр комнаты мальчика ничего не дал, кроме окончательной уверенности в том, что он мог убежать только через окно. Среди вещей в комнате учителя-немца тоже не нашлось новых улик. Плющ под окном не выдержал его тяжести, и, осветив фонариком лужайку, мы увидели там глубокие отпечатки каблуков. Примятая трава — вот единственное, что свидетельствовало об этом необъяснимом ночном побеге.

Шерлок Холмс ушел, оставив меня одного, и вернулся только в двенадцатом часу ночи. Он достал где-то большую карту здешних мест, разложил ее у меня в комнате на кровати и поставил посередине лампу. Потом закурил и стал сосредоточенно разглядывать свое приобретение, время от времени показывая мне интересующие его пункты дымящимся янтарным мундштуком трубки.

— Это дело захватывает меня все больше и больше, Уотсон, — говорил мой друг. — Интересное дело, очень интересное... Но сейчас, когда я только приступаю к нему, мне хотелось бы обратить ваше внимание на некоторые географические детали, которые могут оказаться немаловажными в ходе расследования. Взгляните на карту. Вот этот

зантрихованный квадрат — школа. Воткнем сюда булавку. Вот шоссе. Оно проходит мимо школы с востока на запад, и на протяжении мили ответвлений от него нет ни в ту, ни в другую сторону. Если беглецы выбрали этот путь, шоссе им не миновать.

— Правильно.

— По счастливому стечению обстоятельств мы можем проверить, что делалось на дороге той ночью. Вот здесь, где сейчас моя трубка, с двенадцати до шести утра дежурил полисмен. Как видите, это первый перекресток в восточной части шоссе. Полисмен ни на минуту не отлучался со своего поста, и он утверждает, что непременно заметил бы взрослого мужчину с мальчиком, если бы они там прошли. Я говорил с ним сегодня вечером, и, по-моему, на его слова можно положиться. Значит, эта часть шоссе исключается. Теперь посмотрим, как обстоит дело в западной его части. Там есть гостиница «Рыжий бык», хозяйка которой лежит больная. Она послала за врачом в Мэклтон, но тот был у другого больного и приехал к ней только рано утром. В ожидании его в гостинице не спали всю ночь и то и дело поглядывали на шоссе, не едет ли он. По словам этих людей, мимо гостиницы никто не проходил. Если верить им, выходит, что и западная часть шоссе не оставляет у нас никаких сомнений. Следовательно, беглецы избрали какой-то другой путь.

— А велосипед? — спросил я.

— Да, велосипед. Сейчас мы им займемся. Итак, продолжаем наши рассуждения. Если беглецы не вышли на шоссе, следовательно, они отправились или к северу, или к югу от школы, это бесспорно. Давайте взвесим оба эти предположения. К югу от школы лежит обширное поле, разбитое на мелкие участки; каждый отделен от другого каменной оградой. Проехать туда на велосипеде невозможно. Следовательно, и это предположение надо отставить. Теперь обратим наши взоры к северу. Там мы видим рощу, называющуюся Косой клип, а за ней, на десять миль вглубь, простирается болотистая равнина, все более холмистая к северу. Левее нее стоит Холдернесс-холл, до которого по шоссе десять миль, а напрямик всего шесть. Равнина эта унылая, безлюдная. По ней разбросано несколько маленьких скотоводческих ферм. Овцы, коровы да болотная птица — вот единственные обитатели этих мест. Дальше, как вы сами видите, проходит Честерфилдское шоссе. Вдоль него стоят два-три коттеджа, церковь и гостиница.

Позади — холмы, высокие, обрывистые. И уверен, что наши поиски надо направить сюда, к северу.

— Но велосипед! — повторил я.

— При чем тут велосипед! — нетерпеливо сказала Холмс. — Хорошие велосипедисты ездят не только по шоссе, но и по лесным дорогам. Равнина испещрена тропинками, кроме того, в ту ночь ярко светила луна... Стойте! Что это?

Тревожный стук в дверь — и сейчас же следом за ним в комнату к нам вошел доктор Хакстейбл. Он держал в руках голубое кепи с белой нашивкой на козырьке.

— Находка! — воскликнул он. — Слава богу! Наконец-то попали на след нашего мальчика! Это его кепи!

— Где его нашли?

— В фургоне у цыган, которые стояли табором на равнине. Они снялись с места во вторник. Сегодня полиция нагрянула к ним и произвела обыск в фургоне. Вот что было найдено.

— Как это к ним попало? Что они говорят?

— Изворачиваются, лгут. Клянутся, будто нашли кепи на равнине во вторник утром. Нет, эти негодяи знают, где мальчик! К счастью, их всех посадили под замок. Страх перед законом развяжет им языки. А может быть, не только страх, но и кошелек герцога.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Холмс, когда доктор вышел из комнаты. — Во всяком случае, это подтверждает мою теорию, что только поиски на равнине и дадут какие-нибудь результаты. Полиция здесь ничего не сделала, если не считать ареста цыган. Посмотрите на карту, Уотсон. По равнине пробегает ручей. Между школой и Холдернесс-холлом он кое-где заболочен. Погода сейчас такая засушливая, что искать следы в других местах бесполезно, а среди болот, может быть, кое-что и осталось. Завтра я зайду за вами пораньше, и мы попытаемся пролить свет на эту таинственную историю.

На другой день, проснувшись в предрассветных сумерках, я увидел у своей кровати высокую, худую фигуру Холмса. Он был одет и, судя по всему, уже успел совершить прогулку.

— Я обследовал лужайку и сарай с велосипедами, — сказал мой друг, — потом погулял в Косом клине. Вставайте, Уотсон, в соседней комнате подано какао. И я попрошу вас поторопиться, потому что нам надо много сделать за сегодняшний день.

Лицо у моего друга раскраснелось, глаза блестели, как у человека, которому не терпится приняться за свою любимую работу. Это был другой Холмс — оживленный, энергичный, совсем не похожий на погруженного в себя бледного мечтателя с Бейкер-стрит. И, глядя на его подтянутую, брызжущую силой фигуру, я понял, что день нам предстоит хлопотливый.

Но начался он с самого горького разочарования. Полные надежд, мы отправились в путь по бурой торфяной равнине, которую пересекало множество тропинок, протоптанных овцами, и вскоре вышли к светло-зеленой заболоченной лужайке, лежащей между нами и Холдернесс-холлом. Если мальчик бежал домой, он не мог миновать ее, и тут должны были остаться его следы или следы учителя-пемца. Но ничего такого мы не нашли. Мой друг шел вдоль кромки этой зеленой лужайки и, нахмутив брови, внимательно приглядывался к каждому темному пятну на ее мшистой поверхности. Овечьих следов здесь было множество, а пройдя дальше еще несколько миль, мы увидели отпечатки коровьих копыт. И это было все.

— Осечка, — сказал Холмс, обводя сумрачным взглядом расстилающуюся перед ним равнину. — Вон там еще болота, и между ними есть узкий проход. Смотрите! Смотрите! Что это?

Мы ступили на вьющуюся черной лентой тропинку. По самой ее середине, на сырой земле, четко виднелись отпечатки велосипедных шин.

— Ура! — крикнул я. — Вот и велосипед!

Но Холмс покачал головой, и выражение лица у него было не столько радостное, сколько удивленное и настороженное.

— Велосипед-то велосипед, да не тот, — сказал он. — Мне известны сорок два различных отпечатка велосипедных шин. Эти, как видите, фирмы «Данлоп», да еще с заплатой. У Хайдеггера были палмеровские, с продольными полосками. Следовательно, проезжал тут не Хайдеггер, а кто-то другой.

— Значит, мальчик?

— Ах, если бы мы могли доказать, что у него был велосипед! Но нас уверяют, что велосипеда у него не было. Эти следы, как вы сами можете убедиться, ведут от школы.

— Или по направлению к школе.

— Нет, мой дорогой Уотсон. Отпечаток заднего колеса всегда глубже, потому что на него приходится большая

тяжесть. Вот видите? В нескольких местах он сошел с менее ясным отпечатком переднего и уничтожил его. Нет, велосипедист, несомненно, ехал от школы. Может быть, он не имеет никакого отношения к нашим розыскам, но все же прежде чем продолжать их, давайте пойдем обратно по этому следу.

Так мы и сделали, и через двести — триста ярдов там, где тропинка свернула с заболоченного участка, отпечаток шин исчез. Но дальше тропинку пересекал ручеек, и за ним следы снова появились, хотя их успели затоптать коровы. Потом тропинка углубилась в Кусой клин — рою, которая примыкала почти к самому зданию школы. Велосипедист, очевидно, выехал из этой рою. Холмс сел на валун и подпер подбородок руками. Пока он сидел так в полной неподвижности, я успел выкурить две сигареты.

— Ну что ж, — сказал пакопец мой друг, — предусмотрительный человек, разумеется, может сменить шины у своего велосипеда, чтобы запутать следы. Но иметь дело с преступником, обладающим таким даром предвидения, было бы для меня большой честью. Оставим этот вопрос неразрешенным и вернемся к болоту, потому что там еще не все обследовано.

Мы продолжали свой тщательный осмотр заболоченного участка равнины и вскоре были вознаграждены: Холмс увидел еще одну грязную тропинку и, подойдя к ней, радостно вскрикнул. По самой ее середине тянулись тонкие, как телеграфные провода, полоски. Это были отпечатки палмеровских велосипедных шин.

— Вот где проезжал герр Хаидеггер! — взволнованно проговорил Холмс. — Мои умозаключения были действительно плохи, Уотсон!

— С чем вас и поздравляю.

— Но до конца еще далеко. Прошу вас, не ступайте на тропинку. Пойдемте по этому следу. Он, верю, скоро обрвется.

Однако в этой части равнины то и дело попадались тонкие места, и, хотя велосипедный след часто терялся, мы каждый раз находили его.

— Вы замечаете, — сказал Холмс, — что здесь велосипедист нажал на педали? Это совершенно очевидно. Взгляните вот сюда, где сохранились следы и переднего и заднего колеса. Они одинаково четкие. А это можно объяснить только тем, что велосипедист перенес центр тяжести на руль, как делают гошники. Боже мой, он унал!

На грязной тропинке был широкий длинный мазок. Дальше виднелись отпечатки башмаков, а потом снова появился велосипедный след.

— Колеса скользнули? — спросил я.

Холмс поднял с земли сломанный кустик дрока. К моему ужасу, желтые цветы были забрызганы красным. На тропинке и в зарослях дрока темнели бурые пятна запекшейся крови.

— Плохо дело! — сказал Холмс. — Совсем плохо! Не ступите сюда, Уотсон, отойдите подальше. Итак, что можно прочесть здесь? Он упал раненный... поднялся... снова сел на велосипед... двинулся дальше. По тропинке прошло стадо. Не бык же его забодал! Но других следов здесь нет. Вперед, вперед, Уотсон! Пятна крови, отпечатки велосипедных шин — уж по этим следам мы его наверняка разыщем!

Наши поиски не затянулись. Велосипедный след начал судорожно петлять по влажно лоснящейся тропинке. Я посмотрел вперед, и вдруг перед глазами у меня что-то блеснуло металлическим блеском. Мы вытащили из зарослей дрока велосипед с палмеровскими шинами. Одна педаль у него была погнута, руль и переднее колесо сплошь залиты кровью. Чуть подальше из травы торчал башмак. Мы кинулись туда и увидели злосчастного велосипедиста — крупного бородатого человека в очках с разбитым правым стеклом. Причиной его смерти был сокрушительный удар, раскроивший ему череп. То, что он еще мог проехать несколько метров после такого ранения, говорило о его поразительной живучести и силе духа. Башмаки у него были надеты на босу ногу, а под пиджаком виднелась ночная сорочка. Сомневаться не приходилось: перед нами лежал учитель-немец.

Холмс бережно перевернул тело и осмотрел его, потом сел и задумался. И, глядя на встревоженное лицо моего друга, я понял, что эта страшная находка не очень-то продвинула вперед наше расследование.

— Просто не знаю, как нам быть, Уотсон, — сказал наконец Холмс. — Я склонен идти дальше. Наши поиски так затянулись, что нам и часу нельзя терять. С другой стороны, надо сообщить в полицию. Разве можно оставлять здесь тело этого бедняги!

— Пошлите записку со мной.

— Но я не могу обойтись без вас и без вашей помощи!

Стойте, вон там кто-то режет торф. Позовите этого человека, пусть приведет сюда полицию.

Я исполнил просьбу Холмса, и он отправил насмерть перепуганного фермера с запиской к доктору Хакстейблу.

— Итак, Уотсон, — снова заговорил мой друг, — сегодня утром мы с вами напали на два следа. Первый оставлен велосипедом с палмеровскими шинами, и вы видите, куда он нас привел. Вторая наша находка — след от заплатаанной данлопской шины. До того как отправиться по этому второму следу, давайте уясним себе, что нам известно, и отделим существенное от несущественного... Прежде всего мне хочется подчеркнуть, что мальчик бежал по собственной воле. Он вылез в окно и скрылся один или с сообщником. Это несомненно.

Я утвердительно наклонил голову.

— Так. Теперь займемся несчастным немцем. Мальчик успел одеться — следовательно, он готовился к побегу. Но немец, видимо, одевался второпях и потому убежал без носков.

— Несомненно.

— Что его заставило выскочить в окно? То, что он увидел убегавшего мальчика. Он хотел догнать и вернуть его. Он хватает свой велосипед, пускается в погоню за беглецом и погибает на болотах.

— Да, как будто так.

— Теперь я подхожу к наиболее спорной части моих рассуждений. Преследуя маленького мальчика, взрослый мужчина должен был бы просто побежать за ним. Ведь догнать его ничего не стоило бы. Но немец, который, по словам доктора Хакстейбла, был прекрасным велосипедистом, поступает по-другому, то есть спешит в сарай за своим велосипедом. Отсюда вывод: он увидел, что мальчик воспользовался более совершенным способом передвижения, чем собственные ноги.

— Другими словами, взял чей-то велосипед?

— Восстановим картину побега до конца. Немец погибает в пяти милях от школы — и погибает, заметьте, не от пули, которую мог бы пустить в него и ребенок, а от безжалостного удара по голове, нанесенного рукой сильного человека. Значит, у мальчика был спутник, и удалялись они так быстро, что хороший велосипедист настиг их лишь на пятой миле. При осмотре места, где разыгралась трагедия, мы обнаружили отпечатки коровьих копыт — и только. Я сделал более широкий круг шагов на пятьдесят, и не

увидел ни одной тропинки. Второй велосипедист не имел никакого отношения к убийству, а человеческих следов там не было.

— Холмс! — воскликнул я. — Это невероятно!

— Bravo! — сказал он. — Вывод исчерпывающий. В моем изложении события выглядят невероятно — следовательно, я допустил ошибку. Но вы все время были со мной и все видели сами. Где я ошибаюсь?

— Может быть, он расшиб голову во время падения?

— Среди болот, Уотсон?

— Я теряюсь, Холмс.

— Полно, полно, мы разгадывали и более трудные загадки. Материала для размышлений у нас достаточно, надо только с умом использовать его... Итак, пойдете дальше, Уотсон. Палмеровские шины сказали нам все, что могли. Теперь посмотрим, куда нас приведет заплатанная данлопская.

Мы отправились по этому следу, но вскоре перед нами потянулись пологие, заросшие вереском холмы; ручей остался позади, и велосипедный след исчез. Он больше ничем не мог помочь нам. С того места, где он кончался, данлопские шины могли вести или к Холдернесс-холлу, вздымавшему слева свои величавые башни, или к приземистым серым домишкам, за которыми, судя по карте, проходило Честерфилдское шоссе.

Когда мы были всего в нескольких шагах от ветхой и весьма неказистой на вид гостиницы с петухом на вывеске, Холмс вдруг охнул и схватил меня за плечо, чтобы не упасть. У него подвернулась нога, а, как известно, в таких случаях человек становится совершенно беспомощным. Он кое-как доковылял до гостиничного крыльца, где с трубкой в зубах сидел коренастый, смуглый человек средних лет.

— Здравствуйте, мистер Рюбен Хейз, — сказал Холмс.

— А кто вы такой и откуда вам известно, как меня зовут? — спросил этот человек, смерив Холмса подозрительным и недобрим взглядом.

— Ваше имя написано на вывеске у вас над головой. А хозяина всегда узнаешь. Скажите, нет ли у вас какой-нибудь таратайки в каретнике?

— Нет.

— Я на правую ногу ступить не могу.

— А не можете, так и не ступайте.

— Но как же мне идти?

— Как-нибудь на одной ножке допрыгаете.

Ответы мистера Рюбена Хейза не отличались чрезмерной любезностью, но Холмс сносил его грубость с удивительным добродушием.

— Слушайте, любезнейший,— сказал он,— вы же видите, какая со мной стряслась беда. Нам лишь бы до места добраться, а как и на чем, мне все равно.

— А мне и подавно все равно,— ответил этот угрюмый субъект.

— Я здесь по важному делу. Дайте мне свой велосипед и получите соверен за услугу.

Хозяин наострил уши.

— Куда вам ехать?

— В Холдернесс-холл.

— Уж не к самому ли герцогу в гости?— сказал хозяин, насмешливо глядя на нашу забрызганную грязью одежду.

Холмс добродушно рассмеялся.

— Герцог примет нас с распростертыми объятиями.

— Это почему же?

— Потому что мы к нему с хорошими вестями о его пропавшем сыне.

Мистер Хейз вздрогнул.

— Неужто выследили?

— Из Ливерпуля дали знать, что он там. Его вот-вот найдут.

Что-то тенью скользнуло по этой грубой, заросшей щетиной физиономии. Мистер Хейз вдруг подобрел.

— У меня на герцога зуб,— сказал он,— потому что я служил у него в кучерах и он очень круто со мной обошелся. Поставщик сена наврал на меня с три короба, и вышел мне расчет, и даже рекомендации не дали. Но все равно я рад, что молодой лорд отыскался в Ливерпуле. Так и быть, помогу вам доставить эту добрую весть в Холдернесс-холл.

— Благодарю,— сказал Холмс.— Но мы сначала поужинаем, а потом вы дадите мне свой велосипед.

— У меня нет велосипеда.

Холмс показал ему соверен.

— Говорю вам, нет у меня велосипеда! На лошадях доедете.

— Хорошо,— сказал Холмс.— Накормите нас, а потом мы об этом поговорим.

Когда мы остались одни на кухне, мощенной плитками, нога у Холмса вдруг ни с того ни с сего перестала болеть. День близился к вечеру. Мы проголодались и не спенили

вставать из-за стола. Погруженный в свои мысли, Холмс несколько раз, не прерывая молчания, подходил к окну. Оно смотрело во двор, заваленный мусором. В одном его углу стояла кузница, где работал грязный, чумазый подросток, в другом — конюшня. После одной из таких прогулок Холмс снова сел за стол и вдруг вскочил, громко вскрикнув.

— Есть, Уотсон! Нашел! — заговорил он. — Теперь все ясно. Уотсон, вы видели отпечатки коровьих копыт сегодня утром?

— Видел.

— Где?

— Да повсюду. И на болотах, и на тропинке, и около того места, где бедняга Хайдеггер покончил счеты с жизнью.

— Правильно. А теперь, Уотсон, скажите, много ли коров попало к вам на глаза?

— Коров я не видел.

— Странно, Уотсон! Повсюду отпечатки коровьих копыт, а самих коров нигде не видно. Правда, странно?

— Да, действительно.

— Теперь, Уотсон, напрягите память и постарайтесь представить, как выглядели эти следы на тропинке.

— Ну, представляю.

— Помните? Иногда они были такие...— Он стал раскладывать на столе хлебные крошки: — : : : — :
А иногда такие: — : . : . : . : . — А кое-где вот такие: — . : . : . : — Помните?

— Нет.

— А я помню и готов подтвердить это под присягой. Впрочем, мы еще вернемся туда и проверим все на месте. Затмение, что ли, на меня нашло, что я не сделал из этого соответствующих выводов!

— Каких выводов?

— А вот каких: удивительные эти коровы, которых можно пустить любым аллюром — и рысью, и в галоп, и шагом! Помяните мое слово, Уотсон, такая хитрая уловка не по уму хозяину деревенской харчевни! На дворе никого нет, кроме этого малого в кузнице. Сделаем вылазку и посмотрим, как там обстоят дела.

В полуразвалившейся конюшне стояли две лохматые, нечищенные лошади. Холмс поднял у одной из них заднюю ногу и громко рассмеялся.

— Подковы старые, а подковали совсем недавно. Под-

ковы старые, а гвозди новенькие. Это дело станет в ряд с классическими — оно вполне того заслуживает. Теперь заглянем в кузницу.

Подросток, занятый своей работой, не обратил на нас ни малейшего внимания. Я увидел, как Холмс быстро оглядел всю кузницу, заваленную железным ломом и цепками. Вдруг сзади послышались шаги, и мы увидели хозяина. Густые брови сошлись у него в одну линию над злобно сверкающими глазами, смуглое лицо подергивалось судорогой. Он держал в руке короткую, налитую свинцом дубинку и надвигался на нас с таким угрожающим видом, что я обрадовался, нащупав револьвер у себя в кармане.

— Полицейские ищeyки! — крикнул он. — Что нам здесь нужно?

— Мистер Рюбен Хейз, помилуйте! — преспокойно сказал Холмс. — Можно подумать, что вы боитесь, как бы мы и на самом деле чего-нибудь здесь не нашли.

Огромным усилием воли Хейз овладел собой и скривил губы в фальшивой улыбке, которая показалась мне еще страшнее, чем его грозный вид.

— Пожалуйста, ищите. Что найдете — все ваше, — сказал он. — Но я не люблю, когда посторонние люди без спросу шныряют у меня по двору. Поэтому, мистер, чем скорее вы уплатите по счету и уберетесь отсюда, тем будет лучше.

— Не сердитесь на нас, мистер Хейз, — сказал Холмс. — Мы просто хотели взглянуть на ваших лошадей, но я, кажется, и пешком дойду. Ведь до Холдернесс-холла недалеко?

— Отсюда до самых ворот мили две, не больше. Вон дорога, налево.

Он проводил нас со двора мрачным взглядом.

Мы недалеко ушли по дороге, так как Холмс остановился у первого ее поворота, зная, что теперь нас никто не увидит.

— Было «горячо», как говорится в детской игре, — сказал он. — И чем больше я удаляюсь от гостиницы, становится все холоднее и холоднее. Нет, уходить отсюда еще рано!

— Я убежден, что этот Рюбен Хейз все знает. Более злодейской физиономии мне в жизни не приходилось видеть!

— Не правда ли? Настоящий злодей! А лошади, а кузница? Н-да, любопытное местечко этот «Бойцовый петух»!

Давайте-ка понаблюдаем, что там делается, только осторожно, исподтишка.

Позади нас поднимался отлогий холм, усеянный серыми валунами. Когда мы стали взбираться вверх по его склону, я посмотрел в сторону Холдернесс-холла и вдруг увидел быстро мчавшегося по тропинке велосипедиста.

— Пригнитесь, Уотсон! — крикнул Холмс, опустив мне на плечо свою тяжелую руку.

Только мы успели спрятаться за валун, как человек пронесся мимо. В облаке пыли, поднятой велосипедистом, передо мной мелькнуло бледное, взволнованное лицо — лицо, в каждой черточке которого сквозил ужас: открытый рот, остановившийся взгляд дико вытаращенных глаз. Это была какая-то нелепая карикатура на щеголеватого, подтянутого Джеймса Уайлдера — нашего вчерашнего знакомца.

— Секретарь герцога! — воскликнул Холмс. — Скорее, Уотсон! Посмотрим, что ему там понадобилось.

Прыгая по камням, мы спустились вниз по откосу и увидели оттуда дверь гостиницы. Велосипед Уайлдера стоял у стены. В доме не было заметно никакого движения, в окна никто не выглядывал.

Солнце заходило за высокие башни Холдернесс-холла, и на равнину медленно спускались сумерки. Вскоре в сгустившейся темноте из конюшни при гостинице выкатила двуколка с зажженными по бокам фонарями, и через минуту-другую скачущая во весь опор лошадь промчала ее мимо нас по направлению к Честерфилду.

— Как это понимать, Уотсон? — прошептал Холмс.

— Похоже на бегство.

— Двуколка, и в ней всего один седок, насколько мне удалось разглядеть. Но это не мистер Джеймс Уайлдер, потому что, смотрите, вон он стоит.

Посреди ярко освещенного квадрата двери чернела фигура секретаря. Вытянув шею, он взглядывался в темноту, явно поджидая кого-то. Прошло несколько минут, и наконец на дороге послышались шаги. В свете, падающем из дверей, мелькнула еще чья-то тень, дверь затворили, и гостиница снова погрузилась во мрак. Потом в одном из ее верхних окон зажгли лампу.

— Странные посетители захаживают в «Бойцовый петух», — сказал Холмс.

— Кабачок с другой стороны.

— Правильно. Эти двое, вероятно, не просто посетители, а хозяйские гости. Но что понадобилось в этом логове

мистеру Джеймсу Уайлдеру, да еще в такой поздний час? И кому он назначил там встречу? Рискнем, Уотсон, посмотрим на них поближе.

Мы спустились на дорогу и, крадучись, подошли к дверям гостиницы. Велосипед Уайлдера по-прежнему стоял у стены. Холмс чиркнул спичкой, поднес ее к заднему велосипедному колесу, и я услышал, как он хмыкнул, когда огонек осветил заплату на даилопской шине. Окно, в котором горела лампа, было как раз над нами.

— Надо заглянуть туда одним глазком, Уотсон. Если вы подставите мне спину, а сами обопретесь о стену, я как-нибудь ухитрюсь это сделать.

Секунду спустя Холмс стал ногами мне на плечи и тут же соскочил вниз.

— Пойдемте, друг мой,— сказал он.— На сегодня хватит. Мы сделали все, что могли. Не будем терять времени: ведь до школы путь неблизкий.

Пока мы, оба усталые, медленно шагали по равнине, Холмс не проронил почти ни слова и, не заходя в школу, пошел на станцию отправить телеграммы. Потом я слышал, как он утешал доктора Хакстейбла, потрясенного трагической смертью учителя, и уже совсем поздно ночью увидел его у себя в комнате — такого же бодрого и полного сил, как минувшим утром.

— Все идет прекрасно, друг мой,— сказал он.— Обещаю вам, что завтра к вечеру мы добьемся разгадки этой тайны.

На следующий день в одиннадцать часов утра мы с Холмсом шли по знаменитой тисовой аллее Холдернесс-холла. Лакей встретил нас у великолепного портала и провел в кабинет его светлости. Там перед нами предстал мистер Джеймс Уайлдер. Он держался скромно, учтиво, но на его подергивающемся лице, в его бегающих по сторонам глазах все еще сквозил ужас.

— Вы хотите повидать герцога? Увы, его светлость плохо себя чувствует. Он просто убит этой трагедией, о которой доктор Хакстейбл известил нас вчера телеграммой.

— Мне необходимо повидать герцога, мистер Уайлдер.

— Но он не выходит из своей комнаты.

— Тогда я пройду к нему.

— Он в постели.

— И все-таки я настаиваю на встрече.

Ледяной, не допускающий возражений тон Холмса убедил секретаря, что спорить бесполезно.

— Хорошо, мистер Холмс, я доложу о вас.

Прошло не меньше часа, прежде чем герцог появился в кабинете. Глаза у него запали еще больше, плечи были безвольно опущены — он словно постарел со вчерашнего дня. С изысканной вежливостью отвесив нам поклон, он сел в кресло.

— Я слушаю вас, мистер Холмс.

Но мой друг смотрел в упор на секретаря, который стоял возле своего патрона.

— Ваша светлость, присутствие мистера Уайлдера несколько связывает меня.

Секретарь побледнел и бросил злобный взгляд на Холмса.

— Если вашей светлости угодно...

— Да, да, оставьте нас... Итак, мистер Холмс, что вы имеете сказать мне?

Мой друг выждал, когда дверь за секретарем затворилась.

— Ваша светлость,— начал он,— мы с моим коллегой, доктором Уотсоном, знаем со слов доктора Хакстейбла, что вы обещали денежное вознаграждение за расследование интересующего вас дела. Мне бы хотелось услышать это из ваших собственных уст.

— Пожалуйста, мистер Холмс.

— Если мне правильно сказали, вы назначили пять тысяч фунтов тому, кто укажет вам, где находится ваш сын.

— Совершенно верно.

— И еще тысячу тому, кто назовет лицо или же лиц, которые держат его взаперти.

— Совершенно верно.

— Тут, конечно, подразумеваются не только похитители, но и те, кто замыслил похищение.

— Да, да! — нетерпеливо воскликнул герцог. — Если вы разгадаете эту тайну, мистер Шерлок Холмс, вам не придется жаловаться на мою скупость.

Мой друг жадно потер руки, что удивило меня, так как до сих пор я знал его как человека самых скромных потребностей.

— Это у вас чековая книжка на столе? — спросил он. — Попрошу вашу светлость выписать мне чек на шесть тысяч фунтов! Переводный чек в то отделение банка на Оксфорд-стрит, где у меня открыт текущий счет.

Герцог выпрямился в кресле и смерил моего друга ледяным взглядом.

— Вы шутите, мистер Холмс? Подходящая ли это тема для острот!

— Что вы, ваша светлость! Я серьезен, как никогда.

— Что же это значит?

— Это значит, что я заработал вознаграждение. Мне известно, где находится ваш сын, и я знаю людей, вернее, человека, который держит его у себя.

Рыжая борода герцога словно вспыхнула огнем на мертвенной бледности его лица.

— Где мой сын? — еле выговорил он.

— В гостинице «Бойцовый петух», в двух милях от ворот вашего парка. По крайней мере, там он был вчера.

Герцог откинулся на спинку кресла.

— Кого вы обвиняете?

Ответ Шерлока Холмса поразил меня. Он стремительно шагнул вперед и коснулся рукой плеча герцога.

— Я обвиняю вас. А теперь, ваша светлость, будьте добры выдать мне чек на шесть тысяч фунтов.

Мне никогда не забыть, как герцог вскочил с кресла и судорожно взмахнул руками, точно стараясь удержаться на краю пропасти. Потом, нечеловеческим усилием воли призвав на помощь свою аристократическую выдержку, он снова сел к столу и закрыл лицо руками. Прошла минута, другая...

— Что вам, собственно, известно? — спросил несчастный, не поднимая головы.

— Я видел вас вместе с ним вчера вечером.

— Кто еще знает об этом, кроме вашего друга?

— Я никому ничего не говорил.

Трясущимися пальцами герцог взял перо и открыл чек-книжку.

— Я не нарушу своего слова, мистер Холмс. Вы получите обещанный чек, хотя эти деньги пойдут в уплату за вести, которые ничего, кроме горя, мне не принесли. Но мог ли я думать, обещая вознаграждение, что события примут такой оборот! Впрочем, надеюсь, и вы, мистер Холмс, и ваш друг — люди благоразумные?

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, ваша светлость.

— Хорошо, будем говорить начистоту, мистер Холмс. Если подробности этого дела никому, кроме нас двоих, не

известны, дальнейшего хода ему можно не давать. Я должен вам двенадцать тысяч фунтов, не правда ли?

Но Холмс улыбнулся и покачал головой.

— Увы, ваша светлость! Все это не так легко уладить, как может показаться с первого взгляда. Кто-то должен нести ответ за убийство учителя.

— Но Джеймс тут ни при чем! Нельзя перекладывать всю вину на него. Убийство — дело рук этого зверя, этого негодяя, услугами которого он имел несчастье воспользоваться.

— А я держусь того взгляда, ваша светлость, что, когда человек стал на путь преступления, он должен нести моральную ответственность за все возможные последствия.

— Моральную — да. Но не заставляйте его отвечать перед лицом закона! Человека нельзя осуждать за убийство, при котором он даже не присутствовал, за убийство, которое возмутило его не меньше, чем вас. Услышав о нем, он не вынес угрызений совести и сразу во всем мне признался. Потом, не теряя ни минуты, порвал с убийцей. Мистер Холмс, спасите его, спасите! Умоляю вас, спасите его!

Куда девалась аристократическая сдержанность герцога! Этот вельможа метался по кабинету с искаженным лицом, судорожно взмахивая руками. Наконец он овладел собой, снова сел к столу и сказал:

— Я ценю, что вы пришли ко мне к первому. Давайте, по крайней мере, обсудим, какие надо принять меры, чтобы уберечь меня от позора.

— Давайте, — сказал Холмс. — Но тогда, ваша светлость, нам надо быть откровенными друг с другом до конца. Я сделаю все, что в моих силах, если буду знать точно обстоятельства этого дела. Насколько мне удалось понять, ваши слова относились к мистеру Джеймсу Уайлдеру, следовательно, вы утверждаете, что убийца не он?

— Да, убийце удалось скрыться.

Холмс сдержанно улыбнулся.

— Ваша светлость, видимо, не осведомлены о моих скромных заслугах в этой области, иначе вы не подумали бы, что от меня так легко скрыться. Вчера, в одиннадцать часов вечера, мистер Рюбен Хейз арестован в Честерфилде по моему указанию. Начальник тамошней полиции известил меня об этом сегодня утром. Я получил его телеграмму, перед тем как уйти из школы.

Герцог откинулся на спинку кресла и в изумлении взглянул на моего друга.

— Есть ли пределы вашим возможностям, мистер Холмс! — воскликнул он. — Значит, Рубен Хейза арестован? Что ж, этому можно только радоваться. Но не отразится ли его арест на судьбе Джеймса?

— Вашего секретаря?

— Нет, сэр, моего сына.

На сей раз удивляться пришлось Холмсу.

— Должен вам сказать, ваша светлость, что ничего подобного я не предполагал. Может быть, вы объясните все подробнее?

— Я ничего не стану скрывать. Вы правы: только полная откровенность, хоть она и мучительна для меня, может облегчить ужасное положение, в которое поставил нас обоих обезумевший от зависти Джеймс. В молодые годы, мистер Холмс, я любил так, как любят только раз в жизни. Я предложил руку любимой женщине, но она отвергла мое предложение, опасаясь, что такой брак испортит мне карьеру. Если бы она была жива, я не женился бы ни на ком другом. Но она умерла, оставив мне ребенка, и я лелеял его, заботился о нем в память о ней. Я не мог открыто признать свое отцовство, но мой сын получил самое лучшее образование и, когда вырос, всегда жил при мне. Он случайно узнал мою тайну и с тех пор старался всячески использовать свои сыновние права, держа меня в страхе перед разоблачением. Его присутствие в Холдернесс-холле до некоторой степени было причиной моего разрыва с женой. И, что самое тяжелое, он с первого же дня возненавидел лютой ненавистью моего маленького сына, моего законного наследника.

Вы спросите, почему же я, несмотря на все это, продолжал держать Джеймса у себя в доме? Ответ мой будет таков: потому что я видел в нем его мать и терпел ради нее. Не только чертами лица, но и движениями, манерами он ежеминутно вызывал у меня в памяти ее милый облик. Расстаться с ним мне было не под силу. Но под конец я стал бояться, как бы он не сделал чего-нибудь с Артуром — лордом Солтайром, и отослал мальчика в интернат, к доктору Хакстейблу.

Джеймс управлял у меня делами по имению и таким образом узнал Хейза, который был одним из моих арендаторов. Что у него могло быть общего с этим заведомым негодяем, не знаю, но они подружились. Впрочем, я всегда замечал за Джеймсом тяготение к дурному обществу. Ре-

шив похитить лорда Солтайра, он сделал этого человека своим сообщником.

Вы помните, я написал Артуру письмо накануне его бегства? Так вот, Джеймс вскрыл конверт и вложил туда записку, в которой просил Артура встретиться с ним в роще Косой клип, что недалеко от школы. Мальчик пришел на свидание, потому что записка была послана якобы по просьбе герцогини. Джеймс приехал в рощу на велосипеде — в чем потом сам признался мне — и уверил Артура, что мать тоскует по нему, что она здесь неподалеку и что, если он придет в рощу в полночь, там его будет ждать провожатый с лошастью. Несчастный мальчик попался в эту ловушку. Он пришел в рощу к назначенному часу и увидел там Хейза, который сам был верхом и держал в поводу пони. Артур сел в седло, и они тронулись в путь. Как выяснилось впоследствии — Джеймс узнал об этом только вчера, — за ними была погоня. Хейз ударил преследователя несколько раз дубинкой по голове, и тот умер от полученных ран. Хейз привез Артура к себе в гостиницу и запер его наверху, заставив присматривать за ним миссис Хейз, женщину добрую, но всецело подчиняющуюся своему свирепому супругу...

Вот, мистер Холмс, как обстояли дела два дня назад, когда мы с вами встретились. Я знал обо всем этом не больше вас. Если вы спросите меня, что толкнуло Джеймса на такой поступок, я отвечу вам: в его ненависти к лорду Солтайру было что-то слепое, фанатичное. Джеймс считал, что все мои поместья должны отойти к нему, и не мог спокойно говорить о существующих у нас законах наследования. Впрочем, им двигала не только безрассудная ненависть, но и тонкий расчет. Он думал, что я могу оставить ему в наследство мои поместья по завещанию, вопреки майорату, и требовал этого, обещая вернуть мне Артура. Он прекрасно знал, что я никогда не заявлю на него в полицию. Таковы были намерения Джеймса, но они так и остались всего лишь намерениями, ибо события разворачивались с такой быстротой, что ему не удалось осуществить свой план.

Вы обнаружили тело убитого Хайдеггера и тем самым сразу положили конец этому злему замыслу. Джеймс ужаснулся, услышав о гибели учителя. Мы узнали об этом вчера, сидя вот здесь, в кабинете, куда нам принесли телеграмму доктора Хакстейбла. Она привела Джеймса в такое смятение, он так сокрушался, что смутная догадка, все время мучившая меня, превратилась в уверенность, и я бросил об-

винение ему в лицо. Он во всем чистосердечно покаялся, но тут же стал умолять меня повременить дня три, чтобы его гнусный сообщник мог спастись. Я уступил ему, как уступал всегда и во всем, и тогда Джеймс кинулся в гостиницу предупредить Хейза и помочь ему бежать. Идти туда засветло мне было невозможно, так как это возбудило бы толки. Я дождался темноты и поспешил к моему дорогому Артуру. Он был цел и невредим, но вы не можете себе представить, какое страшное впечатление произвело на ребенка убийство, совершенное у него на глазах! Помни о данном слове, я скрепя сердце оставил Артура в гостинице еще на три дня на попечении миссис Хейз. Ведь сообщать обо всем этом в полицию, не выдавая убийцы, было нельзя, а арест Хейза погубил бы моего несчастного Джеймса.

Вы настаивали на взаимной откровенности, мистер Холмс, и разрешите мне поймать вас на слове. Я рассказал вам все, ничего не утаивая, ничего не смягчая. Будьте и вы откровенны со мной до конца.

— Хорошо, ваша светлость,— ответил Холмс.— Прежде всего я должен сказать вам, что перед лицом закона ваше положение чрезвычайно серьезно. Вы покрыли уголовное преступление, вы помогли убийце бежать, ибо, по всей вероятности, деньги на его побег Джеймс Уайлдер взял у вас из кармана.

Герцог молча склонил голову.

— Да, дело крайне серьезное. Но, на мой взгляд, то, как вы поступили со своим младшим сыном, ваша светлость, заслуживает еще большего осуждения. Вы согласились оставить его на три дня в этом притоне!

— Меня клятвенно заверили...

— Разве можно полагаться на клятвы этих *шюдей*! Вы уверены, что его не упрячут куда-нибудь подальше? В угоду преступному старшему сыну вы без всякой нужды подвергаете опасности ни в чем не повинного ребенка! Нет, ваш поступок нельзя оправдать!

Гордый вельможа не привык выслушивать такие отповеди — и где? В его же герцогских чертогах! Кровь бросилась ему в лицо, но совесть заставила его смолчать.

— Я помогу вам, но при одном условии: вызовите слугу, и пусть он исполнит мое распоряжение.

Не говоря ни слова, герцог нажал кнопку электрического звонка. В кабинет вошел лакей.

— Вам, наверно, будет приятно услышать,— сказал ему Холмс,— что лорд Солтайр нашелся. Герцог приказыв-

ваает немедленно выслать за ним экипаж в гостиницу «Бойцовый петух»... А теперь,— сказал Холмс, когда просиявший от радости лакей выбежал из кабинета,— обеспечив ближайшее будущее, мы можем более снисходительно отнестись к недавнему прошлому. Поскольку справедливость будет восстановлена, я как лицо неофициальное не вижу необходимости доводить до сведения властей обо всем, что мне известно. Хейз — дело другое. Его ждет виселица, и я палец о палец не ударю, чтобы спасти ему жизнь. Разгласит он вашу тайну или нет — не знаю, не берусь предсказывать, но вы, несомненно, можете внушить ему, что говорить лишнее не в его интересах. В полиции Хейза обвинят в похищении мальчика в расчете на выкуп. Если там не копнут поглубже, я не вижу оснований наталкивать их на другие догадки. Однако мне хочется сказать вашей светлости, что дальнейшее пребывание мистера Джеймса Уайлдера у вас в доме к добру не приведет.

— Это я знаю сам, мистер Холмс, и у нас с ним решено: он навсегда покинет Холдернесс-холл и отправится искать счастья в Австралии.

— Ваша светлость, вы говорили, что Джеймс Уайлдер был яблоком раздора между вами и вашей женой. А не попробовать ли вам теперь примириться с герцогиней и снова наладить свою семейную жизнь?

— Об этом я тоже подумал, мистер Холмс, и сегодня утром написал герцогине.

— В таком случае,— сказал Холмс, вставая,— и я и мой друг можем поздравить себя с тем, что наше недолгое пребывание в ваших местах принесло неплохие плоды. Мне осталось выяснить только один вопрос. Лошади Хейза были подкованы так, что их следы можно было принять за отпечатки коровьих копыт. Кто его надоумил сделать это — уж не мистер ли Уайлдер?

Минуту герцог молчал, сосредоточенно сдвинув брови. Потом он открыл дверь в соседнюю комнату, представлявшую собой настоящий музей, подвел нас к витрине в дальнем ее углу и показал на надпись под стеклом.

«Эти подковы,— прочитали мы,— найдены при раскопках крепостного рва в Холдернесс-холле. Они предназначались для лошадей, но их выковывали в форме раздвоенного коровьего копыта. По-видимому, магнаты Холдернесс-холла, занимавшиеся разбоем в средние века, применяли этот способ, чтобы сбивать погоню со следа».

Холмс поднял стеклянную крышку и, посплюнув палец, провел им по одной из подков. На пальце осталось темное пятно — болотная тина еще не успела как следует засохнуть.

— Благодарю вас, — сказал мой друг. — Вот второе, что чрезвычайно заинтересовало меня в ваших местах.

— А первое?

Холмс перегнул чек пополам и бережно вложил его в записную книжку.

— Я человек небогатый, — сказал он и засунул книжку поглубже во внутренний карман пиджака.

СОДЕРЖАНИЕ

Собака Баскервилей. Перевод Н. Волжиной . . .	3
---	---

РАССКАЗЫ

Серебряный. Перевод Ю. Жуковой	155
Желтое лицо. Перевод Н. Вольпин	179
Обряд дома Месгрейвов. Перевод Д. Лившиц . . .	197
Пляшущие человечки. Перевод М. и Н. Чуковских	217
Случай в интернете. Перевод Н. Волжиной . . .	242

КОНАН ДОЙЛЬ АРТУР

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

РАССКАЗЫ

Редакторы Э. Шахова, Е. Чевкина
Художественный редактор Л. Калитовская
Технический редактор Г. Моисеева
Корректор З. Тихонова

ИБ № 5228

Подписано в печать 12.06.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн.
№ 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ.
л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,7. Уч.-изд. л. 15,09. Тираж 300 000 экз.
Изд. № VI-2960. Заказ № 707. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного знамени издательство
«Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78,
Ново-Басманная, 19.

Отпечатано с матриц в типографии ордена Ленина комбината
печати издательства «Радянська Україна», г. Киев,
ул. Анри Барбюса, 51/2. Зак. 707.

1 р. 30 к.

